

АНГЕЛИНА ЛУАР

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР

СОЮЗ, СКРЕПЛЕННЫЙ КЛЯТВОЙ.
СВЯЗЬ, РОЖДЕННАЯ ДОЛГОМ.
НАВСЕГДА.

ВЕНЧАНИЕ КЛЯТВОЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЦИКЛ «КЛЯТВА»

18+

Ангелина Луар

Венчанные клятвой

<https://litres.ru/74362849>

SelfPub; 2026

Аннотация

Валентино Корлионезо — Дон одной из самых могущественных Семей Америки. В его мире власть держится на крови, преданности и клятвах, которые невозможно нарушить. Он привык получать желаемое и не отпускать то, что однажды признал своим.

Миллиана Волконская всю жизнь считала себя свободной. Она строила карьеру и была уверена, что только ей решать, каким будет её будущее. Пока однажды не узнала, что за благополучием её семьи скрывается мир организованной преступности, а её собственный брак давно стал частью сделки между двумя влиятельными кланами.

Теперь Миллиане предстоит стать женой мужчины, которого она едва знает и которому отказывается подчиняться. Нино нужен союз, способный укрепить власть его Семей. Миллиане — свобода и безопасность младшей сестры.

Это история о двух людях, венчанных чужой клятвой, которые должны решить, смогут ли однажды выбрать друг друга сами — прежде чем мир, которому они принадлежат, потребует слишком высокую цену.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

215

Ангелина Луар

Венчанные клятвой

ЦИКЛ «КЛЯТВА»

«Венчанные клятвой»

Плейлист:

Heartburn — Wafia

Black Sea — Natasha Blume

The Hills — The Weeknd

День без тебя — ВИА ГРА

Gangsta — Kehlani

Him & I — G-Eazy, Halsey

Skyfall — Adele

Can't Pretend — Tom Odell

*Пусть самая важная клятва в вашей жизни всегда
будет той,*

которую вы выбрали сами.

Глава 1.

С

олнечные лучи пробивались сквозь плотные занавески,

когда я в очередной раз попыталась заставить себя встать. Безуспешно. Вчера я слишком долго просидела над документами, чтобы сегодня добровольно покидать кровать раньше необходимого. Должно же быть хоть одно преимущество работы в компании собственного отца. Например, официальное право опаздывать после бессонной ночи.

Видимо, кто-то наверху решил, что таких привилегий мне не положено, потому что дверь распахнулась и в комнату влетела Аврора. Правда, почти сразу замедлилась и на носочках направилась к кровати, явно рассчитывая, что я сплю. Я не шевелилась, позволяя ей забраться рядом, и дождалась, пока пальцы осторожно коснутся моей талии. За секунду до того, как сестра успела меня защекотать, я перевернулась и напала первой.

— Милли, нет! — Аврора захохотала, пытаясь отбиться и одновременно спрятаться под одеялом. — Всё, хватит! Пожалуйста, я сдаюсь!

Я отпустила её только после того, как получила пяткой по бедру, и села на край кровати. За моей спиной Аврора возмущённо поправляла перекрутившуюся майку.

— Ты как маленькая, — сказала я, обернувшись через плечо. — Знаешь же, что терпеть не могу щекотку, но всё равно каждый раз испытываешь судьбу.

— Я думала, ты спишь. Уже почти восемь, завтрак ты пропустила, поэтому решила проверить, не собираешься ли заодно пропустить работу. А щекотка — прекрасный способ

разбудить человека.

— Радуйся, что не придумала плеснуть в меня водой. Вот тогда точно получила бы, — я поднялась и накинула халат, лежавший на пуфе. — Папа ругался, что я не спустилась?

— Сказал, если ещё и на работу опоздаешь, будет выговор. Он вообще с утра не в настроении. Мама его игнорирует.

Я остановилась на пути к гардеробной. Вот это уже было странно. Мать слишком сильно держалась за отца, чтобы демонстративно с ним конфликтовать, и обычно именно она первой сглаживала любые разногласия между ними. Иногда я даже завидовала ему. Для Дмитрия Волконского у неё находились и внимание, и терпение, и желание сохранить мир. Для собственных дочерей — значительно реже.

— Так ты пойдёшь на работу или решила проверить, насколько далеко сегодня зайдёт папино терпение? — спросила Аврора.

Я выглянула из гардеробной и бросила на неё строгий взгляд. За это время сестра успела устроиться на подоконнике и теперь листала что-то в телефоне, беззаботно болтая ногой.

— А ты? В университет собираешься или решила фило-
нить?

— Мне сегодня к третьей, — она спрыгнула на пол и подошла ближе, когда я вынесла платье. Несколько секунд изучала его, после чего многозначительно подняла брови. —

Ты решила окончательно добить работников отца? Там половина мужчин старше пятидесяти. Хочешь одновременно лишить их благоразумия и вернуть потенцию?

— Аврора.

По моему тону она поняла, что продолжать лучше не стоит, хотя улыбка никуда не исчезла.

— Ладно, ладно. Когда будешь уходить, загляни ко мне. Мне нужно кое-что сказать.

Сестра скрылась за дверью, а я наконец отправилась в душ. Холодная вода окончательно прогнала сонливость, после чего началась моя любимая часть утра: уход за кожей, волосы и макияж. Обычно этот ритуал помогал настроиться на день гораздо лучше кофе.

Когда я закончила и снова взяла платье, стало понятно, почему Аврора так отреагировала. Чёрное, облегающее, на сестре оно выглядело бы просто коротким, а при моих ста семидесяти пяти сантиметрах доходило едва до середины бедра. Как оно вообще оказалось в моём гардеробе, выяснять не имело смысла: мы с Авророй постоянно таскали вещи друг у друга. Меня длина вполне устраивала. Сверху я накинула чёрный блейзер, добавила шпильки и решила, что для офиса отца этого более чем достаточно.

Завтракать уже не хотелось, поэтому перед выходом я заглянула к сестре. Аврора лежала поперёк кровати, почти полностью скрывшись под одеялом, и смотрела рилсы в телефоне.

— Что ты хотела, мелочь?

Она повернула голову и одобрительно оглядела меня.

— Эти шпильки делают твои ноги неприлично сексуальными. Я бы заплатила за лица папиных сотрудников сегодня.

На этот раз я всё-таки рассмеялась.

— Аврора, если не хочешь, чтобы я действительно опоздала, говори.

Сестра сразу стала серьёзнее, отбросила одеяло и села.

— Мама позвала меня сегодня на показ какого-то нового бренда. Хочет, чтобы я пошла вместе с ней.

Я прислонилась плечом к дверному косяку. Мать никогда не проводила с нами время просто потому, что ей захотелось. Сам факт приглашения уже выглядел подозрительно.

— И что ты ответила?

— Что пойду. Мне самой интересно, зачем ей вдруг понадобилась моя компания. Особенно после их утренней ссоры, — Аврора встала и подошла ко мне. — Не смотри так, Милли. Я буду осторожна. Просто предупредить хотела, что вечером на ужин с тобой не смогу. Придётся чахнуть среди старикашек одной.

Она тут же ущипнула меня за задницу, и я отскочила, возмущённо ахнув.

— Аврора!

— Я напишу потом, — совершенно невозмутимо бросила сестра и скрылась в ванной.

Я только покачала головой и спустилась вниз. Горничные

уже занимались домом, в холле пахло кофе и свежими цветами, но задерживаться я не стала. На улице у машины ждал Виктор Бойский.

Ему было тридцать девять, но возраст совершенно не вязался с его внешностью. Высокий, массивный, всегда собранный, Виктор с детства казался мне человеком, рядом с которым любая опасность становилась значительно меньше. Он открыл заднюю дверь и окинул мой наряд внимательным взглядом.

— Доброе утро, Миллиана. Предполагаю, Аврора уже высказалась по поводу твоего внешнего вида?

— Более чем. Поэтому можешь даже не начинать лекцию о безопасности, — я устроилась на сиденье и положила сумку рядом. — Всему необходимому ты меня научил. К тому же я еду в компанию отца. Там ко мне никто с плохими намерениями даже приблизиться не рискнёт.

На лице Виктора мелькнула совсем невесёлая усмешка.

Он всегда относился к нашей с Авророй безопасности серьёзнее всех остальных. Именно Виктор ещё в детстве научил меня защищаться, а позже — стрелять. В четырнадцать я сама уговорила его дать мне в руки пистолет, хотя до этого несколько лет донимала просьбами хотя бы позволить подержать оружие.

Первый выстрел я помнила до сих пор: слишком громкий звук, отдача в ладонях и пуля, ушедшая мимо мишени в сторону леса. Потом весь вечер я переживала, не задела ли она

птицу или животное. Наверное, именно тогда Виктор впервые начал объяснять мне, что оружие не имеет ничего общего с ощущением вседозволенности. Стрельба требовала прежде всего контроля над собой. Чем спокойнее становилось дыхание, тем точнее ложились пули.

С годами это ощущение мне даже понравилось.

Понимание, что хаос можно остановить, если сама не позволишь ему овладеть тобой.

Я никогда не рассказывала Виктору об этом, но была уверена, что он и так понимал. Он вообще слишком многое понимал без слов. Возможно, именно поэтому в моменты, когда мне становилось по-настоящему плохо, я чаще шла к нему, чем к собственному отцу.

— Сегодня ты всё-таки опоздаешь, Милли, — голос Виктора выдернул меня из мыслей. — Мы пятнадцать минут почти не двигаемся. Пробки десять баллов.

Я посмотрела в окно и только тогда заметила плотный поток машин впереди.

— Отлично. Папа будет счастлив.

— Могу попробовать объехать, но не обещаю, что выиграем много времени, — Виктор посмотрел на меня через зеркало заднего вида.

— Не нужно. Опоздаю — значит, опоздаю. Он ещё утром понял, чем всё закончится.

Виктор кивнул и снова сосредоточился на дороге, а я достала документы, которые просматривала вчера. Читать ока-

залось бесполезно. Мысли постоянно возвращались к словам Авроры о родителях.

Отец редко проявлял открытую агрессию по отношению к нам, зато прекрасно умел ранить словами. Мать действовала иначе. Её главным оружием всегда оставалось равнодушие. Удивительно подходящая пара: он мог сделать больно одним предложением, она — отсутствием любого участия.

В детстве сильнее всего мне не хватало именно матери. Я хотела самых простых вещей: чтобы она спрашивала, как прошёл мой день, обняла, когда мне плохо, заметила, когда я стараюсь. С возрастом пришлось принять очевидное — Натали Волконская не собиралась становиться той мамой, которую я себе придумала.

Наверное, поэтому с Авророй всё вышло иначе.

Пока мы росли, я делала всё, чтобы она никогда не чувствовала того одиночества, которое знала сама. Если родители сердились на неё, я первой вставала между ними. Если ей было страшно, она приходила ко мне. Если случалась проблема, мы решали её вместе. Перед отцом или матерью я могла растеряться, снова почувствовать себя ребёнком, которому отчаянно хочется их одобрения, но стоило кому-нибудь задеть Аврору, как эта слабость исчезала.

Я не всегда знала, как правильно быть старшей сестрой. Просто очень старалась, чтобы Аврора никогда не сомневалась в одном: что бы ни случилось, я буду на её стороне.

Когда спустя почти час машина остановилась возле высот-

ки компании отца, я уже успела смириться с тем, что выговора не избежать. Можно было даже не надеяться, что моё опоздание останется незамеченным: отцу наверняка доложили ещё до того, как мы свернули на парковку.

Я вошла в здание и едва успела кивнуть девушке за стойкой приёма, когда она окликнула меня.

— Миллиана Дмитриевна! — девушка поднялась со своего места, и выражение её лица сразу подсказало, что ничего приятного я сейчас не услышу. — Дмитрий Викторович собрал срочное совещание в конференц-зале. Все ждут только вас. Уже полчаса как.

— Поняла. Спасибо, — я коротко кивнула и, не задерживаясь, направилась к лифтам.

Пока шла через холл, несколько раз поймала на себе мужские взгляды. Аврора оказалась права: платье явно не осталось незамеченным. Впрочем, меня это совершенно не беспокоило. Я прекрасно понимала, что надеваю утром, и никогда не считала необходимым прятать собственное тело только потому, что кому-то может не хватить воспитания отвести глаза. Мне нравилась одежда, которая подчёркивала фигуру, нравилось чувствовать себя красивой, и отказываться от этого ради чужого представления о том, как должна выглядеть «приличная девушка», я не собиралась.

Лифт поднял меня на последний этаж. Я вышла, повернула за угол и тут же врезалась во что-то настолько твёрдое, что на шпильках потеряла равновесие. Чужая рука мгновен-

но сомкнулась вокруг моего локтя, удерживая на месте, причём пальцы сжали слишком сильно.

Я выпрямилась и сразу отступила.

Первое, что увидела, — внимательные карие глаза.

Мужчина передо мной был огромным. Не выше Виктора, но достаточно, чтобы мне впервые за долгое время пришлось заметно запрокинуть голову. Широкие плечи натягивали ткань чёрной футболки, короткие тёмные волосы слегка вились, на сильной челюсти темнела щетина. В его внешности было что-то южное, резкое, но взгляд привлекал куда сильнее любых черт лица. Спокойный, тяжёлый и слишком прямой, будто мужчина не рассматривал меня, а уже что-то решал.

— На таких палках удобно ходить? — спросил он на английском, опустив взгляд к моим туфлям.

Я нахмурилась. На секунду даже показалось, что речь шла о ногах, и тогда его внушительные размеры перестали бы быть достаточной причиной для вежливости.

— Что? — ответила я на том же языке.

— Как ты вообще на них ходишь? — он едва заметно кивнул на шпильки. При этом не улыбнулся, будто вопрос действительно его интересовал.

— А вы головой ни обо что не бьётесь? — я подняла взгляд выше, откровенно намекая на его рост.

— Я внимательный, — спокойно ответил мужчина, никак не отреагировав на язвительность.

— Настолько внимательный, что только что чуть не сбили меня с ног? — я прекрасно понимала, что разумнее было бы закончить разговор и уйти на совещание, где меня уже ждал разгневанный отец, но промолчать не смогла.

Мужчина посмотрел на меня ещё несколько секунд, а затем сделал шаг вперёд.

Я не ожидала этого и не успела отреагировать. Он наклонился настолько близко, что тепло его дыхания коснулось моей шеи. В нос ударил свежий запах с нотами бергамота, а в следующую секунду мужчина неожиданно провёл пальцами по пряди моих русых волос, медленно накрутил её на указательный палец и вдохнул мой аромат.

Я застыла.

За всю мою жизнь никто из незнакомых мужчин не позволял себе подобного. Не просто прикоснуться без разрешения — подойти настолько близко, будто расстояние между нами принадлежало ему и моего мнения не требовало.

— Тебя с ног сбила собственная невнимательность, — произнёс он тихо, продолжая держать прядь между пальцами. Его лицо оказалось совсем близко, и мне пришлось заставить себя не отступать сразу. — Если бы это сделал я, шоколадка, ты бы уже стояла передо мной на коленках и смотрела этими зелёными глазами снизу вверх, ожидая разрешения.

От неожиданности я несколько секунд даже не могла заговорить.

Его голос оставался совершенно спокойным. Никакой улыбки, никакого откровенного желания пошутить. Он произнёс эту мерзость с такой уверенностью, будто просто сообщил мне время.

Я резко отступила, вырывая волосы из его пальцев.

— Вы...

Договорить не получилось.

Мужчина уже развернулся и спокойно направился к лифту, словно только что не вторгся в моё личное пространство и не сказал незнакомой женщине настолько грязную фразу.

Я смотрела ему вслед, всё ещё не веря в происходящее. У лифта он остановился и снова повернулся ко мне. Его взгляд медленно прошёлся по моему телу, задержался на ногах, открытых коротким платьем, затем поднялся к бёдрам. Я неожиданно остро ощутила, насколько плотно ткань облегает фигуру.

И впервые за утро пожалела, что надела именно это платье. Мне просто не нравилось, как смотрел на меня этот мужчина.

Двери лифта разошлись, но он не сразу вошёл внутрь. Несколько секунд продолжал смотреть прямо мне в глаза, после чего уголок его рта едва заметно приподнялся.

— Мне нравится запах шоколада.

Двери закрылись, и я осталась одна посреди коридора.

Только теперь заметила, что руки слегка дрожат, и сжала пальцы, пытаясь остановить это. Сердце билось быстрее

обычного, а кожа на шее всё ещё будто помнила его дыхание.

— Самоуверенный мудака, — тихо процедила я, глядя на закрытые двери лифта.

Больше всего раздражало даже не то, что он позволил себе пошлый комментарий. Меня злило собственное оцепенение. Я не поставила его на место вовремя, не оттолкнула сразу, позволила приблизиться настолько, что несколько секунд вообще не могла нормально соображать.

И всё же за злостью оставалось другое чувство, в котором мне совершенно не хотелось признаваться.

Мне было страшно.

С детства вокруг меня существовали чёткие границы. Люди отца знали, кто я, сотрудники компании знали мою фамилию, а Виктор следил за безопасностью так, что большинство посторонних мужчин даже не пытались позволить себе лишнюю фамильярность. Я привыкла к тому, что могу остановить человека одним взглядом, одной фразой или просто упоминанием отца.

А этот мужчина не боялся ничего. Ни моей реакции, ни возможных последствий, ни того, что находится в здании Дмитрия Волконского. И хуже всего — он вёл себя так, будто заранее знал, что ему за это ничего не будет.

Мой взгляд зацепился за настенные часы, и я едва не выругалась вслух. После встречи с незнакомцем я задержалась ещё сильнее, а значит, отцу уже наверняка успели сообщить не только о моём опоздании, но и о том, сколько именно ми-

нут он ждёт. Стук шпилек эхом разносился по длинному коридору, пока я почти бежала к конференц-залу. Только перед самой дверью заставила себя остановиться, выровняла дыхание и несколько раз сжала пальцы, пытаясь унять остаточную дрожь после неприятной встречи. Я и так собиралась предстать перед разгневанным Дмитрием Волконским, не хватало ещё показать ему, что какой-то незнакомый мужчина сумел выбить меня из равновесия. Постучав, я не стала ждать разрешения и сразу открыла дверь.

Первым я увидела отца. Его строгого взгляда хватило, чтобы всё остальное отступило куда-то на второй план. В такие моменты рядом с ним я снова чувствовала себя маленькой девочкой, которая сделала что-то неправильное и теперь ждёт наказания. Я ненавидела эту реакцию в себе, но остановить её не могла. Застыла на пороге всего на несколько секунд, одновременно пытаюсь понять, насколько заметна окружающим моя слабость, и как же сильно хотелось, чтобы внешняя уверенность хоть раз оказалась сильнее того, что происходило внутри.

— Миллиана, — голос отца прорезал наступившую тишину, и по его лицу сразу стало понятно, что никакими оправданиями я сегодня не отделаюсь. — Ты опоздала на сорок минут. Из-за тебя нам пришлось начинать переговоры с иностранными партнёрами без человека, отвечающего за международные отношения. Я надеюсь, ты понимаешь, насколько непрофессионально это выглядит со стороны.

— Отец, я понимаю, что опоздала, но могу объяснить...

— начала я, делая несколько шагов внутрь, однако договорить он не позволил.

— Я не спрашивал объяснений, — отец резко ударил ладонью по столу, и несколько сотрудников невольно вздрогнули. Затем он окинул помещение тяжёлым взглядом и уже им приказал людям собираться. — На сегодня достаточно. Собрание окончено. Все свободны.

Люди начали быстро закрывать ноутбуки и собирать документы. Никто не пытался задерживаться, а некоторые даже избегали смотреть в мою сторону. Через пару минут дверь закрылась за последним сотрудником, и мы остались вдвоём. Отец поднялся, жестом велел мне подойти ближе и повернулся к панорамному окну. Я подчинилась, остановившись у края стола. За стеклом раскинулся город, но сейчас мне было плевать на вид. Дмитрий молчал достаточно долго, чтобы я успела перебрать десятки вариантов разговора и ни в одном не найти объяснения тому, почему обычное опоздание вызвало настолько сильную реакцию. Невольно вспомнились слова Авроры о его утренней ссоре с матерью, и я начала подозревать, что дело вообще не только во мне.

Когда отец наконец развернулся, прежняя резкая злость почти исчезла. Он выглядел спокойнее, только глубокая складка между бровями выдавала напряжение.

— Миллиана, ты уже не маленькая, — произнёс он, медленно осматривая меня. Его взгляд на секунду задержался на

платье, и я сразу вспомнила незнакомца из коридора, отчего стало ещё неприятнее. — Сегодня было важное совещание, и твоя роль на нём должна была быть весомой. Вместо этого ты заставила людей ждать и показала себя непрофессионально. Ты действительно хочешь, чтобы сотрудники считали, будто ты получила эту должность исключительно потому, что я твой отец?

— Конечно, нет. Я прекрасно понимаю, что виновата в опоздании, и это больше не повторится, — ответила я, стараясь говорить спокойно. — Но ты ведёшь себя так, будто сорок минут перечеркнули всё, что я делала до сегодняшнего дня.

Отец опустил обратно в кресло и переплёл пальцы перед собой. Его взгляд оставался на мне, и от него становилось всё неуютнее.

— В свои двадцать один ты действительно хорошо разбираешься в области, в которой работаешь. Иначе я вообще не позволил бы тебе занять это место. Но иногда ты заставляешь меня сомневаться, что я правильно сделал, возложив на тебя столько ответственности, — он выдержал короткую паузу, после чего добавил значительно спокойнее: — Я наивно думал, что, будучи моей наследницей, ты сможешь стать той, кем я хотел тебя видеть, несмотря на свой пол. Но ты женщина, Миллиана. Это нельзя изменить.

Слова ударили гораздо сильнее, чем я ожидала. Где-то глубоко я всегда знала, что отец хотел сына. Иногда это про-

являлось в его требованиях, отношении или случайных замечаниях, но до сегодняшнего дня он никогда не говорил об этом настолько прямо. Теперь же выяснилось, что все мои достижения существовали для него рядом с одним неизменным недостатком — я родилась девочкой.

— Это всего лишь одно опоздание, — голос предательски дрогнул, и меня разозлило уже собственное состояние. — Я буду приезжать раньше, если для тебя это настолько важно. Но не говори так, будто мои способности вдруг стали меньше значить только потому, что я женщина. Ты прекрасно знаешь, сколько я работала ради этой должности.

— Миллиана, речь не только о сегодняшнем дне, — отец неожиданно произнёс моё имя мягче, и от этой несвойственной ему интонации стало только тревожнее. — Я никогда не собирался взваливать на тебя все проблемы и обязанности, связанные с моим делом. Надеялся, что после совершеннолетия ты достаточно быстро выйдешь замуж, и часть ответственности перейдёт к твоему мужу. Именно так я всегда представлял твоё будущее.

Я несколько секунд просто смотрела на него, не веря, что он действительно произнёс это вслух.

— Ты знаешь, как я училась. Знаешь, сколько времени потратила, чтобы закончить университет с красным дипломом и доказать, что заслуживаю место здесь, — я сильнее опёрлась бедром о край стола, потому что воздуха вдруг стало меньше. — Мне не нужен мужчина, чтобы заниматься тем, в

чём я разбираюсь сама. И тем более мне не нужен муж только для того, чтобы однажды забрать у меня то, чего я добилась.

— А я говорю тебе, что женщины в нашем мире не занимают того же положения, что мужчины, — спокойно возразил отец, будто объяснял мне очевидную вещь. — И это моя ошибка, что я слишком долго позволял тебе верить в обратное. Женщина может быть умной, образованной, полезной, но в определённый момент рядом всё равно должен оказаться мужчина, который возьмёт на себя основную ответственность.

Злость наконец начала вытеснять боль.

— Ты вообще слышишь себя? Сейчас не прошлый век. Женщина не становится автоматически менее способной только потому, что родилась женщиной. Мы можем работать, управлять, принимать решения и отвечать за них точно так же.

— Не забывайся, Миллиана, — отец снова ударил ладонью по столу, и лежащие перед ним бумаги сдвинулись. Его голос стал заметно жёстче. — Я твой отец. Не повышай на меня голос и знай своё место. Ты слишком мало понимаешь о мире, в котором живёшь, чтобы рассказывать мне, как он устроен.

Я тяжело сглотнула и отвела взгляд. Последняя фраза показалась странной, но сейчас мне было не до попыток искать в ней скрытый смысл. Перед глазами уже начинали появляться тёмные пятнышки, поэтому пришлось сделать

несколько более глубоких вдохов, стараясь не показать отцу, насколько сильно этот разговор задел меня.

— На этом закончим, — продолжил он после короткого молчания. — Вечером был назначен деловой ужин, но планы изменились. От компании поедешь только ты. Там будет представитель наших иностранных партнёров, и твоя задача — исправить сегодняшнюю ошибку. Проведёшь переговоры и сделаешь всё необходимое, чтобы сотрудничество продолжилось. Если снова провалишься, последствия тебе не понравятся. Сказка закончилась, Миллиана.

Я совершенно не узнавала человека перед собой. Отец никогда не был особенно мягким или эмоциональным, но сегодня будто намеренно бил именно по тем местам, которые для меня значили больше всего: работе, самостоятельности, его одобрению. Несмотря на всё, я любила его. И именно поэтому признание, что он всю жизнь считал мою принадлежность к женскому полу недостатком, причиняло столько боли.

— Не переодевайся перед ужином, — добавил он, ещё раз скользнув взглядом по моему платью. — Поедешь в этом.

Я резко подняла голову.

— Зачем мне ехать на деловую встречу именно в этом платье?

— Потому что я считаю его подходящим. На этом всё.

От его ответа стало почти физически противно. Я никогда не стеснялась собственного тела и прекрасно знала, что привлекательность иногда влияет на людей не хуже правиль-

но подобранных слов. Но одно дело — самой решать, когда пользоваться этим преимуществом, и совсем другое — чувствовать, что собственный отец отправляет тебя к незнакомому мужчине в коротком платье как дополнительный аргумент на переговорах. Я не была шлюхой, которой можно торговать ради выгодного контракта. Моё тело могло быть частью образа, но никогда не заменяло знания, способности и работу, которыми я действительно гордилась.

— Можешь идти, — отец снова потянулся к документам, явно давая понять, что разговор для него окончен. — Подробности секретарь вышлет тебе на почту в течение получаса. Изучи всё до вечера и хотя бы на этот раз не заставляй меня краснеть за тебя.

Я развернулась к двери, потому что оставаться в кабинете больше не хотелось. За один разговор человек, чьё одобрение я всю жизнь пыталась заслужить, сумел обесценить почти всё, над чем я работала. И чем ближе подходила к выходу, тем яснее понимала, что сегодняшнее опоздание не могло быть настоящей причиной. Оно просто дало отцу возможность наконец произнести то, что давно сидело внутри.

Уже взявшись за ручку, я остановилась и обернулась.

— Моё опоздание было только предлогом, правда? — спросила я, внимательно следя за его лицом. — Ты давно собирався сказать мне всё это?

Отец медленно поднял глаза от бумаг. Ни сожаления, ни сомнения в его выражении не появилось.

— Всю твою жизнь, Миллиана. Просто раньше в этом не было необходимости.

Вот теперь стало по-настоящему больно. Значит, я ничего не придумала. Все эти годы отец позволял мне учиться, работать, строить планы и надеяться, что однажды смогу заслужить его доверие, одновременно зная, что в его представлении у моего будущего всё равно существовал предел, установленный ещё в момент моего рождения.

Я вышла из кабинета прежде, чем слёзы успели сорваться.

Он не прав. Я знала это, даже если сейчас внутри всё болезненно сжималось от каждого его слова. Мои знания, диплом, способности и опыт не исчезали из-за того, что я женщина. Если однажды отец действительно решит, что мне больше нет места в его компании, я уйду и найду другую работу, где меня будут оценивать по тому, что я умею, а не по полу или фамилии будущего мужа.

И всё же где-то глубоко оставалась маленькая, почти унижительная надежда, от которой я пока не могла избавиться. Сегодня вечером мне предстояла встреча с иностранными партнёрами. Если я проведу её идеально, возможно, отец хотя бы на секунду посмотрит на меня и поймёт, что ошибался.

Ближе к вечеру я закончила изучать документы, которые прислал секретарь отца, и была готова к переговорам настолько, насколько вообще могла быть готова после сегодняшнего разговора. Около пяти телефон коротко завибрировал на столе, и имя Авроры на экране впервые за несколь-

ко часов немного улучшило настроение.

Аврора: «Мать всё-таки притащила меня на показ. Столько фальшивой любви к собственной персоне я давно не видела. Но играет она потрясающе. Может, подарим ей «Оскар»?»

Я невольно улыбнулась. Аврора всегда умела сделать это с поразительной лёгкостью, даже когда весь остальной мир последовательно портил мне день. Иногда я действительно воспринимала её не только как младшую сестру, но почти как собственного ребёнка, хотя между нами было всего три года.

Миллиана: «Похоже, сегодня они с отцом поменялись местами. Ты бы слышала, что он мне сказал».

Отправив сообщение, я посмотрела на время и сразу поднялась. После утреннего опоздания явиться поздно ещё и на встречу с иностранными партнёрами было бы почти самоубийством.

Виктор уже ждал меня на парковке. Он не спросил адрес и сразу тронулся с места, значит, отец успел посвятить его в вечерние планы. Обычно меня это не удивило бы, но сегодня Виктор вёл себя слишком тихо. Ни одного замечания по поводу одежды, ни привычного вопроса о документах, ни даже короткой насмешки. Он сидел за рулём собранный и напряжённый, будто вёз меня не на деловой ужин, а туда, где заранее ожидал неприятностей.

Телефон снова завибрировал.

Аврора: «Ты в порядке? Отец обычно так на тебя не срыгается. Что случилось?»

Миллиана: «Я опоздала, но дело оказалось вообще не в этом. Он наконец высказал всё, что думал обо мне всю жизнь. Рори, это было больно».

Ответ пришёл почти сразу.

Аврора: «Что он сказал? И где ты сейчас?»

Миллиана: «Еду на деловой ужин. От компании отправили только меня. Если нормально проведу встречу, возможно, отец решит, что я ещё не окончательно разочаровала его».

Аврора: «Я вообще ничего не понимаю. Вечером всё расскажешь».

Следом появилось ещё одно сообщение.

Аврора: «Милли, мне пора. Мама хочет, чтобы я всё время была рядом».

Миллиана: «Будь внимательна. И напиши, когда освободишься».

Я заблокировала телефон и положила его рядом, после чего снова посмотрела на Виктора. Он не изменил позы ни разу за последние несколько минут. Я слишком хорошо его знала, чтобы списать это на плохое настроение.

— Виктор, что происходит? — спросила я, немного подавшись вперёд. Он лишь коротко посмотрел на меня через зеркало и снова сосредоточился на дороге. — И не отвечай, что всё нормально. У тебя лицо человека, который заранее знает, где произойдёт взрыв, но решил никого не предупредить.

ждать.

— Никакого взрыва не будет, Милли, — спокойно ответил он, перестраиваясь в соседний ряд. — Твой отец велел отвезти тебя на встречу. Именно этим я сейчас и занимаюсь.

— Это не ответ. Ты что-то знаешь, — я продолжала смотреть на него, но Виктор даже не попытался возразить. От этого подозрение только усилилось. — Утром отец разговаривает со мной так, будто двадцать один год ждал возможности сообщить, насколько неудачно я родилась женщиной. Потом отправляет одну на неизвестный ужин, а теперь ты ведёшь себя так, словно ждёшь ещё какой-то катастрофы. Что мне сегодня осталось пережить?

Виктор мельком глянул в боковое зеркало, включил поворотник и спокойно обошёл медленную машину впереди.

— Мне поручено доставить тебя к месту встречи в назначенное время. Большого я сейчас сказать не могу.

— То есть всё-таки есть что-то, чего я не знаю.

Он промолчал.

Я тяжело выдохнула и откинулась на спинку сиденья. Спорить дальше было бесполезно. Если Виктор решил молчать, вытащить из него информацию практически невозможно. Но теперь я хотя бы точно знала, что сегодняшние странности не закончились разговором с отцом.

Примерно через полчаса машина остановилась возле ресторана. Я уже взялась за ручку двери, когда Виктор неожиданно повернулся ко мне всем корпусом.

— Будь осторожна, — произнёс он серьёзно, задержав на мне взгляд. — И постарайся быть учливой. Без твоих обычных попыток вывести человека из себя.

Я медленно отпустила ручку.

— Виктор, что, чёрт возьми, происходит?

— И не ругайся, — добавил он с тем же выражением лица.

Я несколько секунд смотрела на него, не веря услышанному.

— Вы сегодня все с ума сошли. Если после встречи собираешься продолжить лекцию о моём поведении, можешь даже не ждать. Доберусь домой сама.

Я вышла прежде, чем он успел ответить, и направилась ко входу.

В этом ресторане я никогда раньше не была, хотя заведение принадлежало к числу проектов, которые финансировал отец. По непонятной причине нам с Авророй запрещали здесь появляться. Меня этот запрет никогда особенно не волновал, а вот сестра однажды попыталась пробраться внутрь из чистого любопытства. Люди отца перехватили её ещё у входа, а дома разразился такой скандал, что Дмитрий впервые едва не ударил Аврору. Я тогда встала между ними и получила пощёчину вместо неё. После отец несколько дней пытался загладить вину, но причину запрета так и не объяснил.

Теперь мне становилось ещё интереснее, что такого скрывалось внутри.

Ресторан выглядел совсем не так, как я представляла. Пространство утопало в тяжёлых бордовых драпировках, спускавшихся от высоких потолков почти до самого пола. Свет от массивных хрустальных люстр и свечей отражался в стекле мягкими золотистыми бликами, оставляя края помещения в полумраке. Пахло воском, дорогим деревом и чем-то пряным. Интерьер был старомодным, почти театральным, но не выглядел дешёвой попыткой создать роскошь. Наоборот, всё здесь производило впечатление места, в которое обычные посетители попадали только по приглашению.

В глубине зала между тяжёлыми шторами находился широкий проход в отдельную часть ресторана. По обе стороны стояли двое мужчин в тёмной одежде. Они лишь коротко посмотрели на меня и не попытались остановить, поэтому я прошла дальше.

За занавесами оказалось значительно тише. Большинство столов пустовало, белые скатерти лежали идеально ровно, стулья были аккуратно задвинуты, а освещение сосредотачивалось в основном на одном столе в центре помещения.

Там меня уже ждали.

Мужчина сидел ко мне спиной. Он наверняка услышал стук шпилек по полу, но даже не повернулся, не говоря уже о том, чтобы встать и поприветствовать. Никаких манер.

Я подошла ближе и остановилась в нескольких шагах от стола.

— Добрый вечер. Я Миллиана Волконская, представляю

компанию «Domino», — произнесла я на английском, удерживая профессиональный тон. Мужчина по-прежнему сидел спиной, поэтому я продолжила, стараясь не показывать раздражения. — Насколько понимаю, сегодня у нас назначена встреча.

Он тихо усмехнулся, а затем поднялся. Мне хватило одного взгляда, чтобы внутри всё неприятно сжалось.

Тот самый мужчина.

Незнакомец из коридора спокойно развернулся ко мне, будто совершенно не удивился нашей второй встрече. На нём по-прежнему была чёрная футболка, подчёркивающая широкие плечи и сильные руки, а на лице не отражалось практически ничего. Только уголок губ слегка приподнялся, и карие глаза встретились с моими.

Теперь я окончательно поняла, почему Виктор вёл себя так странно.

В памяти слишком быстро всплыли чужие пальцы в моих волосах, дыхание возле шеи и мерзкая, пошлая фраза. Я невольно напряглась, но заставила себя остаться на месте. Мы находились в ресторане отца, на официальной встрече. За несколькими шторами стояли люди. Это должно было что-то значить. Хотя почему-то рядом с этим мужчиной подобные аргументы переставали успокаивать.

Он скрестил руки на груди и продолжил молча меня рассматривать.

— Только не говорите, что это вы, — произнесла я рань-

ше, чем успела остановиться.

Его ухмылка стала чуть заметнее.

Я сразу пожалела, что не позволила Виктору пойти со мной. Мужчина передо мной был значительно крупнее, и после утренней выходки я уже знала, насколько мало его беспокоят обычные границы. Впервые короткое платье и шпильки начали казаться не просто одеждой, а неудобством. Если вдруг придётся быстро уйти, бежать в этих туфлях будет практически невозможно.

Пришлось мысленно напомнить себе, что я умею защищаться. Правда, тело всё равно оставалось напряжённым.

Он просто стоял напротив, ничего не делал и даже не говорил, а я уже рассчитывала расстояние до выхода, вспоминала, насколько быстро смогу снять шпильки, и надеялась, что Виктор, несмотря на мои слова, остался ждать возле ресторана.

На всякий случай.

— Миллиана, значит, — его тон был пропитан холодом, а глаза так и не отрывались от меня.

Мужчина сделал шаг, а я инстинктивно от него. Моё действие породило еле заметный огонёк в его глаза, и это уж точно не обрадовало меня. Кем он себя вообще ощущает? Охотником? Я вот видела в нём лишь неотёсанного невежу, который не знает обычное правило о соблюдении личного пространства.

Он сделал ещё шаг, и я повторила за ним.

— Мы можем делать это, пока ты не упрёшься в стену, и там тебе будет некуда отступить, шоколадка.

Я метнула на него недовольный взгляд. Что это за прозвище такое? Кто вообще дал ему право называть меня как-то помимо имени? Я же не кличу его ослом. Хотя могла бы.

— Мне нравится, как ты хмуришься. Это выглядит очень сексуально, — ещё один его шаг — мой шаг.

Всё, что сейчас происходило, было будто не со мной. Будто я сторонний свидетель, которого здесь не должно было быть. Я не хотела слышать эти грязные комментарии в свою сторону, и уж тем более находиться наедине с вот этим вот.

— Ещё шаг, и моя шпилька оказаться у тебя в глазу, — я сильно сжимала ручку сумочки, так, что, скорее всего, на её материале будут сильные заломы.

Моя угроза видимо показалась ему совсем не страшной, потому что, вместо того чтобы отступить, он просто рассмеялся. Как вообще такой устрашающий человек может так смеяться.

— С тобой не будет скучно, шоколадка. Но даже не знаю это хорошо или плохо. Для тебя.

Он опустил руки с груди и засунул их в задние карманы, и мой взгляд зацепился за выпуклость на его правом боку ближе к спине — пистолет. Чёрт возьми, пистолет! Какого он вообще взял с собой эту хрень? Неужели он как-то иначе планировал закончить этот радушный деловой ужин по случаю слияния компаний?

Мне потребовалось приложить множество усилий, чтобы не подать вида, что я увидела его оружие.

— Мы так и продолжим нашу увлекательную беседу или, наконец, перейдём к сути встречи? — Я старалась дышать умеренно, чтобы не выдать волнение, которое испытывала из-за всей этой чертовщины.

Он вновь сделал шаг ближе ко мне, но я уже не отступила. Уже показала страх перед ним, нужно было как-то реабилитироваться. Поэтому стояла с высоко поднятой головой, не двигаясь. И когда мужчина вновь нарушил моё личное пространство, его запах окутал меня, будто и не пропадал вовсе.

— Ты, шоколадка, нарочно язвишь, чтобы проверить моё терпение?

Его рука поднялась к моему лицу, и на секунду я даже подумала, что он ударит меня. А он коснулся моего подбородка, приподнимая. Я сразу же отдёргнула его и сделала шаг назад. Наплевать как он может это расценить. Он не должен касаться меня.

Но мужчина не дал мне отстраниться, схватив за локоть одной рукой, а второй больно сжав подбородок. Мой недовольный взгляд встретился с его раздражённым.

— Ещё шаг, и ты окажешься параллельна этому столу, — голос мужчины был грубым и тихим.

Я нахмурилась ещё сильнее, уже собираясь ответить ему, наконец-таки поставив на место, но его пальцы оказались быстрее. Он дотронулся до моей нижней губы, обводя её

контур. Это было настолько интимно, что казалось жутко запретным. И настолько повергло меня в шок, и напугало, что я вновь застыла. Он откровенно игнорировал мою приватность, абсолютно наплевав на правила приличия. Ранее мне не приходилось сталкиваться с подобным.

Тогда в моих мыслях всплыл пистолет в его кобуре. Если у меня получится вытащить его, я могла создать хотя бы видимость контроля и выиграть немного времени. Не раздумывая больше, потянулась за его спину вынимая холодный металл, и в следующую секунду я уже направляла оружие прямо на мужчину. Я даже увидела секундное удивление на его лице, что немного потешило моё самолюбие.

Этот гад даже в такой момент посмел задержать взгляд на моей груди, плотно обтянутой тканью платья, и тяжело вздымающейся, а после опустить на мои бёдра, подол на которых чуть поднялся выше из-за резких движений.

Но далее произошло то, чего я ожидала меньше всего.

Он достал ещё один пистолет, и его дуло смотрело прямо на меня.

Моя рука напряжена, что было абсолютно неприемлемо. Мужчина заметил это и усмехнулся, но я не обратила на него внимание, стараясь дышать размеренно, не задерживая дыхание, а ловя короткую паузу между вдохами и выдохами. Палец ложился на спуск плавно, без рывка, я надавливала постепенно, почти незаметно. Не знаю сколько мы стояли так и сколько бы стояли ещё, пока тишину не прорезал тя-

жёлтый голос мужчины:

— Мы даже не познакомились, а ты уже целишься в меня.
— Он оставался спокойным, будто то что происходило его ничуть не удивляло. — Знаешь, обычно после такого напряжения люди переходят к более приятной части. Такая встреча заслуживает продолжения, шоколадка.

Чёрт возьми, он был таким спокойным и говорил без какой-либо эмоции. Я даже напряжения в его плечах не вижу, пока он держит пистолет.

Он сделал шаг вперёд, и мой палец спустил курок.

В следующую секунду раздался выстрел.

Глава 2.

В

ыстрел оказался настолько громким, что на несколько секунд заложило уши. Рука с пистолетом безвольно опустилась, будто металл внезапно стал в несколько раз тяжелее, а в голове остался только противный звон и одна мысль, которая никак не хотела укладываться в реальность: я выстрелила в человека. Не в мишень, не в воздух и не рядом — прямо в мужчину, стоявшего напротив. Мне всегда становилось не по себе от одной мысли, что случайная пуля может задеть живое существо, а сейчас я сама нажала на спуск, целясь в человека.

Но он тоже держал меня под прицелом. Он напугал меня, игнорировал предупреждения и продолжал приближаться. Я

защищалась. Просто успела первой.

Я резко подняла глаза, наконец заставив себя посмотреть, что произошло, и на несколько секунд вообще перестала понимать происходящее. Мужчина стоял там же: целый, невредимый, с тем же пугающе спокойным выражением лица. Ни боли, ни испуга, ни злости. Он только внимательно наблюдал за мной, словно гораздо сильнее самого выстрела его интересовали мои дрожащие пальцы, сбившееся дыхание и выражение лица.

— Ты всё-таки выстрелила, — произнёс он ровно, после чего без всякой спешки положил собственный пистолет на соседний стол. Его взгляд снова вернулся ко мне, задерживаясь на оружии в руке. — Признаюсь, до последнего не был уверен, что у тебя хватит решимости.

Он направился ко мне. Неторопливо и без единого резкого движения, словно теперь вообще не существовало причины держать дистанцию. Чем ближе становился, тем отчётливее я снова чувствовала знакомый запах бергамота и его тепло. Когда между нами остался всего шаг, плечи напряглись сами собой.

— Что это значит? — спросила я и тут же возненавидела дрогнувший голос. Взгляд опустился на его грудь в поисках хотя бы следа выстрела, но ничего не было. — Почему с вами ничего не произошло?

Мужчина слегка склонил голову, будто вопрос показался ему настолько очевидным, что моё непонимание скорее за-

бавляло.

— Хочешь узнать, почему не убила меня? — он сделал ещё один небольшой шаг, окончательно уничтожая оставшееся между нами пространство. Ответа ждать не стал. — Потому что в пистолете были холостые.

На секунду внутри всё оборвалось.

Холостые.

Значит, он знал. Знал ещё до того, как я вытащила оружие и направила ему в грудь. Знал, когда достал второй пистолет и целился в меня. Знал, когда продолжал идти вперёд, проверяя, действительно ли я нажму на спуск.

Пальцы сами ослабли, и мужчина без труда забрал оружие из моей руки. Его кожа едва коснулась ладони, но я всё равно вздрогнула и сразу отступила.

— Но ты меня удивила, — добавил он чуть тише, продолжая рассматривать меня. — Большинство людей значительно увереннее угрожают, чем действуют. А ты действуешь.

Удивила. Конечно.

По его лицу этого сказать было невозможно. Передо мной стоял человек, которого выстрел в собственную сторону, похоже, беспокоил меньше, чем вкус поданного вина.

— Какого чёрта здесь происходит? — раздражение наконец вытеснило часть шока и вернуло мне голос. Я сделала ещё шаг назад, увеличивая расстояние. — Кто вы такой? Почему ведёте себя так, будто можете делать здесь всё, что захотите, и зачем пришли на деловую встречу с пистолетом?

Я замолчала на секунду, посмотрела на оружие на столе и тут же поправилась:

— С двумя пистолетами. Хотя, судя по всему, я даже не хочу знать, сколько ещё оружия на вас спрятано.

Незнакомец усмехнулся, словно мои вопросы его совершенно не интересовали.

— Не притворяйся, шоколадка, — произнёс он, и от этого прозвища раздражение только усилилось. — Соппротивление интересно. Охота мне всегда нравилась. Но если слишком долго повторять одно и то же, становится скучно. Поэтому не переусердствуй.

Я вздёрнула подбородок и отступила ещё немного, пока расстояние между нами наконец не стало более-менее приемлемым.

— Вы слишком много о себе возомнили, мистер...

— Валентино Корлионезо, — спокойно закончил мужчина за меня, не сводя с моего лица внимательного взгляда.

Фамилия сразу расставила всё по местам. Иностранные партнёры. Его присутствие возле конференц-зала утром. Закрытый ресторан. Странное поведение Виктора по дороге сюда. Случайностью эта встреча не была, как бы сильно мне сейчас ни хотелось убедить в обратном хотя бы саму себя.

— Мистер Корлионезо, я понятия не имею, какую ещё «охоту» вы себе придумали, — произнесла я, намеренно возвращая голосу деловой тон. — Я приехала сюда обсуждать сотрудничество компаний, а не участвовать в ваших играх.

Поэтому предлагаю либо перейти непосредственно к переговорам, либо закончить эту встречу прямо сейчас.

На самом деле хотелось только второго. Я уже не сомневалась, что отец отправил меня именно к нему, но совершенно не понимала зачем и почему.

— Меня начинает раздражать твоя глупость, — Валентино разрушил созданную мной дистанцию одним шагом и остановился прямо передо мной. Указательный палец лёг под подбородок, заставляя поднять голову выше. — Ты либо действительно ничего не понимаешь, либо очень стараешься убедить меня, что это так.

Я резко убрала его руку.

— Хватит ко мне прикасаться. Держитесь на расстоянии и не трогайте меня, — отчеканила я, снова отступая. — Я сказала это уже несколько раз. Какая именно часть оказалась для вас слишком сложной?

Валентино шумно выдохнул.

Следующее движение оказалось настолько быстрым, что я не успела даже понять, что он собирается делать. Мужчина перехватил мою руку и резко дёрнул к себе, разворачивая. Грудь ударилась об поверхность стола, а спустя секунду его тело уже прижало меня сверху. Одну руку он завёл за спину и удерживал там достаточно крепко, чтобы любое движение отзывалось неприятным натяжением в плече. Его грудь плотно прижималась к моей спине, бёдра упирались в задницу, дыхание обжигало шею. Вторую ладонь он положил на

мою ягодицу.

Страх накрыл мгновенно.

Настоящий, животный ужас.

Я дёрнулась, пытаюсь высвободить руку, но Валентино только сильнее прижал меня к столу. Стол давил под грудью, мешая сделать полноценный вдох, а перед глазами начали появляться тёмные пятна. Всё, чему Виктор учил меня годами, будто исчезло из головы именно тогда, когда понадобилось. Я прекрасно знала, куда бить, как выворачивать кисть, куда переносить вес, но тело не слушалось. Самым страшным было даже не то, что он удерживал меня. Я понятия не имела, что он сделает дальше.

Его ладонь сжала мою ягодицу, и я застыла.

Пальцы продавили ткань платья, а затем скользнули под задравшийся подол и сомкнулись уже на обнажённой коже. Дыхание мгновенно остановилось, а страх, до этого расплывавшийся внутри, превратился в настоящий ужас. Я снова попыталась дёрнуться, но рука за спиной оказалась зафиксирована слишком крепко.

— Ты действительно думаешь, что эта встреча случайна? — голос Валентино прозвучал возле самого уха, ниже и грубее, чем раньше. Его пальцы не ослабили хватку, наоборот, болезненно сжали кожу. — Я могу делать с тобой всё, что захочу. А прямо сейчас я хочу многого. Например, закрыть тебе рот. И один способ уже давно крутится у меня в голове.

Ему не требовалось объяснять, что именно он имеет в ви-

ду. Его положение, рука под платьем и тон говорили достаточно ясно.

— Отпусти меня, — выдохнула я, пытаюсь хотя бы повернуть голову.

Он отпустил пульсирующую плоть, и рука переместилась к моим волосам. Он перебрал несколько прядей, вдыхая их запах, а после обхватив у самых корней, на удивление, осторожно потянул голову назад так, чтобы я задрала её, и он мог смотреть прямо в мой профиль.

— Я никого не отпускаю просто так. Запомни, шоколадка, — он отпустил меня, отходя к столику, на котором лежали уже забытые пистолеты.

Я всё ещё не двигалась, оставаясь прижатой грудью к столу. Ладони упирались в скатерть, дыхание понемногу становилось ровнее, но тело всё ещё будто принадлежало не мне. Казалось, стоит резко выпрямиться или сделать шаг, и Валентино снова окажется рядом, повторит всё только что произошедшее, а в следующий раз уже не остановится там, где остановился сейчас.

— Вставай, — произнёс он за моей спиной, и в голосе мелькнула усмешка, от которой по коже снова прошёл холод. — От вида тебя в этой позе я начинаю жалеть, что решил отпустить.

Его слова будто выдернули меня из оцепенения. Я резко выпрямилась, одёрнула задравшийся подол платья и подняла с пола сумочку, которую даже не заметила, когда урони-

ла. Слёзы уже подступали к глазам, горло болезненно сжималось, но я не позволила себе заплакать. Только не здесь. Не перед ним. Не после того, что этот ублюдок только что сделал.

Я почти бегом направилась к выходу, больше не замечая ни тяжёлых бордовых драпировок, ни приглушённого света, ни странной красоты ресторана. Хотелось только выбраться наружу, оказаться дома и спрятаться от этого дня хотя бы на несколько часов. Желательно рядом с Авророй, под тёплым пледом, с кружкой ягодного чая в руках, пока сестра будет болтать какую-нибудь ерунду и постепенно вытаскивать меня из этого состояния.

На парковке всё ещё стояла машина Виктора. Я распахнула дверь и села внутрь, не сказав ни слова. Он посмотрел на меня через зеркало заднего вида, но ни о чём не спросил. Просто завёл двигатель и выехал с парковки. Не знаю, устраивало ли меня его молчание. Сегодня я вообще уже мало что понимала.

Я опёрлась локтем о дверь, прижала ладонь ко лбу и закрыла глаза, пытаюсь успокоить дыхание. Меня всё ещё трясло, чёрт возьми. Стоило вспомнить, как Валентино прижал меня к столу и полез рукой под платье, внутри снова поднимался страх, а следом — ярость на саму себя. Если бы я не застыла, если бы в нужный момент голова не опустела, этот мудака получил бы ногой по яйцам раньше, чем успел бы коснуться меня второй раз. Виктор годами учил меня защи-

щаться, а я в реальной ситуации не смогла нормально пошевелиться. Именно это унижало едва ли не сильнее всего.

Когда машина остановилась возле крыльца дома, я выбралась наружу настолько быстро, что даже не закрыла за собой дверь. Виктор терпеть этого не мог, но сейчас мне было плевать. Мне нужен был отец. Именно он отправил меня в тот ресторан, потребовал не переодеваться и явно знал значительно больше, чем сказал утром.

Я вошла в дом, почти не замечая людей вокруг. Даже Аврору я заметила только тогда, когда она встала у меня на пути и схватила за запястье.

— Милли, подожди, — сестра нахмурилась, быстро оглядывая меня. Её весёлость исчезла мгновенно. — Что случилось? Ты почему такая?

— Потом, Рори, — я осторожно высвободила руку, не желая сейчас объяснять то, что сама ещё не могла нормально осмыслить. — Мне сначала нужно поговорить с отцом. Я всё расскажу тебе позже.

Я обошла её и поднялась по лестнице. Аврора, конечно же, пошла следом, продолжая что-то спрашивать, но я почти не разбирала слов. Перед глазами будто стояла пелена, и существовала только одна цель — кабинет Дмитрия Волконского.

Я распахнула дверь без стука. Отец был не один. Мать сидела напротив него, закинув ногу на ногу, совершенно расслабленная, с привычной полуулыбкой на губах. Судя по все-

му, утренний конфликт они уже успели оставить позади.

— Миллиана, ты совсем потеряла чувство меры? — отец резко поднял голову, и его лицо сразу стало жёстким. — Какого хрена ты врываешься в мой кабинет без стука, да ещё и в таком состоянии? Сегодня ты всё чаще заставляешь меня разочаровываться в твоём воспитании.

После всего произошедшего последняя фраза окончательно сорвала остатки терпения.

— О каком воспитании ты говоришь? О том, которого никогда не было? — я посмотрела прямо на него, не пытаюсь смягчить тон. Злость хотя бы ненадолго вытесняла страх, который всё ещё сидел под кожей. — Потому что сегодня вы оба вдруг решили слишком активно напоминать мне, какой я должна быть.

— Следи за тоном, Миллиана, — мать медленно повернулась ко мне и поправила волосы, будто раздражало её не моё состояние, а испорченное мной спокойствие. — Ты разговариваешь с отцом. Я советую тебе вспомнить об этом раньше, чем окончательно перейдёшь границу.

— А то что? — я перевела взгляд на неё, не скрывая вызова. — Что именно вы сделаете?

На лице матери впервые появилось настоящее удивление. Несколько секунд она молча рассматривала меня, словно пыталась понять, откуда вдруг взялась эта наглость, затем поднялась с кресла и взяла сумочку.

— Ты должен согласовать всё как можно быстрее, — бро-

сила она отцу, проходя мимо меня. В голосе звучало такое отвращение, что я невольно напряглась. — Она это заслужила.

Я не успела спросить, о чём речь. Мать уже вышла в коридор, где стояла Аврора. Сестра тут же снова потянулась ко мне, и я на секунду сама сжала её пальцы.

— Милли, я останусь, — тихо сказала она, всматриваясь мне в лицо. — Мне вообще не нравится, как ты выглядишь. Что произошло?

— Иди к себе, Аврора. Пожалуйста, — я постаралась произнести это мягче, хотя голос едва держался. — Я всё расскажу потом.

Мать тут же вмешалась, холодно заметив, что если Аврора продолжит лезть в разговор, последствия для меня станут только хуже. Этого оказалось достаточно. Мы обе прекрасно знали слабое место друг друга: стоило угрозе коснуться одной из нас, вторая была готова отступить даже против собственного желания.

Я закрыла дверь и наконец осталась с отцом наедине.

— Теперь ты объяснишь мне, почему позволила себе подобное поведение, — отец откинулся на спинку кресла и переплёл пальцы. Его взгляд оставался холодным и внимательным. — И советую подобрать действительно убедительное объяснение, если не хочешь серьёзных последствий.

— Я должна объяснить? — я усмехнулась без капли веселья и подошла к его столу. — Ты отправил меня неизвестно

куда, к человеку, который считает нормальным хватать меня, угрожать и делать со мной всё, что ему вздумается, а теперь оправдываться должна я? Что это вообще были за переговоры? Кто такой Валентино Корлионезо и почему наши так называемые партнёры позволяют себе подобное?

К собственному удивлению, говорила я достаточно спокойно. Жаль, что такой же собранности мне не хватило ранее.

Отец же выглядел совсем не удивлённым. Он не спросил, что именно произошло и не потребовал подробностей, будто уже понимал, о чём я говорю.

— Сядь, Миллиана, — приказал он, указав на кресло, которое недавно занимала мать. Я осталась на месте, и его взгляд потяжелел. — Я сказал, сядь. И прежде чем продолжим, ответь мне: ты вела себя прилично? Мне не придётся краснеть за тебя перед Корлионезо?

— Ты серьёзно сейчас спрашиваешь, прилично ли вела себя *я*? — я всё-таки опустилась в кресло, но спокойствие начало стремительно исчезать. Перед глазами снова мелькнули чужая рука под платьем. — Я хочу знать, что, чёрт возьми, происходило в этом ресторане. Ты знал, кто меня там ждёт. Виктор тоже знал. Хватит водить меня за нос, папа. Я весь день ничего не понимаю.

— Ты сейчас выслушаешь меня до конца, Миллиана, — отец несколько секунд молча изучал меня, а затем заговорил жёстче. — Не перебивая, не споря и не пытаясь доказать, что

знаешь лучше. Пока ты не согласишься на эти условия, я ничего тебе не скажу. Останешься в неведении до того момента, когда скрывать правду станет невозможно.

— Ты сейчас издеваешься? — я нервно усмехнулась и подалась вперёд. — Что это вообще за информация такая, ради которой я должна заранее согласиться молчать?

— Миллиана, закрой рот, пока не стало поздно, — голос отца стал громче, и знакомое напряжение моментально заставило меня замолчать. — Я не стану терпеть этот тон. Спрашиваю последний раз: ты будешь слушать меня или нет?

Я коротко кивнула. Плевать на условия. Мне нужна была правда.

— Сегодня ты встречалась с человеком, представляющим наших иностранных партнёров, — продолжил отец, убедившись, что перебивать я больше не собираюсь. — Валентино Корлионезо владеет компанией, которая финансирует часть наших строек и новых проектов. Мы сотрудничаем с ними уже много лет. После проблем с главным бухгалтером и подрядчиком в две тысячи пятнадцатом компания понесла серьёзные убытки, и именно Корлионезо помогли нам стабилизировать положение.

— Тогда почему ты представил их как новых партнёров? — вопрос вырвался раньше, чем я успела вспомнить обещание. — И почему я вообще никогда не слышала ни об этих убытках, ни о том, что они столько лет...

Отец с силой ударил ладонью по столу, и я вздрогнула.

— Ещё раз перебеёшь меня — пожалеешь, Миллиана, — произнёс он значительно тише, но угроза от этого прозвучала только хуже. — Ты прекрасно знаешь, что происходит, когда окончательно выводишь меня из себя. Мне напомнить?

Не понадобилось. Перед глазами сразу вспыхнула та пощёчина и тот единственный момент, после которого я почти две недели старалась не оставаться с отцом наедине. Одного напоминания оказалось достаточно, чтобы злость смешалась со старым, давно спрятанным страхом.

— Нет, — тихо ответила я, заставляя себя смотреть на него. — Я поняла. Больше не перебую.

— Хорошо, — отец выдержал короткую паузу, будто проверяя, действительно ли я усвоила предупреждение. — Потому что Корлионезо не просто наши деловые партнёры. Валентино Корлионезо — твой будущий муж, Миллиана. Через два месяца состоится свадьба, и ты выйдешь за него замуж.

На несколько секунд я перестала слышать всё остальное. Слова повторялись в голове снова и снова, но никак не складывались во что-то, что могло существовать в реальности.

Валентино.

Будущий муж.

Тот мужчина, который несколько часов назад прижал меня к столу, залез рукой под платье и сообщил, что может делать со мной всё, что захочет.

Грудь сдавило настолько резко, что я не смогла нормально

вдохнуть. Воздух застрял где-то на полпути, пальцы похолодели, а мысли начали метаться, не задерживаясь ни на одной достаточно долго.

Я не выйду за него.

Отец не может просто выбрать человека, назначить дату и поставить меня перед фактом, тем более после того, что Валентино сделал сегодня.

Холод медленно расползлся по телу, а вместе с ним возвращалось ощущение, которое я ненавидела с детства. Будто мне снова не двадцать один. Будто я опять маленькая девочка перед отцом, которой сообщают решение взрослых и даже не предполагают, что у неё может быть собственное мнение.

— Отец, ты же... — голос оборвался сам, и мне пришлось сглотнуть, чтобы не дать слезам вырваться наружу. Я всматривалась в его лицо, цепляясь хотя бы за малейшее движение, за намёк на шутку, но ничего не находила. — Ты же не можешь всерьёз говорить о моём браке так, будто мы на рынке и ты просто решил меня продать.

— Ты услышала всё правильно, Миллиана, — спокойно ответил отец, будто речь шла о давно согласованной сделке. Он даже не попытался смягчить слова. — В нашем мире такие браки обычное дело. Союз с Корлионезо пойдёт на пользу обеим семьям, а нам сейчас нужна их поддержка. Ты так хотела быть полезной — вот твоя возможность.

От этой последней фразы внутри болезненно сжалось. Пальцы дрожали, поэтому я сцепила их на коленях сильнее,

стараясь хотя бы внешне держаться.

— Я не выйду за него замуж, — произнесла я, хотя голос прозвучал значительно тише, чем хотелось. Перед глазами снова возник Валентино, его руки и холодное спокойствие, с которым он делал всё, что хотел. — Ты видел этого человека? Ты вообще понимаешь, что он может со мной сделать? Хотя... конечно понимаешь. Просто тебе всё равно.

— Этот брак хотя бы научит тебя покорности, — голос отца стал жёстче. Он смотрел прямо на меня, не испытывая ни малейшего сомнения. — Для женщины это необходимое качество, а тебе его всегда не хватало.

Я несколько секунд молчала, пытаюсь осознать услышанное.

— Ты не можешь меня заставить, — выдохнула я, сильнее впиваясь ногтями в ладони. — Я не пойду под венец с человеком, которого сегодня увидела впервые. Не буду жить с ним и тем более не собираюсь становиться той послушной женой, которую вы оба себе придумали.

— Ты сделаешь это добровольно, — отец даже не повысил голос. — Сама пойдёшь под венец, сама скажешь «да» и сама ляжешь в постель со своим мужем. Выбора у тебя нет. Если я сказал, что ты выйдешь за Валентино Корлионезо, значит, свадьба состоится.

Меня передёрнуло от его слов. Я медленно покачала головой, всё ещё пытаюсь удержаться за мысль, что он не сможет заставить меня сделать такое.

— Нет. Что бы ты ни говорил, я не соглашусь.

Отец немного помолчал, а затем едва заметно пожал плечами.

— Хорошо. Тогда вместо тебя выйдет Аврора, — сказал он так просто, что смысл дошёл не сразу. — Если продолжишь упрямиться, я сообщу Валентино, что отдаю ему младшую дочь.

Воздух будто выбили из лёгких.

Аврора.

Всё, что ещё секунду назад касалось меня, перестало иметь значение. Я слишком хорошо знала отца, чтобы надеяться, что это пустая угроза. Если он решил, что одна из его дочерей должна стать частью сделки, то просто заменит меня Авророй и не почувствует никакой вины.

Мысли наконец перестали метаться. Паника отступила, оставив после себя холодную ясность. Если выбора не дают мне, я должна сделать так, чтобы он хотя бы остался у сестры.

— Я согласна, — произнесла я после долгой паузы, и собственный голос показался чужим. Отец заинтересованно посмотрел на меня, но я не отвела глаз. — Только при одном условии. Аврору никогда не постигнет то же самое. Ты не используешь её в своих сделках, не выберешь ей мужа и не заставишь расплачиваться за твои проблемы. Я хочу гарантию её безопасности.

На лице отца появилась лёгкая ухмылка.

— Теперь я наконец узнаю в тебе свою дочь. Только подумай, Миллиана: к тому моменту ты уже будешь замужем и далеко отсюда, а Аврора останется под моей крышей. Что помешает мне изменить решение?

Меня затошнило от его довольства, но отступить было поздно.

— Ты прекрасно знаешь, что ради Авроры я готова на всё, — сказала я, медленно подаваясь вперёд. — Именно поэтому сейчас согласилась. И именно поэтому, если нарушишь обещание, я найду способ защитить её даже за тысячу километров отсюда. Хочешь, чтобы свадьба состоялась и Валентино получил свою «послушную» жену, — последнее слово едва удалось произнести без отвращения, — тогда сдержишь слово.

Отец несколько секунд изучал меня, а затем кивнул.

— Хорошо. Аврора не пострадает и никогда не последует по твоим стопам. На этом разговор закончен. С завтрашнего дня мать займётся подготовкой к свадьбе и введёт тебя в курс дела. Валентино утром улетает в Нью-Йорк и вернётся ближе к церемонии.

— Тогда зачем он вообще приезжал сюда? — спросила я, уже поднимаясь с кресла. Теперь ответ почти не имел значения, но услышать его всё равно хотелось.

— Увидеть тебя лично. Хотел понять, кого получит, — отец снова потянулся к документам, явно теряя ко мне интерес. — Можешь идти, Миллиана.

Оценить товар. Ну конечно.

Я вышла из кабинета, и только в коридоре на меня окончательно обрушилось понимание: я действительно выхожу замуж. За человека, который сегодня позволял себе касаться меня так, будто уже считал своей собственностью. Теперь становилось понятно, откуда взялась эта уверенность.

Я дошла до стены и медленно опустилась на пол, подтянув колени к груди. Хотелось заплакать, но слёзы будто застряли внутри. Что должно произойти, чтобы я хотя бы научилась смотреть на Валентино без отвращения? Отец ещё требует покорности. Может, мне встречать мужа на коленях и ложиться под него по первому приказу?

От одной мысли стало мерзко.

Когда чья-то ладонь коснулась моего затылка, я подняла голову и увидела мать. Она стояла напротив со скрещёнными руками, и её прежние слова сразу вернулись в память.

— Ты всё знала, — тихо сказала я, вставая. — И действительно считаешь, что я это заслужила?

— Не имеет значения, что считаю я, — равнодушно ответила она. — Главное, свадьба состоится. Тебе невероятно повезло, хотя сейчас ты этого не понимаешь. Валентино Корлионезо даст тебе всё, о чём другие женщины только мечтают. Будешь послушной, покорной и хорошей любовницей — проживёшь прекрасную жизнь.

— Только не сравнивай меня с собой, — бросила я, выпрямившись перед ней. — Я не ты. Мне недостаточно доро-

гой жизни, чтобы добровольно продать себя мужчине. Поэтому свои советы можешь оставить при себе.

Я обошла её, но голос матери заставил остановиться.

— Ты ещё пожалеешь об этом характере, Миллиана, — произнесла она с почти довольной усмешкой. — Корлионе-зо известны не только влиянием, но и жестокостью. Продолжишь быть такой же упрямой сукой — он тебя раздавит. А ты не выдержишь и сломаешься.

Я медленно повернулась. От того удовольствия, с которым она это произнесла, внутри стало больнее, чем от самой угрозы.

— За что ты так ненавидишь меня?

Мать подошла ближе и наклонилась к самому уху.

— За рождение, — тихо ответила она, после чего отстранилась с привычной холодной улыбкой. — Запомни, милая: покорность и принятие — лучшее оружие женщины.

Она ушла обратно к отцу, а я осталась посреди коридора с тяжестью в груди.

Двенадцатое мая.

Стоило мне переступить порог комнаты Авроры и увидеть её обеспокоенное лицо, как всё, что я удерживала внутри последние несколько часов, окончательно рухнуло. Слезы хлынули сами, одна за другой, дыхание тут же сбилось и стало слишком частым. Я пыталась вдохнуть глубже, но получалось только хуже: воздух будто застревал в горле, грудь сдавливало, а от страха, что я сейчас действительно не смогу

вдохнуть, паника усиливалась ещё больше.

— Милли, господи, что с тобой? — Аврора мгновенно оказалась рядом, схватила меня за руку и буквально втянула в комнату, захлопнув дверь. Затем обхватила ладонями моё лицо и заставила смотреть прямо на неё. — Не торопись. Слышишь меня? Дыши со мной. Не пытайся набрать сразу много воздуха, просто медленно. Вот так. Смотри на меня, Милли. Я здесь, ты со мной.

Я цеплялась за её голос, как за единственное, что сейчас имело смысл. За знакомые зелёные глаза, тепло её ладоней на моих щеках, за спокойствие, которого совершенно не осталось во мне самой. Аврора дышала медленно и нарочно заметно, заставляя меня подстраиваться под её ритм, пока судорожные вдохи наконец не стали глубже. Слезы всё ещё текли, но ощущение, что я вот-вот задохнусь, постепенно отступило.

— Вот так, умница, — она осторожно убрала прилипшие к моему лицу волосы и повела к кровати. — Садись. Я сейчас принесу воды, только никуда не падай, пожалуйста, потому что я сама следом упаду.

Даже эта нелепая фраза немного вернула меня в реальность. Я села на край кровати, а Аврора тут же принесла стакан и вложила его мне в руку, придерживая за запястье, потому что пальцы всё ещё дрожали.

— Пей маленькими глотками, — попросила она, внимательно следя, как я делаю первый. — Ещё. Не спеши.

Когда стакан опустел почти наполовину, Аврора забрала его, поставила на тумбочку и сразу обняла меня. Я уткнулась лицом ей в шею, обхватила руками за талию и сжала сильнее, чем собиралась. Наверное, ей даже стало больно, но она ничего не сказала, только прижала меня к себе и медленно провела ладонью по спине.

В комнате повисла тишина, совсем не похожая на ту, что была между мной и отцом. Там молчание душило. Здесь оно позволяло наконец перестать притворяться, что я справляюсь. Рядом с Авророй мне не нужно было выпрямлять плечи, следить за голосом или доказывать, что я взрослая. Я могла просто сидеть, плакать ей в шею и чувствовать, как с каждым её движением внутри становится немного тише.

Иногда мне казалось, что именно ради неё я вообще научилась выдерживать всё остальное.

— Милли, — спустя какое-то время тихо позвала она, немного отстраняясь, но не убирая рук. Большими пальцами стёрла мокрые дорожки под моими глазами и внимательно всмотрелась в лицо. — Расскажи мне. Что случилось?

Одного этого вопроса оказалось достаточно, чтобы слёзы снова подступили к глазам. Я открыла рот и тут же закрыла, потому что произнести всё вслух неожиданно оказалось намного тяжелее, чем слушать это от отца.

— Рори, я... — голос дрогнул, и я нервно выдохнула. — Я даже не знаю, как это сказать.

— Как есть, — спокойно ответила она, снова погладив ме-

ня по щеке. — Мне не нужно, чтобы ты красиво формулировала. Просто скажи.

Я несколько секунд смотрела на наши сцепленные руки.

— Отец выдаёт меня замуж, — наконец выговорила я. Горло тут же сжалось сильнее, но останавливаться уже было поздно. — Через два месяца я должна стать женой Валентино Корлионезо.

Лицо Авроры изменилось настолько быстро, что в другой ситуации я бы наверняка рассмеялась. Сначала она просто моргнула, потом нахмурилась, будто пыталась убедиться, что правильно услышала.

— Подожди, — медленно произнесла она. — Я сейчас, скорее всего, поняла какую-то херню, поэтому давай ещё раз. Ты сказала, что отец решил выдать тебя замуж через два месяца?

— Именно это я сказала, — слёзы снова сорвались, и я торопливо вытерла их ладонью. — За того самого человека, с которым сегодня встретилась. За Валентино. За мужчину, который распускал рядом со мной руки, будто уже имеет на это право.

Шутливость исчезла с лица Авроры мгновенно.

— Что значит «распускал руки»? — она выпрямилась, и я увидела, как напряглась её челюсть. — Миллиана, расскажи мне всё. С самого утра. Ничего не пропускай.

Я рассказывала долго. Про отца, его слова о женщинах, про странное поведение Виктора, про ресторан, пистолеты.

Когда дошла до того, как Валентино прижал меня к столу, голос снова начал ломаться. Несколько раз приходилось останавливаться, потому что тело будто вспоминало происходящее вместе со мной: возвращалось давление стола под грудью, чужая рука под платьем, невозможность пошевелиться.

Аврора не перебивала. Только крепче держала меня за руку.

А потом я рассказала про отца. Про свадьбу. Про его требование покорности.

И про неё.

— Я отказалась, — сказала я уже почти шёпотом. За время разговора мы успели полностью перебраться на кровать, и теперь я лежала рядом, уткнувшись лбом ей в плечо. — Сказала, что не выйду за него. А папа просто посмотрел на меня и сказал, что тогда отдаст Валентино тебя.

Рука Авроры на моей спине замерла.

Я тут же подняла голову.

— Вот этого я боюсь больше всего, Рори, — слова посыпались быстрее, потому что именно они весь вечер сидели внутри. — Не свадьбы. Не того, что он сделает со мной. Я боюсь, что отец передумает. Что однажды решит, будто я недостаточно послушная, слишком много проблем создаю, и снова вспомнит о тебе. Ты же его знаешь. Если ему понадобится что-то получить, он найдёт способ.

— Милли...

— Я согласилась из-за тебя, — призналась я и почувство-

вала, как по щекам снова покатались слёзы. — Я сказала ему, что выйду замуж, если он пообещает никогда не делать с тобой ничего подобного. Он согласился, но я всё равно не могу успокоиться. А если он соврал? Если я уеду, а тебя здесь некому будет закрыть собой?

Аврора смотрела на меня так, будто я сказала что-то совершенно невозможное.

— Ты сейчас серьёзно думаешь, что должна выйти за этого человека, потому что иначе отец отдаст ему меня?

— А что мне ещё было делать? — я резко села, сама не замечая, как голос становится громче. — Я сегодня видела Валентино, Рори. Я знаю, как он обращается со мной, и не позволю ему даже приблизиться к тебе. Ты не должна оказаться в этой ситуации. Никогда.

Она тоже поднялась и сразу обхватила меня за плечи.

— Милли, посмотри на меня, — попросила Аврора, дождавшись, пока наши взгляды встретятся. — Я понимаю, почему ты это сделала. Но ты не можешь всю жизнь принимать удары вместо меня.

— Могу.

— Нет.

— Могу, Аврора, — я сжала её руки на своих плечах. — И если придётся, буду делать это столько, сколько нужно. С самого твоего рождения я знала, что должна быть рядом. Когда родители не замечали нас, у тебя хотя бы была я. И я не собираюсь сейчас вдруг сказать: «Извини, разбирайся сама»,

потому что мне страшно.

Она долго смотрела на меня, а затем притянула к себе. На этот раз я почувствовала, что дрожит уже её дыхание.

— Иногда ты меня ужасно бесишь, — прошептала Аврора мне в волосы. — Потому что решила, будто обязана защищать меня вообще от всего.

— Обязана.

— Ты моя сестра, а не бронежилет, Милли.

Я невольно всхлипнула со смешком и сильнее прижалась к ней.

— Поздно. Уже бронежилет.

Аврора тихо рассмеялась, но почти сразу снова стала серьёзной.

— Тогда договоримся хотя бы так: ты защищаешь меня, а я защищаю тебя. Потому что мне тоже не плевать, что с тобой произойдёт. И я не собираюсь сидеть здесь спокойно, пока ты где-то далеко позволяешь какому-то мудаку тебя ломать.

Последнее слово больно задело.

— Мне страшно, что он сможет, — призналась я после паузы. — Сегодня рядом с ним я себя не узнавала. Виктор столько лет учил меня защищаться, я умею стрелять, умею драться, а когда Валентино меня схватил... я просто застыла. Не могла ничего сделать. Как будто тело перестало быть моим.

Аврора снова уложила меня рядом и подтянула ближе,

чтобы моя голова оказалась у неё на груди. Я слышала ровное сердцебиение под щекой, пока она перебирала мои волосы.

— Тогда запомни это место, — тихо сказала она. — Не комнату. Вот это. Мой голос, мои руки, всё что угодно. Когда снова почувствуешь, что теряешь себя, вспомни, кто ты здесь. Со мной. Ты не слабая и не беспомощная. Ты просто испугалась.

— А если этого окажется недостаточно?

— Тогда вернёшься ко мне и будем придумывать что-нибудь ещё, — ответила она так просто, будто между Россией и Нью-Йорком не существовало никакого расстояния. — Ты не одна, Милли. Даже если будешь за тысячу километров.

Я закрыла глаза и сильнее сжала пальцами её футболку.

— Иногда мне кажется, что это ты старшая сестра. Я не должна лежать тут, реветь тебе в плечо и жаловаться. Мне положено придумать план и сказать, что всё исправлю.

— Старшая здесь ты, — Аврора чуть отстранилась и улыбнулась. — А я просто хорошо училась. Ты сама научила меня быть рядом, когда человеку плохо. Так что не жалуйся на результат собственного воспитания.

Я впервые за весь день улыбнулась по-настоящему.

— Значит, я всё-таки отличный педагог.

— Иногда, — фыркнула она, а затем коснулась лбом моего виска. — И ещё ты всегда говорила мне, что сильному человеку тоже нужна передышка. Почему для себя это пра-

вило не работает?

Я задумалась и снова посмотрела в потолок.

— Думаешь, я ещё могу что-то изменить?

— Конечно, — Аврора легла рядом, переплетая наши пальцы. — Ты сейчас смотришь на следующие пятьдесят лет сразу и поэтому думаешь, что всё кончено. А ты сначала проживи завтра. Потом послезавтра. Может, через месяц всё будет вообще иначе.

Мы ещё долго лежали рядом, плечом к плечу. Я рассказывала ей о Валентино: о его взгляде, слишком уверенном поведении, о том, как он будто заранее считал меня чем-то своим. Аврора слушала и не пыталась искать в этом ничего романтического.

— Значит, он опасный, — наконец сказала она, сильнее сжимая мою ладонь. — Тогда тебе придётся быть осторожнее. Но опасный не значит непобедимый.

Я повернула голову к ней.

— Ты это сейчас придумала?

— Да. Звучало умно, поэтому решила оставить.

Я тихо засмеялась и снова придвинулась ближе. Напряжение постепенно уходило из плеч, дыхание становилось глубже, а мысли впервые за весь день переставали ранить.

— Я здесь, — сонно пробормотала Аврора, уже почти закрывая глаза. — И никуда не денусь.

Я сильнее сжала её пальцы.

Вот ради этого я и согласилась. Пусть отец забирает у ме-

ня свадьбу, свободу, привычную жизнь и отправляет к человеку, рядом с которым мне страшно. Я разберусь. Найду выход. Научусь защищаться от Валентино, даже если сегодня не смогла.

Но Аврора останется в безопасности.

Если цена за это — я, значит, я её заплачу.

Я придвинулась к сестре ещё ближе, закрыла глаза и впервые за весь день позволила себе перестать думать хотя бы ненадолго. Завтра всё вернётся: отец, подготовка к свадьбе, Валентино и страх перед будущим. Но сейчас рядом была Аврора, её пальцы оставались переплетены с моими, а дыхание постепенно становилось сонным и ровным.

И пока она была рядом, я хотя бы помнила, ради кого мне нельзя сломаться.

Глава 3.

Э

ти два месяца почти полностью растворились в подготовке к свадьбе. Дом постоянно был полон незнакомых людей: организаторов, дизайнеров, флористов, портных и помощников, которые обсуждали оформление, меню и список гостей, будто меня в этой свадьбе вообще не существовало. Мать контролировала каждую мелочь с поразительным энтузиазмом, словно готовилась к собственному торжеству, а я старалась вмешиваться как можно меньше. Мне не хотелось выбирать цвет салфеток для дня, после которого моя жизнь

должна была окончательно перестать принадлежать только мне.

Спокойно становилось только рядом с Авророй. Почти каждый вечер она приходила ко мне, забиралась на кровать и оставалась до поздней ночи. Иногда мы разговаривали обо всём подряд, иногда молчали, каждая занимаясь своим, но одного её присутствия хватало, чтобы я хотя бы ненадолго переставала чувствовать себя чужой в собственном доме. Рядом с сестрой не приходилось изображать, будто я смирилась с решением отца, приняла будущий брак и теперь просто жду назначенной даты.

О Валентино мы говорили редко, хотя его имя звучало в доме практически каждый день. Родители обсуждали его компании, связи, предстоящий союз и какие-то договорённости, в которые меня по-прежнему не посвящали. Особенно настораживал отец. Дмитрий Волконский никогда не отличался осторожностью в словах и не привык подстраиваться под других людей, но при упоминании Корлионезо становился сдержаннее. В его голосе исчезала привычная уверенность человека, который считает себя главным в любой комнате.

Постепенно я начала понимать, что меня выдают не просто за богатого иностранца с полезными связями. Валентино обладал властью, с которой считался даже мой отец, и именно это тревожило гораздо сильнее его денег. Я почти ничего не знала о человеке, который уже каким-то образом имел

достаточно влияния, чтобы принимать решения, напрямую касающиеся моей жизни.

Однажды вечером Аврора пришла ко мне с ноутбуком, устроилась рядом и без лишних объяснений ввела имя Валентино в поисковую строку. Результатов оказалось много, но почти всё касалось бизнеса: строительство, инвестиции, международные сделки, благотворительные вечера, закрытые приёмы. На фотографиях он выглядел одинаково сдержанно, редко смотрел прямо в объектив и почти всегда стоял немного в стороне от остальных, хотя внимание окружающих всё равно концентрировалось на нём. Личной информации практически не было: ни подробных интервью, ни рассказов о семье, ни воспоминаний друзей. Только сухие факты, официальные фотографии и несколько бесполезных слухов о женщинах.

Через какое-то время мы закрыли ноутбук и больше к поискам не возвращались. Я не знала, чем именно он занимался и откуда бралось то влияние, которое заставляло отца вести себя осторожнее, но уже понимала, что компаниями и деньгами всё не ограничивалось.

Свадьба тем временем приближалась слишком быстро. До седьмого июля оставались всего сутки, а я до сих пор иногда ловила себя на нелепой надежде, что всё ещё может каким-то образом отмениться.

Больше всего злило собственное бессилие.

Всю жизнь я пыталась доказать, что имею право распо-

ряжаться собой, а отцу хватило одного разговора, чтобы лишить меня этого права и определить будущее без единого вопроса.

Полностью сдаваться я всё равно не собиралась. Пока организаторы ещё пытались учитывать моё мнение, я использовала каждую возможность усложнить им работу: заставляла менять скатерти, придиралась к меню, отказывалась утверждать декорации и находила недостатки в любой предложенной детали. Через несколько недель мать потеряла терпение и перестала брать меня на встречи, чем только облегчила жизнь нам обеим. Чем меньше времени я проводила среди свадебных каталогов и образцов ткани, тем больше могла быть с Авророй.

Отец отстранил меня от работы уже на следующий день после разговора, заявив, что я достаточно «поиграла в сильную и независимую женщину». Свободного времени внезапно стало слишком много, но я не позволила ему превратиться в ожидание собственной свадьбы. Я читала, тренировалась, проводила время с сестрой и снова и снова напоминала себе одну вещь: *решение о браке действительно приняли за меня, но то, какой женой я стану после него, по-прежнему зависело только от меня.*

Покорной и удобной Миллианы Волконской они не получают.

Номер отеля, в котором мы остановились перед свадьбой, казался почти пустым. Из моих вещей здесь были только несколько чемоданов и платье, висевшее в отдельной комнате. Я старалась туда не заходить. Одного взгляда на белую ткань хватало, чтобы вспомнить, что уже завтра всё изменится. Большую часть спальни занимала огромная кровать напротив панорамных окон, и она особенно раздражала с тех пор, как я узнала, что после церемонии этот номер должен стать нашим с Валентино.

До седьмого июля оставалось несколько часов. Аврора находилась этажом ниже, а родители запретили ей подниматься ко мне, потому что прекрасно понимали: стоит разрешить, и сестра останется здесь до самого утра. Я пыталась читать, переписывалась с ней, бессмысленно листала телефон, но мысли постоянно возвращались к одному и тому же. За два месяца я так и не нашла способа одновременно отказать от брака и гарантированно защитить Аврору. Любая попытка сопротивления упиралась в угрозу, что отец использует её вместо меня, а такой ценой собственную свободу я не хотела.

Звук электронного замка заставил резко поднять голову. Я спустила ноги с подлокотника кресла и встала, не понимая, кто мог войти без предупреждения, но ответ появился через несколько секунд.

Из короткого коридора вышел Валентино.

На нём были чёрное поло и тёмные брюки, в руке — ключ-

карта. Он остановился в нескольких шагах. Тело моментально напряглось, хотя я заставила себя не отступать. За два месяца я почти убедила себя, что тот ресторан остался где-то далеко, но стоило снова увидеть его рядом, как память услужливо вернула всё: чужую руку под платьем, стол под грудью, собственную неподвижность. Меня раздражало не только то, что я боялась его. Хуже было осознание, что Валентино прекрасно замечал этот страх и не делал ничего, чтобы его уменьшить.

— Я не ожидала гостей, — произнесла я, скрестив руки на груди. — Особенно тех, кто врывается в номер без приглашения.

— Это не гостевой визит, — Валентино убрал карту в карман и задержал взгляд на моём лице. — Я хотел увидеть тебя до завтра.

— Ты уже видел меня. И, судя по прошлой встрече, значительно больше, чем тебе позволено. Думаю, впечатлений достаточно.

В его лице ничего не изменилось. Наверное, именно эта невозможность вывести его из равновесия бесила сильнее всего. Я злилась, язвила, угрожала, а он смотрел так, будто заранее знал, чем всё закончится. Словно мои реакции представляли для него не препятствие, а очередную информацию, которую он спокойно запоминал.

— Достаточно для тебя? — спросил он, сделав шаг вперёд. — Или сегодня ты решила быть особенно несговорчи-

вой?

— Для меня эта встреча вообще ничего не значит. Завтра всё равно произойдёт то, что вы с моим отцом решили без меня.

— Я ничего за тебя не решал, Миллиана, — ответил Валентино без раздражения. — Твой отец предложил союз. Я согласился.

Я коротко усмехнулась. Формально он мог быть прав. Валентино мог не заставлять отца отдавать меня, не назначал мне ультиматум с Авророй, но согласился получить жену, которая этого брака не хотела, и, судя по всему, совершенно не видел в этом проблемы.

— Какая удобная разница. Наверное, дату свадьбы, отель и будущего мужа я тоже выбрала сама, просто забыла.

— Ты пока не понимаешь, зачем нужен этот брак, — его голос оставался ровным. — Позже поймёшь.

— Мне не нужны твои объяснения. Я не просила ни о браке, ни о постепенном посвящении в причины собственного отсутствия выбора.

Он не стал спорить и приблизился ещё на шаг. Между нами осталось слишком мало пространства, и тело сразу потребовало отойти.

Я упрямо осталась на месте.

Каждый раз происходило одно и то же. Валентино сокращал расстояние, а я начинала думать не о том, что сказать, а о том, куда поставить ноги, насколько далеко дверь и успею

ли отступить.

Ненавидела это. Ненавидела, что рядом с ним моя уверенность превращалась в постоянный расчёт возможной опасности.

— Что ты успела узнать обо мне за эти два месяца? — спросил он.

— Достаточно, чтобы не строить иллюзий. Богатый, влиятельный, закрытый и привыкший считать, что окружающие должны подстраиваться под него.

— Уже неплохо, — уголок его губ едва заметно дрогнул. — Иллюзии мешают видеть человека таким, какой он есть.

— Тогда и ты избавься от своих. Покорной жены из меня не получится.

— Это я понял ещё в ресторане.

В его глазах появилось знакомое внимание, и мне снова стало неудобно. Валентино не выглядел мужчиной, которого сопротивление раздражало. И это пугало по-своему. Я не хотела превращаться для него в задачу, которую нужно решить, или в очередную вещь, которую интереснее получить только потому, что она сопротивляется.

Он поднял руку и коснулся пряди моих волос. Пальцы скользнули по локону с той же уверенностью, с какой он позволял себе касаться меня раньше, словно разрешение по-прежнему ничего не значило.

— Ты снова пахнешь шоколадом, — произнёс Валентино, глядя мне в глаза.

— А ты снова распускаешь руки, — я перехватила его запястье и отвела ладонь. — Казалось бы, за два месяца можно выучить простое слово «нельзя».

Он позволил убрать руку, но почти сразу пальцы другой сомкнулись на моём локте. Боли не было, и от этого жест не становился приятнее. Валентино опять показывал одно и то же: если захочет удержать меня, сделает это без особых усилий.

— Я не стану продолжать, — тихо сказал он, заметив моё напряжение, и после короткой паузы добавил: — Сегодня.

— Какое великодушие. Мне следует поблагодарить?

— Завтра благодарность будет волновать меня меньше.

Меня передёрнуло. Неприятное предчувствие сразу связало его слова с кроватью за моей спиной и завтрашним вечером, но я отказалась развивать эту мысль. Именно этого он, наверное, и добивался — чтобы я заранее боялась того, чего ещё не произошло.

— Мечтай, — я подняла подбородок и выдержала его взгляд. — Ты ничего обо мне не знаешь. И сильно удивишься, если решишь, что после свадьбы сможешь делать всё, что захочешь.

Валентино отпустил локоть и больше не попытался прикоснуться. Несколько секунд он просто рассматривал меня, а впервые почувствовала не победу, но хотя бы маленькую опору. Брак я остановить не смогла. Отец отнял у меня выбор, но это ещё не означало, что вместе с фамилией я долж-

на отдать и характер.

— Ты уже удивляешь меня, шоколадка, — произнёс он.

— Не называй меня так. У меня есть имя.

— Тебе подходит.

— Мне всё равно, что, по твоему мнению, мне подходит.

Я не разрешала.

— Ты много чего мне не разрешаешь, — Валентино произнёс это без усмешки.

— Начинай привыкать.

В дверь несколько раз тяжело постучали, и из коридора донёсся мужской голос:

— Нино, нам пора. Если опять опоздаем из-за твоей будущей жены, ответственность на себя не беру.

Валентино перевёл взгляд на дверь, а я мысленно повторила новое имя. Нино. Оно звучало значительно проще его полного имени, почти по-домашнему, и странным образом совсем не сочеталось с человеком, рядом с которым я ни на секунду не чувствовала себя спокойно.

— Тебя ждут, *Нино*, — намеренно произнесла я, наблюдая за ним. — Не заставляй людей терять время из-за очередной попытки меня запугать.

— Я тебя не запугиваю, — он наконец отступил. — Если бы хотел напугать, ты бы не сомневалась.

— Тогда у тебя просто отвратительная манера разговаривать с людьми.

Он открыл дверь. За ней стоял молодой мужчина, которо-

го я сразу узнала по фотографиям, найденным вместе с Авророй. Дин Корлионезо действительно был похож на старшего брата, только черты лица казались мягче, а выражение — значительно живее. На его фоне особенно отчётливо становилось заметно, насколько тяжёлым было присутствие Нино. Один вошёл бы в комнату и просто оказался в ней, второй заставлял меня следить за каждым своим движением.

— Телохранитель вашей принцессы уже поднимается, — Дин посмотрел сначала на брата, затем перевёл любопытный взгляд на меня. — Я бы познакомился нормально, но подозреваю, что сейчас мне лучше не задерживаться.

— Ещё успеешь, — Нино коротко взял его за локоть, подталкивая в сторону коридора. — Ей нужно выпастись перед завтра.

— Как заботливо, — заметила я, прислонившись плечом к стене.

Нино остановился у двери и посмотрел на меня через плечо.

— Перед сном вспомни всё, что я говорил тебе во время наших встреч. Возможно, тогда часть происходящего перестанет казаться бессмысленной.

— Ты настолько любишь слушать себя, что даже за несколько часов до свадьбы выдаёшь мне домашнее задание?

Дин тихо рассмеялся и отвернулся, явно не собираясь вмешиваться. Нино только задержал на мне взгляд ещё на

пару секунд.

— До завтра, шоколадка. Постарайся хотя бы немного поспать.

— А ты постарайся не слишком увлекаться фантазиями о белом платье и брачной ночи. Вдруг завтра придётся срочно искать хорошего стоматолога.

На этот раз усмешка на его лице стала заметнее.

— С тобой действительно будет нескучно.

— Не уверена, что смеяться будешь ты.

Дверь закрылась, и я снова осталась одна. Несколько секунд просто смотрела на неё, пытаюсь понять, что именно должна была вспомнить из наших встреч. Валентино успел наговорить достаточно неприятного, чтобы искать среди его угроз какой-то скрытый смысл мне совершенно не хотелось.

Но одно теперь стало очевидно.

Для него этот брак точно не был формальностью. А значит, уже завтра мне предстояло бороться не только с решением отца, но и с мужчиной, который привык получать то, что однажды решил считать своим.

Заснуть после визита Нино я так и не смогла. Дверь была заперта, но это не давало никакой гарантии, что он не решит вернуться и продолжить разговор. Я снова перебирала в памяти его слова, пытаюсь понять, что именно я должна была вспомнить, но ничего, кроме уже знакомого вывода о

его невоспитанности и чрезмерной уверенности в себе, не находила.

Возможно, он действительно пытался сказать что-то важное, но делал это так, что за давлением и угрозами смысл терялся. Я злилась на него, однако часть вины всё равно возлагала на себя, ведь во время наших встреч я позволяла страху управлять мной и слишком поздно начинала сопротивляться. Через несколько часов мне предстоит выйти замуж за человека, которого я видела всего трижды, и ни одна из этих встреч не давала причин ждать свадьбу с радостью.

Раньше я, как и многие девушки, хотела выйти замуж по любви и создать семью. Теперь белое платье и предстоящее «да» воспринимались как условия договора. Сам брак я остановить не могла, но всё, что произойдёт после него, не обязательно должно было развиваться по сценарию отца или Нино.

Я обещаю использовать каждую возможность, чтобы сохранить себя и вернуть право принимать решения.

Утром я поднялась за несколько часов до прихода стилистов. Сон так и не пришёл, поэтому продолжать лежать и смотреть в потолок не имело смысла. И когда в дверь постучали, я ещё находилась в ванной. Сам факт, что гость решил предупредить о своём появлении, уже выглядел хорошим знаком после вчерашнего визита, однако на пороге стояла не Аврора и не кто-то из персонала, а мать. Она была полностью одета и уже успела выпить, о чём говорили блеск

в глазах и едва заметный запах алкоголя, смешанный с тяжёлыми духами.

Не дождавшись приглашения, мать отодвинула меня рукой и прошла в номер. Она осмотрелась, задержала взгляд на большой кровати и улыбнулась, словно нашла повод для очередной неприятной шутки.

— Надеюсь, ты насладились последней ночью в одиночестве, — произнесла она, садясь на край кровати. — Теперь тебе придётся каждую ночь делить её с мужем.

— И тебе доброе утро, — безразлично ответила я, закрывая дверь.

Мать постоянно возвращалась к теме моей будущей интимной жизни, будто специально искала способ заставить меня чувствовать себя неловко. Она закинула ногу на ногу и несколько секунд рассматривала меня.

— Тебе будет нелегко, Миллиана, — сказала она, намеренно растягивая каждое слово. — Валентино непростой человек, а ты ничего не знаешь о мире, в который попадёшь. Он быстро объяснит тебе, какое место занимает жена рядом с таким мужчиной.

— Зачем ты пришла? — спросила я, не желая слушать очередные предположения о моём будущем. — Хочешь окончательно испортить мне утро или просто убедиться, что и без тебя достаточно плохо?

Она рассмеялась, однако веселья в её глазах не было. Когда смех стих, мать посмотрела на меня с откровенным пре-

небрежением.

— Я хочу, чтобы ты мучилась так же, как мучилась я после твоего рождения.

Я несколько секунд не могла понять, правильно ли услышала её слова. Мать не выглядела рассерженной и не пыталась повysить голос. Она произнесла это спокойно, словно наконец решила сообщить факт, который слишком долго скрывала.

— Что? — спросила я, почувствовав, как пересохло во рту.

— Ты была первым и таким желанным ребёнком Дмитрия Волконского, — продолжила она. — Но мне ты испортила всю жизнь. Я ненавижу тебя с самого рождения и наконец могу сказать это прямо.

— За что?

— За то, что ты родилась, Миллиана. Разве этого недостаточно?

Я смотрела на неё и пыталась найти хоть какой-то признак того, что она намеренно преувеличивает, чтобы сделать мне больнее. Однако в её лице не было ни сомнения, ни сожаления. Больше всего ранила не сама ненависть, а облегчение, с которым мать о ней рассказывала.

— Ты действительно все эти годы смотрела на меня и чувствовала только это? — голос прозвучал хрипло, и мне пришлось сделать паузу, прежде чем продолжить. — Ненависть?

— Ты никогда не задумывалась, почему я стала такой? —

вместо ответа спросила она, поправляя рукав платья. — Почему твой отец закрывал глаза на моё отношение к вам и позволял мне почти всё?

Я не ответила. Мать восприняла молчание как разрешение продолжать и ненадолго отвела взгляд, будто снова видела жизнь, которую потеряла много лет назад.

— Когда-то у меня было собственное имя. Натали Раевская. Меня приглашали на показы в Париж, Милан, Нью-Йорк, предлагали контракт, ради которого другие модели работали годами. Я собиралась строить карьеру, а твоему отцу срочно понадобился наследник. Как ты понимаешь, моё мнение его не интересовало.

— Тогда почему ты винишь меня? — спросила я. — Это было решение отца. Я не просила тебя рожать.

Её лицо сразу стало жёстче.

— Потому что я зависима от него. От его денег, фамилии и положения. А ты стала причиной, по которой мне пришлось отказаться от контракта, забыть о прежней жизни и изменить тело. Ты хоть знаешь, сколько мне пришлось пройти операции, чтобы хоть на дюйм приблизиться к тому, чтобы у меня до? И каждый раз, когда я смотрела на тебя, вспоминала, что потеряла.

Она действительно верила в собственные слова. Все эти годы мать не просто оставалась холодной и равнодушной. Она сознательно считала меня виноватой в поступках взрослого мужчины. Каждая попытка заслужить её внимание и

каждое обращение «мама» существовали рядом с ненавистью, которую я раньше только чувствовала, но не могла объяснить.

— И ты решила сказать мне это именно сегодня, — произнесла я. — В день моей свадьбы.

— Сегодня ты наконец поймёшь, как устроена жизнь, — мать поднялась с кровати и подошла ближе. — Без фантазий о свободе, независимости и любви. После свадьбы твоё время и твоя жизнь будут зависеть от мужа, а чем раньше ты это примешь, тем проще тебе будет.

— Я не собираюсь принимать то, что считаю неправильным.

— Думаешь, Валентино станет спрашивать, что ты считаешь правильным? — она усмехнулась и медленно осмотрела меня. — Такие мужчины не уговаривают. Особенно упрямых женщин, которые уверены, что смогут диктовать им условия.

Её слова попадали точно в тот страх, с которым я боролась после каждой встречи с Нино. Мать знала это и намеренно продолжала, наблюдая за моей реакцией.

— Твой характер быстро перестанет казаться тебе преимуществом, — добавила она. — Сначала ты будешь сопротивляться, потом поймёшь, что выбора нет. В итоге от твоей гордости ничего не останется.

— Прекрати, — потребовала я, чувствуя, как пальцы начинают дрожать.

— Тебе неприятно слышать правду? Уже сегодня ночью ты окажешься под мужчиной, которому тебя отдали, и он будет решать, что между вами произойдёт. Не уверена, что Валентино отличается особенным терпением.

— Замолчи.

Она подошла ещё ближе, и запах алкоголя стал заметнее. В её глазах появилось удовлетворение, потому что она поняла, что ей удалось напугать меня.

— Такой мужчина просто возьмёт то, что считает своим, — тихо произнесла мать. — А после свадьбы своей он будет считать тебя. Он сделает тебе больно, малышка Милли.

— Уходи, — сказала я, впервые не скрывая ненависти.

Мать удивлённо приподняла брови, но почти сразу снова усмехнулась. Я больше не пыталась увидеть в ней человека, который однажды мог бы меня полюбить. Передо мной стояла женщина, пришедшая в день свадьбы собственной дочери только ради того, чтобы причинить ей как можно больше боли.

Мать направилась к двери, однако перед выходом всё же обернулась.

— Через несколько месяцев ты вспомнишь мои слова и поймёшь, что я была права. Такие мужчины, как Валентино Корлионезо, забирают у женщин всё, что считают важным, а потом смотрят, что от них осталось.

— Убирайся.

Она взялась за ручку и напоследок скользнула взглядом

по моим сжатым рукам.

— Постарайся хотя бы не разочаровать его в первую брачную ночь. Будь более сносна и податлива. Мужчины вроде него не станут жалеть — трахнут через боль. Так что это в твоих же интересах.

Дверь закрылась прежде, чем я успела ответить. Несколько секунд я продолжала стоять на месте, глядя ей вслед и пытаясь восстановить дыхание. Только когда шаги матери окончательно стихли в коридоре, ноги ослабли, и мне пришлось опереться ладонью о стену, чтобы не упасть.

А потом меня затрясло. Сильно. До дрожи в руках и болезненного спазма в груди. Я медленно опустилась на край кровати, не чувствуя собственного тела, и только сейчас поняла одну страшную вещь: я больше никогда не смогу смотреть на мать так, как раньше. Даже несмотря на всю её холодность и равнодушие, где-то глубоко внутри я всё равно продолжала оставлять ей место. Верила, что однажды услышу от неё хоть что-то человеческое.

Но после сегодняшнего разговора не осталось уже ничего.

После ухода матери меня затрясло. Руки не слушались, в груди неприятно сдавило, а к горлу подступила тошнота. Я медленно опустилась на край кровати и несколько минут просто сидела, пытаюсь выровнять дыхание.

В номере было тихо, и в этой тишине мысли наконец стали яснее. Если я сейчас надену платье, выйду к гостям и произнесу согласие, то предам саму себя. Собственными руками

отдам свою жизнь человеку, которого почти не знаю и рядом с которым постоянно чувствую угрозу, а потом позволю всем говорить, что это был мой выбор.

Я резко поднялась и подошла к окну. На территории отеля уже начиналась подготовка. Через несколько часов сюда приедут гости, которые будут улыбаться и поздравлять меня, не подозревая, что невеста в это время думает только о побеге.

Я не собиралась выходить за Нино и добровольно отдавать ему право распоряжаться моим телом и будущим только потому, что отец так решил. Пусть они оба считают, что уже победили, но я ещё даже не начала бороться.

Мысль об Авроре остановила меня.

Если я исчезну одна, отец воспользуется ею. Возможно, не сразу, но однажды обязательно поставит перед таким же выбором, потому что для него дочери оказались частью договорённостей, а не людьми. После моего побега Аврора станет самым удобным способом наказать меня.

Значит, уезжать мы должны вместе.

Я нашла телефон и набрала её номер. Аврора ответила почти сразу, словно всё утро держала его в руках.

— Милли? — в её голосе сразу появилась тревога. — Что случилось?

— Поднимись ко мне, — произнесла я, стараясь говорить спокойно. — Только ничего не спрашивай по телефону.

Она пришла меньше чем через десять минут. На ней была

лёгкая кофта, накинутая наспех, волосы оставались растрёпанными после сна, а в глазах уже читался страх. Едва дверь закрылась, Аврора подошла ко мне и внимательно всмотрелась в лицо.

— Ты очень бледная. Что произошло?

— Мы уезжаем, — ответила я, не позволяя себе тянуть с признанием. — Сегодня, до церемонии.

Аврора несколько секунд молчала, будто пыталась понять, не ослышалась ли.

— Куда?

— Пока не знаю. Главное уехать из отеля и выбраться из города до того, как отец поймёт, что нас нет. Я не выйду за Валентино, Рори. Если останусь и позволю им завершить этот брак, потом выбраться будет гораздо сложнее.

— Милли, нас будут искать, — тихо напомнила она, сжимая телефон обеими руками. — Отец не позволит тебе просто исчезнуть. И Валентино тоже.

— Я понимаю. Но если сбегу одна, отец возьмётся за тебя. Он уже угрожал этим, и я не собираюсь проверять, насколько далеко готов зайти. Я не могу оставить тебя здесь вместо себя.

Аврора опустила взгляд. По её лицу я поняла, что она тоже думала об этом, просто боялась произнести вслух. Я подошла ближе, взяла её за руки и заставила посмотреть на меня.

— Я не хочу отнимать у тебя привычную жизнь, — про-

должила я. — Но здесь у тебя её всё равно не будет. После моего побега отец станет контролировать каждый твой шаг, а потом найдёт другого мужчину, с помощью которого сможет восстановить то, что потерял из-за меня.

— Ты уверена, что у нас получится?

— Нет, — честно призналась я. — Но я уверена, что не хочу ждать свадьбы и надеяться на милосердие людей, которые ни разу не спросили, чего хочу я.

Аврора смотрела на меня ещё несколько секунд, а затем крепче сжала мои пальцы.

— Хорошо. Я поеду с тобой. Ты же всегда говорила, что мы идём только комплектом, — она попыталась улыбнуться. — Если я останусь, ты всё равно вернёшься ради меня. А я не хочу быть причиной, по которой ты сдашься.

Я обняла её, прижав к себе так крепко, будто уже сейчас боялась потерять. Аврора положила голову мне на плечо и впервые позволила страху отразиться на лице.

— Мне страшно, Милли.

— Мне тоже, — призналась я, поглаживая её по волосам. — Но мы будем вместе. Остальное решим по дороге.

Я не стала рассказывать ей о словах матери. Возможно, когда-нибудь мне придётся это сделать, но не сейчас. Аврора всегда верила, что Натали просто слишком эгоистична и не умеет проявлять любовь, а я пока не хотела отнимать у сестры даже эту слабую надежду.

Оставалась главная проблема — Виктор. Без него мы не

пройдём охрану и не успеем выбраться из города до того, как отец поймёт, что происходит. Я написала, что у меня разболелась голова и нужны таблетки, попросив подняться в номер. Предлог был достаточно обычным, чтобы не привлечь внимания.

— Думаешь, он поможет? — Аврора стояла у окна и тербила край рукава, время от времени поглядывая на дверь. — Если откажется, сами мы отсюда не выйдем.

— Поэтому сначала поговорим с ним, — я убрала телефон. — Обманывать Виктора бессмысленно. Он сам учил нас замечать ложь и просчитывать выходы.

Через несколько минут в дверь постучали. Виктор вошёл с упаковкой обезболивающего, закрыл за собой дверь и сразу задержал взгляд на нас обеих. Аврора уже была одета, а на кровати лежала раскрытая дорожная сумка. Ему хватило нескольких секунд, чтобы понять: таблетки здесь никому не нужны.

— Телефоны на стол, — произнёс он вместо приветствия. Дождавшись, пока мы выполним требование, Виктор выключил оба аппарата и посмотрел на меня. — Теперь говори.

Я изложила план коротко. Виктор не перебивал, но чем дальше я говорила, тем жёстче становилось его лицо. Закончив слушать, он подошёл к окну и несколько секунд наблюдал за территорией внизу.

— Вы собирались уйти вдвоём, не зная расстановки охраны, камер и людей Корлионезо, — сказал он, оборачиваясь.

— То есть рассчитывали на удачу.

— Другого варианта у нас нет.

— Есть. Не делать глупостей без подготовки, — Виктор подошёл ближе, и по его тону я поняла, что спорить он не позволит. — Если я помогаю, вы выполняете всё, что скажу. Без самостоятельности. Один сбой — возвращаемся. Я не стану рисковать вами.

Я кивнула. Он уже проверял время и отправлял сообщения, а затем достал из внутреннего кармана сложенную схему отеля и разложил на столе.

— Главный вход исключён. Там люди Дмитрия и Корлионезо, — палец прошёл по плану. — Запасной выход тоже под наблюдением. Остаётся служебная часть: прачечная, кухня, грузовой лифт и парковка. Через двадцать минут пересменка. На всё — не больше восьми минут.

— Ты уже смотрел маршрут? — Аврора нахмурилась, переводя взгляд со схемы на него.

— Я всегда проверяю пути отхода там, где отвечаю за вашу безопасность, — сухо ответил Виктор. — Это моя работа.

Через двадцать минут в номер вошла горничная с тележкой для белья. Она закрыла дверь, достала спортивную сумку и поставила на пол. Внутри лежали два комплекта формы персонала и обувь без каблука. Мы с Авророй быстро переоделись, собрали волосы, сняли украшения и оставили телефоны вместе с чемоданами.

Мы вышли вместе с горничной и почти сразу раствори-

лись среди персонала. Виктор шёл впереди на расстоянии нескольких метров, не оглядываясь и ничем не показывая, что мы связаны. Служебная лестница, прачечная, кухня — всё прошло слишком спокойно. Каждый голос за спиной заставлял ждать оклика, но никто нас не остановил.

После кухни начался технический коридор с белыми стенами и гулом вентиляции. Виктор остановился у двери на парковку, приоткрыл её, осмотрел территорию и жестом приказал ждать. Только через несколько секунд открыл шире.

— Сейчас. Быстро, — коротко приказал он, первым выходя наружу и ещё раз проверяя пространство между машинами.

Чёрный седан стоял в дальнем ряду, скрытый от главного подъезда стеной соседнего корпуса.

— Документы и деньги внутри, — Виктор говорил быстро, продолжая следить за парковкой. — Едете к трассе, но не в аэропорт и не на вокзал. Телефоны не включаете, в крупных местах не останавливаетесь. Если поймёте, что за вами идут, не пытайтесь оторваться сами.

— А ты? — Аврора посмотрела на него, но в этот момент зазвонил телефон.

На экране высветилось имя отца. Виктор молча показал его мне, и по тому, как напряглась челюсть, стало ясно: времени действительно не осталось.

— Если исчезну вместе с вами, тревогу поднимут сразу. Я

останусь и дам вам фору, — он ещё раз оглядел парковку и задержал взгляд на седане чуть дольше, чем раньше. — И запомните: если что-то покажется неправильным, не садитесь в машину. Разворачиваетесь и уходите обратно внутрь. Без геройства.

Я коротко обняла его. Виктор только сжал моё плечо, второй рукой коснулся затылка Авроры.

— Корлионезо на первый взгляд может показаться устрашающим — я понимаю. Поэтому побег тебе попробовать было нужно, Милли. А теперь ступай спокойно и ничего не бойся.

Я не до конца понимала о чём он, а спросить уже не могла, он принял звонок и пошёл обратно к служебному входу.

Аврора первой направилась к машине. Я пошла следом, но через несколько шагов замедлилась.

Слишком легко.

Ни одного вопроса, ни одной задержки, пересменка точно вовремя, машина именно там, где должна быть. Даже Виктор перед уходом слишком долго смотрел в её сторону.

Тревога резко усилилась.

— Милли, — голос Авроры заставил поднять голову.

Она уже сидела на заднем сиденье, но не закрывала дверь. Лицо побледнело, пальцы вцепились в ручку. Я проследила за её взглядом.

Водителем оказался Дин Корлионезо. Одна рука лежала на руле, а сам он спокойно смотрел на меня через зеркало

заднего вида, без удивления и спешки, будто ждал нас здесь с самого начала.

Внутри всё похолодело. Значит, Виктор почувствовал неладное ещё до того, как ушёл. Возможно, именно поэтому сказал те слова напоследок. Я ещё пыталась понять, когда нас заметили и сколько времени Корлионезо наблюдали за побегом, когда за спиной раздался едва слышный шаг.

Кто-то остановился совсем близко.

Мне не понадобилось оборачиваться, чтобы понять кто.

— Куда-то собралась, tesoro¹? — голос Нино прозвучал возле самого уха.

Я застыла, почувствовав Нино раньше, чем решилась повернуться. Когда я медленно развернулась, руки у него были в карманах, а на лице не было ни злости, ни удивления. Только привычное спокойствие человека.

— Ты следил за мной? — спросила я, стараясь убрать хрипоту из голоса. Нино неспешно осмотрел форму сотрудницы, собранные волосы и вернулся взглядом к моему лицу. — Или всё это время просто ждал здесь?

— Для слежки нужны сомнения, — ответил он, чуть склонив голову. — Я знал, что ты попробуешь сбежать. Хотел увидеть, как далеко зайдёшь и сколько ошибок допустишь.

От его тона мгновенно вспыхнула злость. Я отступила, но почти сразу упёрлась бедром в машину, внутри которой сидела Аврора. Нино шагнул следом, не прижимая и не удерживая.

живая.

— Значит, для тебя это было представлением? — я толкнула его ладонью в грудь. — Ты позволил мне поверить, что я могу выбраться, только чтобы потом объяснить, какая я глупая?

Нино перехватил моё запястье, остановив руку между нами. Пальцы сжались ровно настолько, чтобы я не ударила снова, и почти сразу разжались, когда я потребовала отпустить.

— Я называю ошибкой не попытку уйти, — произнёс он, снимая с моего жилета бейдж с чужим именем. Быстро взглянул на пластик и вложил его мне в ладонь. — А уверенность, что можно обойти людей, правил которых ты не знаешь.

— Ты считаешь, что власть даёт тебе право распоряжаться всеми вокруг, — я сжала бейдж в пальцах. — Решать, куда им идти, с кем жить и что делать. Для тебя люди — собственность.

Взгляд Нино стал внимательнее. Он посмотрел на меня несколько секунд, а затем спокойно спросил:

— Ты сейчас говоришь обо мне или о Дмитриии?

Возражение уже было готово, но застряло в горле.

Отец выбрал мне мужа, лишил работы и использовал Аврору как угрозу. Нино согласился на брак и вёл себя так, будто моё сопротивление ничего не меняло, но началась эта ловушка не с него.

— Вы оба решили мою судьбу без меня, — произнесла я после паузы.

— Нет. Твой отец принял решение за тебя, а я согласился на предложенный союз, — Нино не оправдывался и не смягчал формулировку. — Разница тебе не нравится, но она есть.

Я отвернулась к машине. Аврора сидела на заднем сиденье, прижавшись к двери, и не сводила с нас напряжённого взгляда. Дин оставался за рулём и молчал.

— Аврора не должна была быть здесь, — сказал Нино, проследив за моим взглядом.

Я мгновенно повернулась к нему.

— Не смей впутывать её. Я забрала её потому, что отец уже угрожал отдать тебе её вместо меня. Если бы я исчезла одна, она осталась бы у него как самый удобный способ добраться до меня.

Нино посмотрел на Аврору через стекло. Я сразу шагнула в сторону, закрывая сестру собой, и его взгляд вернулся ко мне.

— Ты действительно поставишь под угрозу себя ради неё.

— Я отдам за неё жизнь, если понадобится, — отчётливо ответила я. — Поэтому запомни: Аврора — не рычаг, которым можно заставить меня подчиняться. Если ты или твои люди попробуете использовать её против меня, я сделаю всё, чтобы этот брак не состоялся.

Я схватила его за край поло, вынуждая наклониться. Нино опустил взгляд на мои пальцы, затем накрыл их ладонью, но

не оторвал от ткани.

— Я не твой отец, Миллиана, — произнёс он уже жёстче.
— Мне не нужна твоя сестра, чтобы удержать тебя.

— Тогда чем ты собираешься меня удержать?

— Ничем. Ты сама придёшь к алтарю.

Самоуверенность в его голосе выводила из себя, но прежде чем я успела ответить, Нино позвал брата. Дин вышел из машины, обошёл капот и открыл заднюю дверь со стороны Авроры, не приближаясь к ней.

— Выходи, — сказал он спокойно. — Я отведу тебя обратно в номер.

Аврора посмотрела на меня, не двигаясь. Я подошла ближе, но Нино положил ладонь мне на талию, останавливая. Я сразу сбросила её.

— Рори, выходи, — сказала я, стараясь говорить увереннее, чем чувствовала себя. Когда сестра оказалась рядом, я обняла её. — Я скоро поднимусь. Не спорь сейчас.

Она крепко сжала мои пальцы, несколько секунд смотрела в лицо, а затем всё же пошла с Дином. Я смотрела им вслед, пока дверь служебного входа не закрылась.

Нино развернулся первым и направился туда же, явно не сомневаясь, что я последую. Побегать в другую сторону без Авроры уже не имело смысла. Он остановился у двери и придержал её.

— Не заставляй меня возвращать тебя силой, шоколадка. Здесь слишком много людей, которым не нужно знать о тво-

ём побеге.

— Не делай вид, будто заботишься о моём достоинстве,
— бросила я, проходя мимо.

— Я не делаю вид, — коротко ответил он и закрыл дверь за моей спиной.

Мы пошли теми же служебными коридорами, по которым я ещё несколько минут назад выбиралась к парковке. Нино держался рядом, направляя коротким прикосновением к спине только на поворотах, и каждый раз я тут же сбрасывала его руку. Он мог вывести меня через главный холл и превратить неудачный побег в публичное унижение. Вместо этого он выбрал служебный путь и не позволил никому задержать на мне взгляд дольше необходимого.

Мне это не нравилось почти так же сильно, как всё остальное. Было гораздо проще ненавидеть его, когда каждый поступок укладывался в образ самоуверенного ублюдка. Но сейчас Нино полностью контролировал ситуацию.

Когда дверь номера закрылась за нашими спинами, Нино повернул замок и убрал ключ-карту в карман. Щелчок прозвучал слишком отчётливо. Я уставилась на его руку и только потом подняла глаза к лицу, чувствуя, как злость после неудавшегося побега снова поднимается внутри. Несколько минут назад мне казалось, что я наконец сама решаю, куда идти и что делать, а теперь мы снова стояли в комнате, дверь была заперта, а ключ находился у него.

— Доволен? — я развернулась к нему всем корпусом,

скрестив руки на груди, чтобы он не заметил, как напряжены пальцы. — Можешь считать, что опять победил.

— Победа предполагает равную борьбу, — Нино прошёл глубже в комнату и остановился возле кресла. Ни злости, ни торжества после поимки невесты. — А её не было.

Это спокойствие действовало хуже насмешки. Я хотя бы могла бы злиться на него за удовольствие от моего провала, но Нино просто наблюдал очевидный результат.

— Тогда что это было?

— Попытка убежать из мира, о котором ты ничего не знаешь.

Я невесело усмехнулась. Опять. Мир, правила, неизвестность — он разбрасывался этими словами с нашей первой встречи и каждый раз останавливался ровно там, где мог наконец объяснить хоть что-нибудь.

— Может, хватит разговаривать загадками? — я расправила плечи, не отводя взгляда. — Все вокруг знают что-то, чего не знаю я. Отец, Виктор, ты. А я должна ходить между вами и угадывать, почему собственная жизнь вдруг перестала мне принадлежать. Хочешь что-то сказать — скажи прямо.

Нино несколько секунд молчал. Его челюсть чуть напряглась, затем ладонь прошла по шее — жест, который я уже замечала, когда он сдерживал раздражение. Он подошёл ближе, но на этот раз остановился на расстоянии, не заставляя меня автоматически отступать.

— Твой отец не просто владеет компаниями, Миллиана. Законный бизнес — только часть его жизни, которую разрешено видеть посторонним. За ним стоят люди, которые выполняют его приказы, территории, чиновники на содержании, перевозки наркоты, оружия и деньги, проходящие через компании, созданные не только ради законной прибыли. Дмитрий управляет организацией, влияние которой давно вышло за пределы России.

Я смотрела на него и ждала продолжения. Нормального. Такого, после которого всё сказанное превратится в очередную его попытку меня напугать. Но Нино не улыбнулся и не отвёл глаз.

— Какой ещё организацией?

— Собором, — ответил он сразу. — Русской мафией.

Слово ударило странно. Настолько нелепо, что первой реакцией захотелось рассмеяться. Мафия? Мой отец? Человек, который каждое утро просматривал финансовые отчёты за завтраком, ругался из-за опозданий и годами строил компании, оказывается, руководил мафией?

— Это не смешно, — голос всё-таки стал тише. — Мой отец бизнесмен.

— И поставленный Дон Собора. Одно другому не мешает. Я покачала головой, но память уже предавала меня.

Виктор с оружием даже дома. Мужчины, приезжавшие к отцу поздно вечером и исчезающие в кабинете на несколько часов. Ресторан, куда нам запрещали заходить. Охрана, ко-

торию я всю жизнь считала очередной привилегией богатой семьи. Люди, опускавшие глаза при появлении отца.

Раньше для всего находилось удобное объяснение: деньги, связи, влияние. Теперь Нино одним словом ломал его.

— Почему он скрывал это от нас? — спросила я и тут же подумала об Авроре. Она тоже ничего не знала. Мы обе жили в доме человека, которого, выходит, вообще не знали.

— Потому что хотел держать вас подальше от этой части своей жизни, пока это возможно. Вы должны были считать, что охрана нужна из-за его положения, а люди боятся его из-за денег и фамилии. Так было проще.

— А ты откуда знаешь обо всём этом?

Я уже почувствовала ответ раньше, чем он прозвучал.

— Потому что моя семья устроена так же. Корлионезо контролируют значительную часть Восточного побережья и территории на западе. Компании, которые вы нашли с Авророй, настоящие. Они действительно приносят деньги. Но моя власть держится не только на них.

В голове мгновенно всплыл вечер с ноутбуком. Сухие статьи, фотографии, отсутствие личной информации, ощущение, что мы смотрим только на поверхность. Тогда мне казалось, что вокруг Валентино просто много секретности. Господи, как же далеко мы были от правды.

— Кто ты? — спросила я, и собственный голос показался чужим.

— Дон Семьи Корлионезо.

Я отступила и упёрлась ногами в край кровати.

— То есть ты сейчас всерьёз говоришь, что управляешь мафией?

— Да.

Я посмотрела на него иначе, почти против воли. На его спокойствие, привычку входить куда угодно без разрешения, вооружённых людей рядом, ту уверенность, с которой он говорил, что может делать то, что хочет. Раньше я считала его богатым, избалованным властью ублюдком. Теперь слово «власть» внезапно приобрело совсем другой вес.

— И отец тоже Дон?

— Да. Но между нами есть разница, — Нино не приблизился, хотя явно видел, как я напряглась. — Я родился Корлионезо. Семья существует несколько поколений, и место Дона передаётся внутри рода. Фамилия дала мне право занять место отца, но удерживать его пришлось самому. Дмитрий положение не наследовал. Его поставили во главе Собора после смерти предыдущего Дона, когда не осталось наследника, способного удержать организацию.

— То есть отец... ненастоящий Дон?

— Настоящий, — жёстко поправил Нино. — Его признают. Ему подчиняются. Территории находятся под его властью. Но он поставленный Дон, а не наследственный, и люди, которые однажды помогли ему подняться, прекрасно помнят об этом.

Мне стало холодно.

Я вспомнила лица мужчин, которых видела у нас дома годами. Тогда я не видела ничего странного. Сейчас прошлое будто медленно выворачивалось наизнанку.

— Они могут его убрать?

— Если он покажет слабость, потеряет территорию или перестанет быть выгодным — попытаются. Пока Дмитрий удерживает власть, они подчиняются. Но подчинение и преданность — разные вещи.

Я несколько секунд молчала, а потом всё сложилось само. Настолько просто, что от понимания стало мерзко.

— Поэтому ему понадобился ты.

— Ему понадобилась Семья Корлионезо, — Нино чуть сузил глаза. — Брак между нами превращает соглашение двух организаций в родство. Если кто-то попытается сместить Дмитрия или забрать его территории, я получаю право вмешаться не как чужой Дон, а как его зять и твой муж. Против твоего отца многие готовы рискнуть. Против меня — никто из них.

В груди что-то болезненно сжалось.

Все слова отца о пользе семье, необходимости брака, моей обязанности вдруг приобрели настоящий смысл. Он не пытался спасти компанию. Он спасал собственное кресло.

— Вот зачем я ему понадобилась, — произнесла я, чувствуя, как голос становится жёстче. — Не дочь и не наследница. Просто способ привязать тебя к нему.

Нино не стал спорить.

— В том числе.

Я отвернулась к окну.

Хотелось, чтобы он начал оправдывать отца, тогда я смогла бы спорить. Но Нино просто отдавал мне факты один за другим и позволял самой понимать, насколько глубоко меня использовали.

— У Дмитрия нет сына, — продолжил он. — И нет наследника, которого Собор безоговорочно признает после него. Ты старшая дочь и первая в линии Волконских, но этого недостаточно. Женщина не займёт место Дона. После смерти Дмитрия начнётся борьба, если заранее не появится сила, способная её остановить.

Я резко повернулась к нему.

— То есть я наследница, которой всё равно не позволят ничего унаследовать?

— Ты даёшь законную связь между Волконскими и Корлионезо. А в будущем её продолжат наши дети.

Наши дети.

Слова вызвали почти физическое отторжение. Я ещё не стала его женой, не знала, смогу ли вообще позволить ему спокойно ко мне прикасаться, а где-то в их расчётах уже существовали дети, которыми тоже собирались укреплять власть.

— А тебе зачем всё это? — спросила я. — Отец боится потерять своё место. Это я уже поняла. Но ты? Если тебя настолько боятся, зачем тебе жениться на женщине, которая

этого не хочет?

— Потому что Америка не даёт мне того, что контролирует Дмитрий в России и Восточной Европе. Люди, маршруты, связи, законные структуры — это невозможно просто забрать без войны. Мне нужен устойчивый союз. Ему нужна моя защита.

— И договор вам показался недостаточно надёжным.

— Договор существует, пока обеим сторонам выгодно его выполнять. Родство переживает смену власти и смерть, — Нино говорил спокойно, а у меня от каждого следующего предложения сильнее сводило живот. — Даже если Дмитрий потеряет место, ты останешься его дочерью, а я — твоим мужем.

Вот и всё. Отец получал Корлионезо за своей спиной. Нино — вход в Собор. А я была тем, чем эти два мужчины скрепили сделку.

— Виктор знал? — спросила я после долгого молчания.

— Да.

На секунду стало больнее, чем от всего остального.

Виктор. Человек, которому я доверяла больше, чем собственному отцу.

— Значит, все знали. Кроме нас с Авророй.

— Да.

— И не смей говорить, что это было ради нашей безопасности, — я подняла на него взгляд. Злость наконец нашла выход. — Не оправдывай их этим.

— Я никого не оправдываю, Миллиана. Ты хотела правду — я её тебе даю. Что ты с ней сделаешь, уже другой вопрос. Я провела ладонями по лицу и опустила на край кровати. Хотелось снова назвать всё ложью, но слишком многое уже встало на место.

— Что будет, если я всё равно откажусь?

Нино посмотрел на меня дольше обычного.

— Дмитрий потеряет поддержку Корлионезо. Люди, которые ждут его слабости, узнают, что союз сорвался. Он усилит контроль над Авророй, потому что второго неповиновения не допустит. Я вернусь в Нью-Йорк, а конфликт внутри Собора всё равно начнётся. Только уже без причины для меня его сдерживать.

Имя сестры ударило точно туда, куда всегда било сильнее всего. Я стиснула пальцы и подняла голову.

— Я не стану делать вид, что приняла ваш мир. Не буду молчать, если увижу то, с чем не согласна. И твоя фамилия не заставит меня выполнять каждый приказ.

— Я уже понял, — уголок его губ едва заметно дрогнул, но взгляд остался серьёзным.

— Тогда почему ты всё ещё хочешь именно меня?

Нино подошёл на шаг ближе, но не прикоснулся.

— Сначала мне была нужна старшая дочь Волконского. После нашей первой встречи — уже ты.

Я нахмурилась, ощущая неприятный толчок где-то внутри.

— Это должно меня успокоить?

— Нет. Я вообще не собираюсь тебя успокаивать, — ответил он твёрдо. — Я рассказываю тебе правду, потому что ты двадцать один год жила среди людей, которые решили, что незнание тебя защитит.

Я смотрела на него и впервые не могла свести всё к простому «он придурок». Опасным он оставался. Я по-прежнему помнила ресторан и не доверяла ему ни на секунду. Но теперь за его поведением стоял целый мир, существовавший рядом со мной всё это время.

И самое страшное было не в том, что этот мир оказался реальным. А в том, что он всегда был моим тоже.

Глава 4.

П

осле ухода Нино номер почти сразу заполнился людьми. Стилисты, визажисты, парикмахеры и помощницы матери двигались вокруг меня без остановки, передавали друг другу всякую атрибутику и так по кругу. Я отвечала на их просьбы, поворачивала голову, закрывала глаза и поднимала подбородок, но мыслями всё ещё возвращалась к разговору с Нино. Теперь я знала, что за дверьми этого отеля готовят не просто свадьбу двух богатых семей, а союз Собора и Семьи, от которого зависело положение отца и интересы людей, чьих имён я даже не знала. Я не понимала почему мысль о криминальных организациях так гармонично улеглась в моей голове,

почему у меня не вызывает это таких противоречивых эмоций. Неужели мой мозг за столько лет привык к подобной жизни, что теперь, когда для неё появилось название, мне стало... легче?

Когда пришло время надевать платье, разговоры умолкли. Белый шёлк плотно облегал талию и расширялся к длинному шлейфу, расшитому жемчугом и серебристыми нитями. Корсет открывал плечи и ключицы, а тонкая вышивка покрывала ткань почти до самого подола. Платье было именно таким, какое я могла бы выбрать сама, если бы выходила замуж по собственному желанию, поэтому смотреть на отражение становилось только тяжелее.

Волосы уложили крупными локонами, закрепили фату и надели украшения, после чего женщины отступили, оценивая результат. Из зеркала на меня смотрела красивая невеста с бледным лицом и напряжённым взглядом. Я не чувствовала ни радости, ни привычного свадебного волнения.

Меньше чем через часов мне предстояло стать женой Дона.

Единственным человеком, которого я хотела увидеть, была Аврора. Когда она вошла, женщины поправили последние детали и оставили нас одних. Сестра остановилась у двери, несколько секунд рассматривала меня, а затем улыбнулась, хотя глаза сразу наполнились слезами.

— Ты самая красивая невеста, которую я когда-либо видела, — тихо произнесла она, подходя ближе и осторожно

касаясь моих рук.

— Только не плачь, иначе начну я, а мать обвинит нас в испорченном макияже, — попыталась пошутить я, но голос всё равно прозвучал напряжённо.

Аврора обняла меня, стараясь не задеть фату, а я прижала её к себе крепче. Совсем скоро между нами окажутся тысячи километров, и она больше не сможет зайти ко мне среди ночи только потому, что ей захотелось поговорить. Мы уже попытались сбежать вместе и потерпели неудачу, поэтому теперь мне оставалось хотя бы убедиться, что отец не воспользуется ею снова.

— Я буду приезжать, — сказала Аврора, немного отстранившись. — И звонить каждый день. Ты от меня так просто не избавишься.

— Даже не пытайся, — ответила я и поцеловала её в висок.

Сестра поцеловала меня напоследок в обе щеки и после долгих уговоров она вернулась к гостям.

А мне поправили фату, вложили в руки букет и вывели в коридор, где уже звучали голоса гостей и щёлкали камеры. Люди улыбались, поздравляли родителей и восхищались оформлением, а я отвечала короткими кивками.

Нино ждал у алтаря в тёмном костюме. Рядом с ним находились Дин и несколько мужчин из Семьи, которых я раньше приняла бы за друзей или деловых партнёров. Теперь я понимала, что каждый из них занимает определённое место

в его организации и пришёл сюда не только ради торжества.

Когда Нино увидел меня, его взгляд сразу изменился. Он медленно осмотрел платье, волосы и лицо, а затем посмотрел мне в глаза. На несколько секунд в его выражении исчезли привычные спокойствие и холодная оценка, но он быстро взял себя в руки.

Отец взял меня под руку и повёл к алтарю. Его шаг остался размеренным, пальцы лежали поверх моей ладони уверенно, а на лице не было ни волнения, ни сожаления. Чем ближе мы подходили к Нино, тем яснее я понимала, что для отца эта церемония была подтверждением его власти. После неё люди Собора увидят, что за поставленным Доном теперь стоит Семья.

Перед тем как передать мою руку, отец ненадолго наклонился ко мне.

— Не заставляй меня пожалеть об этом дне, Миллиана. Сегодня наша семья поднимется ещё выше благодаря тебе, — произнёс он тихо, глядя на Нино.

Даже у алтаря он думал не о дочери, а о людях, которые после сегодняшнего дня дважды подумают, прежде чем попытаться сместить его. Я ничего не ответила. Он вложил мою ладонь в руку Нино и отступил. Пальцы жениха сразу сомкнулись вокруг моих, а его взгляд задержался на моём лице.

— Ты бледная, — сказал он почти беззвучно.

— Какое трогательное наблюдение.

— Дыши ровнее.

— Не командуй мной.

— Тогда постарайся не упасть в обморок прямо к моим ногам на глазах в множества людей, — так же тихо ответил Нино, не отпуская моей руки.

Священник начал церемонию, и мне пришлось повернуться вперёд.

Он говорил о любви, верности, защите и добровольном союзе, а я едва сдерживала горькую усмешку. Добровольным здесь оставалось только моё решение защитить Аврору. Всё остальное определили мужчины, которые делили власть, территории и влияние.

Нино держал меня за руку, иногда слегка двигая большим пальцем по коже. Я смотрела на священника, но постоянно чувствовала его присутствие рядом.

— Валентино Корлионезо, согласны ли вы взять Миллиану Волконскую в законные жёны, хранить верность этому союзу и защищать его перед Богом, семьёй и людьми? — спросил священник.

Нино повернулся ко мне и ответил без паузы:

— Согласен.

Я почувствовала напряжение в горле, но не отвела взгляд. Вот и настал этот момент. Прямо сейчас я окончательно откажусь о своей прежней жизни, которую лелеяла последние два месяца. И, чёрт возьми, я делала этот добровольно.

Добровольно принудительно ради сестры.

Священник повернулся ко мне. Пальцы Нино едва заметно сжали мою ладонь, и я сразу посмотрела на него, однако он больше ничего не сделал. В рядах гостей я нашла Аврору. Она стояла рядом с матерью, сжимала руки перед собой и пыталась улыбаться, хотя в её глазах уже стояли слёзы.

— Миллиана Волконская, согласны ли вы взять Валентино Корлионезо в законные мужья, хранить верность этому союзу и принять его семью как свою?

Я молчала всего несколько секунд. Теперь слово «семья» имело совсем другое значение. Соглашаясь, я принимала не только Нино и его фамилию, но и организацию, её правила, людей и обязательства, о которых пока почти ничего не знала. Одно «нет» могло остановить церемонию, но не освободило бы меня от последствий. Отец потерял бы поддержку Корлионезо, обвинение легло бы на меня, а Аврора снова оказалась бы в его руках.

— Согласна, — произнесла я ровно.

По залу прошёл тихий выдох. Нино немного ослабил пальцы, хотя ладонь не отпустил. Он услышал не только согласие, но и всё, что заставило меня его произнести, однако мне не хотелось ни его понимания, ни осторожности.

Кольца подали на небольшой бархатной подушечке. Нино взял мою левую руку и медленно надел украшение на палец. Центральный бриллиант в форме вытянутой капли вспыхнул под светом, а широкую шинку из белого золота покрывал ровный ряд прямоугольных камней. Кольцо было роскош-

ным, строгим и слишком заметным, чтобы восприниматься обычным свадебным украшением.

На руке оно сразу показалось тяжёлым. Теперь каждый человек, знакомый с их миром, будет видеть во мне не только Миллиану Волконскую, но и жену Дона Корлионезо. Кольцо подтверждало союз двух организаций не хуже подписанного договора.

— Спокойнее, — тихо произнёс Нино, продолжая удерживать мою ладонь. Его большой палец медленно прошёлся по коже, и только тогда я заметила, насколько сильно впиалась ногтями в его руку. — Ты можешь сколько угодно убеждать себя в обратном, но сейчас ты совсем не спокойна.

— Не притворяйся заботливым, — прошептала я, поднимая на него глаза. — Тебе это не идёт.

— А ты не притворяйся равнодушной, — так же тихо ответил он. Его взгляд ненадолго задержался на моём лице, но прежде, чем я успела возразить, священник подал знак продолжать церемонию.

Настала моя очередь надеть кольцо. Я взяла руку Нино и быстро провела украшение по его пальцу, стараясь закончить прикосновение как можно скорее, но он слегка повернул кисть и не позволил мне сразу отстраниться. Наши пальцы задержались друг на друге, а его ладонь накрыла мою.

— Теперь уже поздно делать вид, что ничего не происходит, — произнёс Нино почти беззвучно, не отводя от меня взгляда.

— Я и не делаю вид, — ответила я, высвобождая пальцы из его руки. — Я запоминаю каждую причину, по которой буду тебя ненавидеть.

— Ненависть тоже привязывает, tesoro. Иногда сильнее, чем люди готовы признать.

— Тогда не удивляйся, если она окажется единственным, что будет между нами, — сказала я, выпрямляясь и возвращая руку к себе.

Нино едва заметно склонил голову, принимая мои слова как вызов.

— Посмотрим.

Священник объявил нас мужем и женой, и зал мгновенно наполнился аплодисментами. Вспышки камер ударили в глаза сразу с нескольких сторон, гости поднялись со своих мест, кто-то выкрикнул поздравление. Ещё несколько минут назад слово «жена» относилось к будущему. Неприятному, неизбежному, но всё-таки будущему. Теперь отступать было уже некуда: я стала женой Валентино Корлионезо, частью его Семьи и живым подтверждением союза, ради которого отец решил мою судьбу без меня.

Нино повернулся ко мне, и я поняла, что будет дальше, ещё до того, как его ладонь легла на мою талию. Вторая коснулась щеки, пальцы мягко, но уверенно приподняли подбородок. Тело напряглось мгновенно. Перед нами были сотни людей, объективы камер и мужчины, для которых этот поцелуй означал куда больше свадебной традиции. Если я сей-

час оттолкну Нино, завтра об этом будут говорить не как о капризе невесты, а как о трещине в только что заключённом союзе. Чёрт бы побрал их всех вместе с этими правилами.

— Нино, — выдохнула я, удерживая его взгляд. Даже сама не поняла, что именно пыталась сказать этим предупреждением. — Только не устраивай представление.

Он остановился совсем близко, и знакомый запах бергамота сразу вернул неприятные воспоминания о ресторане. Нино заметил, как я задержала дыхание, и большой палец едва ощутимо коснулся кожи возле скулы.

— Дыши нормально, Миллиана, — произнёс он тихо, так, чтобы слова утонули в аплодисментах. — Ты сейчас сама себя доведёшь до обморока.

— Перестань постоянно говорить мне, как дышать, — процедила я, сжимая букет сильнее. — Я как-то справлялась с этим всю жизнь без твоих инструкций.

Уголок его губ дрогнул, но ответить Нино не успел. Он наклонился и поцеловал меня. Первое касание оказалось сдержанным, почти формальным, и на секунду я даже позволила себе поверить, что этим всё закончится.

Ошиблась.

Нино не отстранился. Ладонь на талии стала твёрже, пальцы у щеки переместились к линии челюсти, а поцелуй затянулся. Я не обняла его и не подалась вперёд, но оттолкнуть перед всем залом тоже не могла. Пришлось стоять, чувствуя тепло его губ, запах кожи, давление ладони на талии и соб-

ственное сердце, которое почему-то решило биться так, будто я только что снова выстрелила в человека.

Меня раздражала эта реакция почти сильнее самого поцелуя. Я не хотела чувствовать его настолько отчётливо. Не хотела замечать, насколько он близко, насколько легко удерживает меня и как быстро моё тело реагирует на человека, рядом с которым разум постоянно требует быть настороже.

Когда Нино наконец отстранился, руки он не убрал. Его лицо оставалось слишком близко, а взгляд спокойно изучал мою реакцию, будто ему было важно увидеть, что именно он сейчас во мне задел.

— Ненавижу тебя, — прошептала я, пользуясь шумом во круг, и попыталась отвернуться. Пальцы Нино скользнули по челюсти, останавливая движение, и я сразу зло посмотрела на него. — Не трогай. Поцелуй закончился.

— Я знаю, — ответил он без малейшего раздражения и только тогда немного ослабил руку на талии.

— Тогда особенно удивляет твоё упорство, — губы всё ещё чувствовали чужое тепло, и это бесило до желания стереть его ладонью. — Ты всё равно сделал то, что хотел.

Нино задержал на мне взгляд.

— *Ты моя жена, Миллиана.*

От того, насколько естественно это прозвучало, внутри неприятно дёрнулось.

— Не говори так, будто это что-то меняет между нами, — ответила я, заставляя себя не отводить глаз. — Кольцо не

переписало последние месяцы.

— И я не говорил, что переписало, — Нино переплёл наши пальцы и повернулся вместе со мной к гостям. — Но ты теперь Корлионезо. Отрицать это можешь сколько угодно, окружающие всё равно будут относиться к тебе соответственно.

Вот это и пугало. Не только он. Весь зал уже смотрел на меня иначе.

Поздравления начались почти сразу и очень быстро слились в череду одинаковых лиц. Люди подходили один за другим, пожимали Нино руку, целовали меня в щёку и желали любви, счастья, крепкого брака и побольше здоровых детишек. На очередном пожелании «скорее порадовать мужа наследником» мне пришлось удержать улыбку силой. После утреннего разговора с Нино слово «дети» перестало быть просто частью чужой свадебной болтовни. Где-то в расчётах двух Семей они уже существовали как продолжение союза, хотя я сама пока с трудом принимала даже слово «муж».

Теперь я невольно изучала гостей вместо того, чтобы просто благодарить их. Кто здесь был настоящим предпринимателем, а кто только выглядел им? Кто принадлежал Собору? Кто приехал от других организаций?

Ещё вчера я бы не увидела никакой разницы, но после рассказа Нино начали бросаться в глаза мелочи. Некоторые мужчины здоровались с ним подчёркнуто сдержанно, другие ждали, пока он первым протянет руку, и никто не поз-

волял себе фамильярности. Ни хлопка по плечу, ни слишком громкой шутки, ни дружеского вторжения в личное пространство.

Сам Нино держался безупречно. Он отвечал, называл людей по именам, иногда перебрасывался несколькими словами, но одновременно продолжал следить за залом. Его взгляд постоянно двигался, отмечая двери, проходящих официантов, мужчин у стен.

Я делала почти то же самое, только искала одного человека.

Аврору.

Стоило найти сестру среди гостей, как напряжение немного отпускало. Она то стояла у столов, то разговаривала с родственниками, то снова оказывалась рядом с Дином. Его присутствие возле неё я заметила довольно быстро. Он не ходил следом и не пытался удерживать её возле себя, но каким-то образом почти всегда находился достаточно близко. Подавал воду, когда она начинала нервно тереть пальцами бокал, перехватывал особенно назойливых гостей, а если рядом появлялся незнакомый мужчина, Дин незаметно менял позицию так, чтобы оказаться между ним и Авророй.

И это сводило меня с ума своей двойственностью. Часть меня успокаивалась: за сестрой действительно следят. Другая тут же спрашивала, почему именно младший брат Нино решил взять её безопасность на себя и что вообще означает подобное внимание в мире, о котором я узнала несколько

часов назад.

Во время тостов отец выступил одним из первых. Он говорил о новом этапе, объединении семей и будущем, которое теперь открывается перед нами. Ещё недавно я могла бы услышать речь счастливого родителя. Теперь каждое слово переводилось в голове на другой язык. «Объединение» означало влияние. «Семья» — договор. «Будущее» — людей Собора, которые после сегодняшнего дня должны были дважды подумать, прежде чем решиться выступить против него.

А потом поднялась Аврора, и все остальные мысли исчезли.

Она стояла в нежно-голубом платье, держа бокал двумя руками, потому что пальцы слегка дрожали. Сестра посмотрела только на меня, сделала вдох и улыбнулась той самой улыбкой, по которой я всегда понимала: она держится исключительно из упрямства.

— Ты всегда была самым сильным человеком, которого я знаю, даже когда сама этого в себе не видела, — начала Аврора, и к концу первой фразы голос уже перестал дрожать. — Поэтому я не буду желать тебе быть хорошей женой или обещать, что дальше всё станет легко. Я просто хочу, чтобы ты никогда не забывала себя. Что бы ни происходило, и кем бы тебя ни пытались сделать.

Горло резко сжалось, и пришлось опустить взгляд на несколько секунд. Вот теперь я действительно могла расплакаться. Из всего сказанного сегодня Аврора единственная

говорила не о Нино, не о Корлионезо и не о нашем прекрасном будущем. Она говорила обо мне. О том самом страхе, который я даже себе формулировала с трудом.

Когда зал заплодировал, я снова встретила с ней взглядом и слегка улыбнулась. Большого позволить себе не могла.

Первый танец объявили вскоре после тостов. Нино поднялся первым и протянул мне руку. Я несколько секунд смотрела на раскрытую ладонь, прекрасно понимая, насколько нелепо сейчас сопротивляться именно этому, а затем всё-таки вложила свою. Когда шлейф зацепился за ножку стула, Нино без слов освободил ткань и повёл меня к центру зала.

Его ладонь легла на талию, и тело снова напряглось. Я намеренно оставила между нами столько расстояния, сколько позволял танец.

— Миллиана, — Нино повёл меня в первый поворот и наклонился немного ближе. — Если будешь ещё сильнее отклоняться назад, гости решат, что у тебя проблемы с позвоночником.

Я зло посмотрела на него.

— Пусть лучше думают это, чем решат, что я внезапно счастлива оказаться у тебя в руках.

— Они и так видят твоё лицо, — спокойно ответил он, возвращая меня из поворота. — Так что счастливая невеста из тебя никудышная.

Мне против воли захотелось усмехнуться, но я вовремя

подавила реакцию. Музыка позволяла говорить тихо, не опасаясь чужих ушей. Нино вёл уверенно, и мне почти не приходилось думать о шагах.

— Ты всё ещё считаешь, что этот брак меня спасает? — спросила я, крепче удерживая ладонь на его плече.

Выражение Нино стало серьёзнее.

— Дмитрий сохраняет положение. Собор не получает повода начать внутреннюю войну. Аврора больше не остаётся человеком, которым он может безнаказанно давить на тебя. Моя Семья получает союз на Востоке. Это не красивая история, Миллиана. Это причина, по которой сегодня здесь сидят люди, готовые убивать друг друга в любой другой ситуации.

— Прекрасно. Все получили что хотели, — я почувствовала, как злость поднимается выше. — А мне что-нибудь оставили?

На очередном повороте я сбилась, каблук зацепил подол, но Нино моментально удержал меня за талию и не дал остановиться.

— Тебе оставили больше, чем ты сейчас способна увидеть, — произнёс он уже жёстче. — Ты узнала правду о собственном мире несколько часов назад. Не требуй от себя понять всё сразу и не требуй от меня уместить двадцать один год лжи в один разговор.

— Не решай за меня, на что я способна.

— Тогда перестань слышать в каждом моём слове попытку

ку тобой управлять.

Я открыла рот, чтобы ответить, но взгляд снова нашёл Аврору. Дин стоял чуть позади неё и наблюдал за залом. Нино проследил направление моего взгляда.

— Ты проверяешь её каждые пару минут, — произнёс он, немного меняя направление танца. — Если продолжишь крутить головой, шея завтра будет болеть сильнее ног.

— Я хочу видеть, что с ней всё хорошо. И да, меня особенно интересует, почему твой брат практически не отходит от неё.

— Потому что я попросил следить, чтобы к ней никто не лез, — ответил Нино без паузы. — После сегодняшнего дня Дмитрий больше не сможет использовать Аврору так, как использовал против тебя.

Я моментально посмотрела на него.

— И что теперь? Право распоряжаться моей сестрой перешло к Корлионезо?

Рука на талии стала неподвижнее.

— Нет, — Нино произнёс это настолько твёрдо, что я замолчала. — Аврора не моя собственность и не твоя. Я говорю о защите. Если Дмитрий снова попытается поставить её перед выбором ради твоего подчинения, это станет моей проблемой тоже.

Несколько секунд я просто смотрела на него. Доверять было рано. Возможно, безумно рано. Но именно ради Авроры я два месяца назад согласилась на этот брак, и теперь впер-

вые кто-то кроме меня прямо говорил, что отец больше не сможет использовать её без последствий.

Плечи сами немного расслабились.

Когда музыка приблизилась к концу, он развернул меня под рукой и притянул обратно. Между нами почти не осталось пространства, и напряжение вернулось моментально.

— Сегодня больше не убегай, — произнёс Нино возле уха.
— Хотя бы до окончания торжества.

— Это приказ? — я чуть отстранилась, насколько позволяла его рука на моей спине.

— Пока просьба, — взгляд Нино скользнул по моему лицу. — Не заставляй менять формулировку.

От этих слов мысли мгновенно перескочили на то, что будет после праздника. *Номер. Кровать. Мы вдвоём.* Мать со своими мерзкими предупреждениями. Пальцы сами сильнее сжались на плече Нино.

Он почувствовал реакцию, и я приготовилась к очередной колкости. Но её не последовало. Музыка закончилась, и только тогда он отпустил меня.

Через несколько минут Нино отошёл к мужчинам у дальнего стола, а рядом появился Дин с бокалом в руке. Он встал со мной плечом к плечу, оглядел зал и только потом усмехнулся.

— У тебя выражение лица человека, который уже составляет список жертв.

— Слишком поздно, — я проводила взглядом очередного

гостя, который снова пытался поймать Нино. — Список уже составлен. Сейчас расставляю приоритеты.

Дин тихо рассмеялся.

— Начинаю понимать брата.

— Не надо, — я повернулась к нему. — Меня сегодня уже слишком много людей «поняли» без моего разрешения.

Усмешка немного исчезла, и Дин несколько секунд изучал меня серьёзнее.

— Нино действительно мог отказаться от этого брака, — сказал он уже без привычной лёгкости. — Но не отказался. Когда-нибудь сама спросишь его почему.

— Уверена, он выдаст очередной ответ из трёх слов и будет ждать, пока я сама расшифрую остальное.

— Скорее всего, — Дин снова усмехнулся и сделал глоток. — Это семейное проклятие. Я один нормальный.

— Скромность тоже семейная?

— Нет, это исключительно мой талант.

Я почти улыбнулась, но Дин вдруг посмотрел на меня внимательнее.

— Ты ведь всё ещё думаешь о побеге.

Я машинально коснулась кольца.

— Уже поздно.

— Для сегодняшнего — да, — он слегка пожал плечом. — Но кто знает, что взбредет в эту красивую головушку завтра утром?.

— Боишься, что однажды проснёшься, а у твоего Дона

жены нет?

Дин посмотрел куда-то мне за плечо и усмехнулся.

— За Нино я вообще редко боюсь. Мне любопытно, когда твоё упрямство уступит здравому смыслу.

— Здравый смысл — это покорно принять всё, что решили за меня мужчины? — раздражённо спросила я.

— Нет. Здравый смысл — понимать, когда ты борешься за свободу, а когда ставишь под удар себя и Аврору.

Слова попали точно в больное место.

— Я никогда не стану рисковать сестрой ради себя, — резко ответила я и уже собиралась добавить ещё что-то, когда увидела, как взгляд Дина изменился.

Мне даже не пришлось оборачиваться сразу.

Плечи напряглись раньше, пальцы крепче сжали ножку бокала, а кожа словно сама почувствовала чужое присутствие рядом. Нино остановился за моим плечом. И мне совершенно не нравилось, что я уже начинала узнавать его именно так.

Он остановился рядом и сначала посмотрел на Дина.

— Ты закончил?

— Только начал объяснять твоей жене преимущества здравого смысла, — отозвался тот, делая шаг назад. — Но, судя по её лицу, лекция успехом не пользуется.

— Удивительно, — сухо произнёс Нино.

Дин ухмыльнулся, затем наклонился ко мне чуть ближе.

— Удачи, сестрёнка. Она тебе пригодится значительно

больше, чем ему.

Он ушёл прежде, чем я успела ответить. Нино проводил брата коротким взглядом, после чего сосредоточился на мне.

Несколько секунд мы молчали, и я смотрела на танцующих гостей, официантов и музыкантов, только бы не встретиться с его глазами, но внимание мужчины всё равно ощущалось слишком отчётливо

— Ты считаешь минуты до конца вечера, — произнёс Нино.

Я медленно повернула голову.

— А ты ожидал, что я попрошу продлить праздник? — спросила я, устало вскинув бровь. — Можем остаться до утра. Вдруг я ещё не всем успела показать, насколько счастлива.

Нино ничего не ответил на колкость и просто протянул руку. Я посмотрела на его ладонь, уже собираясь отказаться, но заметила родителей, направляющихся к нам через зал. На новую сцену сил действительно не осталось, поэтому вложила пальцы в его руку. Нино сразу сомкнул их чуть крепче, будто почувствовал, как мне хотелось выдернуть ладонь обратно.

Отец остановился напротив нас собранный и необычно спокойный. Раньше я бы решила, что он просто доволен удавшейся свадьбой. Теперь знала настоящую причину: союз заключён, кольцо на моей руке, Корлионезо официально рядом — всё, ради чего он затеял этот брак, сегодня полу-

чилось.

— Валентино, вечер прошёл достойно, — отец обменялся с Нино коротким рукопожатием. — Без лишнего внимания и ненужных происшествий.

— Если не считать утреннюю попытку побега, — спокойно добавил Нино.

Я резко повернулась к нему.

— Ты обязательно должен был это сказать? — раздражённо спросила я, чувствуя, как его пальцы всё ещё удерживают мою ладонь. — Или решил, что сегодня мне не хватило семейного позора?

— Дмитрий знал ещё до того, как ты вернулась в номер, — Нино посмотрел на меня с едва заметной усмешкой. — Я ничего нового ему не сообщил.

Отец действительно не выглядел удивлённым. Только между бровями появилась знакомая складка.

— Миллиана с детства сначала выясняет, насколько серьёзным является запрет, и только потом решает, стоит ли его соблюдать, — произнёс он, и меня моментально раздражило, что двое мужчин обсуждают мой характер, будто я отсутствую.

— Я всё ещё стою здесь, папа. И прекрасно слышу, как вы оба разбираете меня по пунктам.

— Тогда в следующий раз не заставляй людей искать тебя на служебной парковке в одежде прислуги, — отрезал отец, но почти сразу устало выдохнул. — Хотя теперь этот разго-

вор действительно бессмысленен.

Мать до этого молчала. Она стояла чуть в стороне с бокалом шампанского и слишком внимательно смотрела на мою руку в ладони Нино. Когда её губы растянулись в знакомой тонкой улыбке, внутри всё сразу сжалось. Я слишком хорошо знала это выражение.

— Как быстро вы привыкли держаться друг за друга, — произнесла она, переводя взгляд с наших рук на моё лицо. — Может, брак действительно пойдёт тебе на пользу, Миллиана. Рядом с требовательным мужчиной твой характер наконец станет немного терпимее.

Пальцы Нино на моей руке перестали двигаться. Он не сжал их сильнее и даже не повернулся к матери сразу, но она это заметила. Я увидела, как её улыбка на мгновение стала менее уверенной.

— Натали, — предупреждающе произнёс отец.

— Что? — мать быстро посмотрела на него, а потом снова на Нино, словно проверяя, насколько далеко может зайти. — Я всего лишь желаю дочери быстрее привыкнуть к семейной жизни. Некоторые женщины слишком долго сопротивляются очевидному и только усложняют жизнь себе и мужу.

Нино повернул голову к ней медленно. Никакой злости на лице не появилось, но мать машинально выпрямилась и чуть сильнее сжала ножку бокала.

— Вы говорите с моей женой, — произнёс он ровно. — Не с ребёнком, которого можно унизить под видом воспитания.

Мать побледнела едва заметно. Если бы я не знала её столько лет, возможно, не увидела бы. Она почти сразу вернула улыбку, но взгляд уже не задерживался на Нино дольше пары секунд.

— Я говорю со своей дочерью, Валентино. И, думаю, имею право дать ей совет.

— Совет не должен звучать как попытка поставить человека на место, — он не повысил голос, однако на мать это оказало обратный эффект. — Выбирайте слова внимательно.

Мать первой отвела глаза. Это было настолько непривычно, что я на секунду забыла даже разозлиться. Всю жизнь она могла говорить со мной почти что угодно, потому что отец редко вмешивался, а остальные предпочитали не замечать. Теперь напротив стоял человек, которого она явно боялась рассердить, и впервые её привычная жестокость столкнулась с границей, которую она не решалась переступить.

— Какая быстрая защита, — произнесла она уже гораздо осторожнее и сделала маленький глоток шампанского. — Миллиана, тебе повезло.

— Не делайте вид, будто я хотела этой свадьбы, — резко отрезала я.

— Не строй из себя жертву. Ты вышла замуж за молодого, богатого и влиятельного мужчину. Половина женщин в этом зале мечтала бы оказаться на твоём месте, поэтому перестань выглядеть так, будто тебя похоронили сегодня.

Нино едва заметно изменился в лице, и этого оказалось достаточно. Мать увидела раньше меня. Последние слова она произнесла уже тише, а затем сразу поднесла бокал к губам, словно решила сама поставить точку.

— Хватит, Натали, — жёстко сказал отец. — Ты прекрасно понимаешь, что делаешь.

Она поджала губы и больше не ответила. Только отвернулась, но теперь держалась чуть дальше от Нино и даже не пыталась снова поймать его взгляд.

Отец посмотрел на меня. Усталость в его лице стала заметнее, хотя осанка оставалась такой же прямой.

— Ты злишься, и я не рассчитываю, что это быстро пройдёт, — произнёс он. — Но сегодняшний брак был необходим.

— Для кого? — спросила я, чувствуя, как после разговора с Нино эта фраза уже не могла пройти мимо. — Для меня или для твоего положения в Соборе?

Отец замер всего на секунду. Он, видимо, не ожидал, что я заговорю об этом открыто. Его взгляд переместился на Нино, и тот даже не попытался сделать вид, что не понимает вопроса.

— Ты рассказал ей, — произнёс отец.

— Она имела право знать, куда входит, — коротко ответил Нино.

У меня внутри снова поднялась злость. Даже сейчас они делают вид, что меня здесь нет.

— Я сама могу отвечать, если вы вдруг забыли, — вмешалась я и посмотрела прямо на отца. — Ты мог рассказать мне всё два месяца назад. Вместо этого угрожал Авророй и требовал покорности, хотя на самом деле просто боялся потерять место.

Отец напряг челюсть, но не сорвался.

— Да, я боялся потерять положение, — признал он после короткой паузы. — Потому что вместе с ним я потерял бы не только кресло. Собор начал бы делиться, люди выбрали бы стороны, и твоя безопасность с Авророй стала бы одной из первых проблем. Союз с Корлионезо не даёт этому начаться.

— Значит, я должна чувствовать себя лучше от того, что стала гарантией твоей власти?

— Я не прошу тебя радоваться, Миллиана, — отец посмотрел на меня тяжело. — Но я хочу, чтобы ты наконец поняла: мои решения касаются не только меня.

Я едва удержалась от горькой усмешки.

— Вот только решение всё равно принимал ты.

— Да, — ответил он, и впервые никакого «но» не последовало.

Эта короткая честность почему ты не принесла мне ожидаемого облегчения. Я привыкла спорить с ним, а сейчас он просто признал то, что сделал. Но мне и этого было мало.

Мать тихо усмехнулась рядом.

— Дмитрий, неужели ты решил объясняться уже после свадьбы? Поздновато. Теперь воспитанием Миллианы зай-

мётся муж.

Нино повернулся к ней, и мать сразу замолчала. Я буквально увидела, как она пожалела о сказанном. Пальцы на бокале напряглись, плечи стали чуть жёстче.

— Натали, — отец произнёс её имя холодно. — Ещё одно слово в таком тоне — и ты уйдёшь отсюда раньше нас.

Она открыла рот, но, наткнувшись сначала на его взгляд, а затем на Нино, передумала. Впервые за весь вечер мать просто промолчала.

Отец снова сосредоточился на мне.

— Не позволяй злости лишить тебя осторожности, — сказал он уже тише. — Сегодня ты сначала действовала, а потом думала. В этом мире подобная ошибка однажды обойдётся дороже неудавшегося побега.

— Ты говоришь так, будто я знать его правила с рождения, — я намеренно уколола его.

— Нет. Но ты всегда умела чувствовать опасность, даже когда не понимала её происхождения, — отец ненадолго посмотрел на Нино. — Она будет спорить, проверять запреты и делать наоборот только потому, что ей захотелось. Давлением ты добьёшься лишь того, что в следующий раз она станет действовать так, чтобы ты не узнал.

— Я уже это понял, — ответил Нино, и по спокойствию его голоса я поняла, что утренний побег действительно стал для него уроком не меньше, чем для меня.

— Как приятно слушать собственную характеристику в

третьем лице, — вмешалась я, бросив взгляд сначала на одного, потом на другого. — Может, составите письменную инструкцию? Я сама прочитаю.

На этот раз в глазах Нино появилось явное веселье.

— Хорошая идея. Особенно раздел про побег.

— Не расслабляйся, — предупредила я. — Я ещё даже не освоилась.

Отец выслушал нас без улыбки, но напряжение в его лице немного ослабло. Потом он снова посмотрел на Нино и неожиданно произнёс:

— Не держи её только страхом. Это сработает ненадолго, а потом она начнёт тебя ненавидеть сильнее, чем бояться.

Я замерла.

От отца я точно не ожидала подобных фраз. Он не просил Нино быть со мной мягким и не извинялся за собственные поступки. Просто признавал, что знает меня достаточно хорошо, чтобы понимать, что загнать меня в угол можно, удержать там — нет.

Нино коротко кивнул.

— Я услышал.

Отец перевёл взгляд на меня. Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга, и злость никуда не исчезла. Я всё ещё не могла простить ему Аврору, ультиматум и два месяца, в течение которых он позволял мне думать, что я нужна только как выгодная дочь. Но рядом с этим жило другое, гораздо более неудобное чувство: я всё равно любила его.

— Береги себя, Миллиана, — произнёс отец.

— Постараюсь, — ответила я, потому что большего сейчас дать ему не могла.

Мы не обнялись. Он только коснулся моего плеча коротко, даже неловко, и сразу убрал руку. В горле снова сжалось, и мне пришлось отвернуться на секунду, чтобы никто не увидел слишком много.

Любовь к нему не исчезла вместе со злостью. Наверное, поэтому злиться было так больно.

Нино положил ладонь мне на спину и направил к выходу. Я позволила увести себя, не оглядываясь на мать, но через несколько шагов всё же посмотрела на отца. Он уже разговаривал с кем-то из гостей, вернув привычное закрытое выражение лица, и только напряжённая линия плеч показывала, что наш разговор не прошёл для него бесследно.

С каждым шагом музыка и голоса становились тише. Нино не торопил меня, но его ладонь продолжала лежать между лопатками и направляла вперёд. Гости, мимо которых мы проходили, видели в этом внимание мужа к уставшей жене, а я чувствовала контроль.

Тяжёлый шлейф цеплялся за ковёр, корсет давил на рёбра, а туфли натирали ноги. Я приподняла юбку и сжала ткань с силой, что пальцы заболели. Нино посмотрел на мою руку, затем немного замедлил шаг.

— Если продолжишь так держать платье, порвёшь его раньше, чем мы окажемся в номере, — негромко предупре-

дил он, переноса ладонь ниже по моей спине, чтобы придержать во время поворота. — Или упадёшь.

— Есть третий вариант, — ответила я, бросив на него короткий взгляд. — Я могу ударить тебя и сразу почувствовать себя лучше.

Нино усмехнулся и задержал на мне взгляд, а в его глазах снова появилось то раздражающее внимание, с которым он воспринимал каждую мою попытку сопротивляться.

У служебного лифта нас ждал Дин. Он стоял у стены, убрав руки в карманы брюк, но при нашем приближении сразу осмотрел коридор за спинами гостей и только потом перевёл взгляд на меня.

— Невеста всё ещё держится на ногах, — заметил он, рассматривая моё лицо. — Какая сила воли.

— К чему такой щедрый комплимент? — спросила я, поправляя фату, зацепившуюся за украшение.

— Мне просто нравится наблюдать, как ты треплешь нервы моему брату, — отозвался он, но веселье быстро исчезло после короткого взгляда брата.

— Дин, — произнёс Нино без повышения голоса, и этого оказалось достаточно, чтобы тот выпрямился и перешёл к делу.

— Этаж свободен, персонал спустили вниз, у лестниц и запасного выхода стоят наши люди, — сообщил он, обращаясь уже только к брату. — В коридоре никого лишнего.

Я медленно повернула голову к Нино, и Дин заметил дви-

жение и едва заметно поджал губы.

— Зачем возле номера охрана? — спросила я, высвобождаясь из-под ладони Нино и разворачиваясь к нему полностью. — Или теперь люди будут стоять у каждой двери, за которой я нахожусь?

Нино убрал руку в карман брюк и несколько секунд молча рассматривал меня, прежде чем ответить.

— После утреннего побега я не оставляю этаж без охраны. Кроме того, сегодня в отеле находятся люди, которых не устраивает наш союз. Мне достаточно одного риска, а не двух одновременно.

Двери лифта открылись, Дин отступил в сторону и вернул на лицо привычную лёгкую усмешку.

— Спокойной ночи, невестушка. Постарайся хотя бы до утра никого не убить, — произнёс он, пропуская меня вперёд.

— Не называй меня невестой. Я уже жена твоего брата, если вы оба вдруг забыли.

— Поверь, сегодня об этом невозможно забыть, — ответил Дин, коротко посмотрев на Нино. — Особенно ему.

— Достаточно, — остановил его Нино, положив ладонь на край открытой двери лифта.

Дин поднял руки и отступил. Перед уходом он ещё раз посмотрел на меня, на этот раз внимательно и без шутки, но ничего не добавил. Я вошла в лифт, а Нино последовал за мной и нажал кнопку верхнего этажа.

Зеркальные стены сразу отразили нас со всех сторон. В белом платье, с фатой и кольцом на руке я выглядела не собой, а женой Валентино Корлионезо, которую через несколько часов увезут в Нью-Йорк. Нино стоял рядом слишком спокойный, хотя за сегодняшний день успел проверить множество дел.

Когда двери закрылись, я перевела внимание на цифры над панелью. В тесном пространстве стало слышно моё сбившееся дыхание, поэтому я старалась делать вдохи медленнее, хотя корсет и тревога мешали. Нино не приближался, но я ощущала его присутствие даже без прикосновений.

— Почему тебе понадобился освобождённый этаж и охрана на каждом углу? — спросила я, не отводя взгляда. — Кто именно может прийти за нами в отеле, полном гостей?

— Потому что это не обычная свадьба. Сегодня Собор получил поддержку Корлионезо, а моя Семья — законное право вмешиваться в дела организации твоего отца. Для одних людей это выгодно, другие потеряли влияние или возможность сместить Дмитрия. Я не утверждаю, что кто-то обязательно нападёт, но проверять их смелость не собираюсь, — Нино устало вздохнул. — Сколько раз мне ещё нужно тебе это повторить, чтобы стало понятно?

Я не знала, что ответить, а лифт как раз остановился, и двери открылись в пустой коридор. У лестницы действительно стояли двое мужчин в тёмной одежде, которые коротко кивнули Нино и сразу отвели взгляд от меня. Я узнала в их по-

зах ту же собранность, которую замечала у Виктора, но теперь понимала, что они были людьми Семьи — возможно, убийцами.

Мой муж тоже является таковым?

Нино вышел первым и остановился рядом с дверьми, ожидая меня. Я подняла юбку и вышла в коридор сама. Туфли причиняли боль при каждом шаге, поэтому я невольно замедлилась. Нино сразу подстроился под мой темп и пошёл рядом, не пытаясь снова коснуться спины.

Номер находился в конце коридора. Перед двойными дверьми Нино достал ключ-карту, но не стал сразу прикладывать её к замку. Я остановилась рядом и почувствовала, как всё тело снова напряглось. Здесь уже не было необходимости поддерживать красивую картину — за дверью мы должны были остаться вдвоём.

— Ты боишься, — произнёс Нино, опустив взгляд на мою руку.

— Ты озвучил очевидное, — я подняла голову и заставила себя встретиться с ним глазами. — Или тебе нравится слышать, как я это признаю?

— Проверяю, станешь ли отрицать, — ответил он, медленно проведя картой между пальцами. — На этот раз не стала.

— Не принимай это за доверие. Я просто слишком устала спорить с каждым твоим наблюдением.

— Я не принимаю, — спокойно ответил мужчина и сделал

шаг к двери, но по-прежнему не открывая её.

Я ожидала, что он напомнит о правах мужа, приблизится или скажет что-нибудь похожее на утренние слова матери, но Нино только смотрел на меня и не пытался скрыть, что видит мой страх.

— Если сейчас скажешь, что мне нечего бояться, я ударю тебя, — предупредила я, ослабляя пальцы на платье.

— Не скажу, — ответил он и провёл ключ-картой по замку.

Тихий сигнал прозвучал в пустом коридоре. Я посмотрела на открывшуюся дверь, затем снова на Нино.

— Почему?

Он положил ладонь на ручку, но не нажал на неё сразу.

— Потому что это будет ложью.

Глава 5.

В

нутри номера пахло белыми розами, воском и шампанским. Следы утренних сборов уже убрали, а вместо них подготовили всё для первой ночи молодожёнов: на столике возле панорамных окон стояла бутылка в ведёрке со льдом, на полу и постели лежали лепестки, в спальне горели свечи. Я специально смотрела только на окна, потому что даже одного взгляда на кровать хватало, чтобы дыхание снова сбилось.

За спиной закрылась дверь, и я вздрогнула. Я осталась наедине с мужчиной, за которого несколько часов назад вышла

замуж и которого всё ещё не знала достаточно, чтобы чувствовать себя безопасно.

— Расслабь плечи, — произнёс Нино, снимая пиджак и укладывая его на спинку кресла. — Корсет и без того не даёт тебе нормально дышать.

Я резко повернулась к нему и сразу почувствовала, как ткань сильнее сдавила рёбра.

— Перестань командовать мной хотя бы здесь.

— Это не приказ, — спокойно ответил он, расстёгивая запонки. — Если продолжишь так стоять, тебе станет плохо.

— Не нужно обо мне заботиться.

— Я предотвращаю проблему, которую потом придётся решать мне, — заметил Нино и положил запонки на столик, не сводя с меня внимательного взгляда.

— Ты невозможен, — выдохнула я, раздражённая тем, что даже заботу он умудрялся подавать как расчёт.

— Мне уже говорили.

Он опустился на диван, расставил ноги и на несколько секунд откинул голову на спинку. Впервые за весь день на его лице появилась усталость, но исчезла почти сразу, стоило ему снова посмотреть на меня. Я продолжала стоять посреди гостиной, не зная, куда деть руки. Мне хотелось снять фату, украшения, туфли и платье, однако любое движение рядом с ним казалось слишком личным.

— Сними фату, — сказал Нино, заметив, как я в очередной раз поправила ткань на плече. Увидев, что я сразу

напряглась, он провёл ладонью по шее, разминая. — Сама, Миллиана. Я не собираюсь подходить.

— Какая предусмотрительность, — отозвалась я, хотя напряжение немного ослабло.

— Если я помогу без разрешения, ты отшатнёшься или захочешь ударить меня, — пояснил он, опираясь локтями на колени. — Сегодня я уже изучил оба варианта.

— Второй звучит заманчивее.

— Кто бы сомневался, — ответил Нино без раздражения.

Я подняла руки к волосам и начала искать шпильки. Пальцы плохо слушались, тонкая ткань цеплялась за локоны и кольцо, а одна из заколок запуталась так сильно, что при попытке вытащить её кожу головы обожгло болью.

— Чёрт, — тихо выругалась я, снова дёрнув шпильку.

Нино сразу подался вперёд, но не встал.

— Помочь?

— Нет, — резко ответила я и встретила его взгляд, предупреждая даже не пытаться приблизиться.

— Я не стану касаться тебя без разрешения, — напомнил он, возвращаясь на прежнее место. — Но перестань дёргать, иначе вырвешь прядь вместе с заколкой.

Я осторожнее провела пальцами по волосам и попыталась распутать их, чувствуя на себе его внимание.

— Ты всегда настолько спокойный? — спросила я, когда очередная шпилька снова застряла.

— Нет.

— Сейчас не похоже.

— Сейчас ты нервничаешь за нас обоих, поэтому мне нет смысла присоединяться, — ответил Нино, и из меня неожиданно вырвался короткий смешок.

Он не прокомментировал эту реакцию и позволил мне закончить самой. Через несколько минут я наконец сняла фату и бросила её на свободный край дивана. Без тяжёлой ткани стало легче, хотя голова продолжала болеть от оставшихся шпилек, а спина — от необходимости весь день держаться прямо.

Нино взял со стола бутылку воды, наполнил стакан и поставил его ближе ко мне.

— Выпей, — произнёс он, снова садясь удобнее.

— Опять приказываешь? — я посмотрела сначала на стакан, затем на него.

— Настоячиво предлагаю. Ты можешь отказаться и продолжить мучиться от жажды, если для тебя это принципиально.

— Сегодня возможность отказаться действительно стала редкой, — заметила я, но всё же подошла к столу.

Горло пересохло до боли, поэтому я выпила почти весь стакан сразу. Нино перевёл взгляд к окну и не наблюдал за тем, как жадно я пью, хотя наверняка всё заметил. Поставив стакан, я провела пальцем по холодному стеклу и несколько секунд молчала.

— Что теперь?

В комнате стало тише. Я обернулась и увидела, что он больше не сидит расслабленно. Нино смотрел на меня внимательно, и я крепче сжала пальцами край стола.

— Если ты думаешь, что мы просто ляжем спать, ошибаешься, — Нино оторвался от спинки дивана, поставил локти на колени и сцепил пальцы перед собой. — Мы стали мужем и женой. Для наших организацией брак должен быть закреплён.

Я медленно повернулась к нему. Холод сразу прошёл по телу, а пальцы сильнее вцепились в край стола.

— Что именно ты хочешь сказать?

Нино посмотрел прямо на меня, не пытаясь смягчить ответ.

— Я должен тебя трахнуть. А ты добровольно мне отдаться.

Несколько секунд я не могла произнести ни слова. Он сказал это ровно, без улыбки или намеренной пошлости, но от прямооты стало только хуже. Я знала, что обычно подразумевает брачная ночь, однако до этой минуты могла не думать об этом прямо. Теперь избежать смысла было невозможно.

— Ты отвратителен, — выдохнула я, отступая от стола. Шлейф запутался между ног, и мне пришлось остановиться, чтобы не упасть. — Можно было хотя бы не говорить это так.

— Можно, — согласился Нино. — Но более красивое выражение не изменило бы сути.

— Какая добродетель. Может, мне ещё поблагодарить те-

бя за честность?

— Нет. Благодарность здесь была бы неуместна, — в его голосе появилась усталость.

— Как и ты в этом номере.

Нино проследил за тем, как я сжимаю пальцы и пытаюсь удержать плечи расправленными. Он понял, что я не только злюсь, но и боюсь, а мне стало ещё тяжелее оттого, что скрыть это не удалось.

— Я сказал, что наш брак должен быть закреплён, — произнёс он уже жёстче. — Но не сказал, что собираюсь брать тебя силой.

— Огромная разница, — бросила я и повернулась к двери ванной. — Особенно после того, как ты только что сообщил, кто и что должен.

Я дошла до ванной и взялась за ручку, но голос Нино остановил меня.

— Миллиана, не закрывай дверь.

Я обернулась. Он уже поднялся с дивана, однако не сделал ко мне ни шага. Даже на расстоянии его рост и собранность заставили меня крепче сжать ручку.

— А то что? — я чувствовала как злость снова помогает справиться со страхом. — Ты же только что обещал не трогать меня без разрешения. Или это правило действует, пока я веду себя «правильно»?

Лицо Нино изменилось едва заметно. Он медленно выпрямился, провёл рукой по шее и посмотрел на меня тяже-

лее, но остался возле дивана.

— Не проверяй моё слово, если боишься последствий, — произнёс он, чётко выговаривая каждое слово. — Я не войду в ванную и не стану тебя вытаскивать. Но дверь должна остаться незапертой.

— Почему я должна соглашаться?

— Потому что ты весь день почти ничего не ела, едва дышишь из-за корсета и сейчас находишься на грани паники. Если тебе станет плохо в закрытой ванной, я не собираюсь терять секунды, пока буду выламывать дверь.

Я продолжала держаться за ручку, пытаюсь найти в его ответе угрозу, но услышала только холодный расчёт, которым он объяснял почти каждое своё действие.

Он несколько секунд смотрел на меня, после чего медленно отступил и снова сел на диван, оставляя между нами всё пространство гостиной.

— Иди в ванную, Миллиана. Дверь можешь прикрыть, но не запирай. Я останусь здесь.

Я не стала соглашаться вслух, только открыла дверь, задержалась на пороге и ещё раз посмотрела на Нино, проверяя, не последует ли он за мной. Он не двинулся, но продолжал следить за каждым моим движением.

Я вошла в ванную и закрыла дверь, прижимаясь спиной к светлomu дереву, восстанавливая дыхание. Ванная была отделана мрамором, у окна стояли свечи и белые цветы, а на краю ванны лежали полотенца, сложенные специально для

молодожёнов. Я опустилась на холодный пол, собрала юбку вокруг ног и прижала ладонь ко рту, когда первый всхлип всё-таки вырвался наружу.

За дверью оставалось тихо. Я подняла взгляд на зеркало и увидела бледное лицо, выбившиеся локоны и размазанную в уголке губ помаду. Красивый образ, над которым несколько часов работали стилисты, начал разрушаться, и впервые за день это не вызвало у меня желания что-то исправить.

— Миллиана, выходи, — спустя несколько минут произнёс Нино. Его голос звучал ровно, но я услышала в нём напряжение.

Я крепче обхватила колени и отвернулась от двери.

— Нет. Можешь вернуться в гостиную и наслаждаться тишиной.

— Я не собираюсь каждые пять минут просить тебя выйти, — предупредил он после короткой паузы.

— Я не выйду только потому, что ты снова решил за меня.

— Выйдешь, — ответил Нино, уже не скрывая раздражения.

— Нет!

Он замолчал. Я уже подумала, что Нино отошёл, но в следующую секунду дверь открылась. Он стоял на пороге с раздражённым лицом.

— Ты обещал не подходить ко мне без разрешения, — произнесла я, поднимаясь с пола и вжимаясь бедром в край столешницы. Голос предательски дрогнул, и я возненавидела

себя за это ещё сильнее. — Открытая дверь не означает, что тебе можно войти.

— Не означает, — согласился он. — Но я просил по-хорошему, ты заупрямилась, — он вошёл на один шаг и остановился, заметив, как я отступила. Между нами оставалось достаточно пространства, но в светлой ванной он всё равно казался слишком большим. — Выйди сама, Миллиана, — произнёс Нино уже тише. — Я не хочу вытаскивать тебя отсюда.

— Вот теперь честно, — ответила я, сильнее сжимая край столешницы. — Стоило послушаться, чтобы услышать, как быстро заканчивается твоё терпение.

Нино провёл ладонью по шее и несколько секунд смотрел на меня, сдерживая ответ.

— Я не говорил, что терпеливый или мягкий. Я сказал, что не стану касаться тебя без разрешения, и до сих пор этого не сделал. Ты не можешь остаться здесь до утра. Выйди, и мы продолжим разговор в комнате. Я останусь на расстоянии.

Я долго смотрела на него, ожидая движения или протянутой руки, но Нино просто отступил к стене, освобождая проход. Я сделала шаг, затем второй и прошла мимо, стараясь не задеть его плечом. Он тоже немного отстранился и позволил мне выйти первой.

В гостиной я остановилась возле дивана, но садиться не стала. Нино вышел следом и оставил дверь ванной открытой, после чего вернулся к креслу и положил ладонь на его спин-

ку.

— Я не собираюсь отнимать у тебя честь, — продолжил он уже спокойнее. — И не хочу, чтобы ты потом вспоминала эту ночь как насилие. Но притворяться, что наш брак ничего не меняет, тоже не стану.

— Нет никакого «нас», — произнесла я, повернувшись к нему.

Нино оттолкнулся от кресла и сделал один шаг.

— Уже есть, Миллиана. Тебе не обязательно это принимать сегодня, но отрицание не отменит ни свадьбу, ни того, что с этого дня твоя безопасность и жизнь связаны со мной и Семьей.

— Ты опять говоришь только о правилах, — прошептала я. — Ты даже не понимаешь, чего именно я боюсь.

— Тогда объясни, — ответил он, оставаясь на месте.

Я сжала пальцы, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Произнести правду было тяжелее, чем спорить, потому что после неё я больше не могла спрятаться за раздражением.

— Я никогда... — начала я и сразу замолчала, не в силах продолжить под его внимательным взглядом.

Нино не торопил и не стал заканчивать фразу за меня. Он только немного разжал челюсть и опустил руки вдоль тела, показывая, что не собирается приближаться.

— У меня никого не было, — наконец произнесла я, заставляя себя смотреть не на него, а на пуговицы его рубашки. — Я девственница, Нино. Я не знаю, что должна делать,

как себя вести и что вообще будет происходить.

Он ничего не ответил. Молчание затянулось, и мне пришлось поднять глаза. На лице Нино не было ни удовлетворения, ни насмешки, которых я ожидала после слов матери. Он выглядел по-настоящему удивлённым.

— Что? — резко спросила я, не выдержав. — Тебе нравится услышанное?

— Не паясничай, — ответил он сразу и провёл ладонью по нижней части лица. — Я не знал.

— И что это меняет?

— Всё, — произнёс Нино после короткой паузы.

Я недоверчиво посмотрела на него, пытаюсь понять, не скрывает ли он настоящее отношение.

— Мне казалось, мужчинам вроде тебя должна нравиться такая новость. Чистая, нетронутая жена, которой можно гордиться перед остальными.

Нино резко поднял на меня взгляд, и его лицо стало жёстче.

— Больше не повторяй эти слова.

— Почему? Неприятно слышать правду?

— Потому что это не твоя правда, — ответил он, делая ударение на каждом слове. — Это Натали внушила тебе, что неопытность делает женщину товаром или доказательством мужской значимости. Мне не нужна девственница, чтобы чувствовать себя мужчиной.

Я замерла, потому что он слишком точно назвал то, о чём

мать говорила весь день, не произнося прямо.

— Не делай вид, что ты выше этого, — тихо сказала я.

— Я не выше многих вещей, Миллиана, — произнёс Нино, не смягчая голоса. — Но это не одна из них.

— Тогда почему ты решил, что у меня кто-то был?

Он некоторое время рассматривал моё лицо, после чего снял часы и положил их на столик.

— Ты красивая, эффектная и не позволяешь людям приближаться к себе без сопротивления. Я предположил, что раньше существовал человек, которому ты всё-таки доверилась.

— Ты ошибся.

— Да, — спокойно признал он. — И теперь мне придётся учитывать это.

— Каким образом?

Нино снова опёрся ладонью на спинку кресла, сохраняя расстояние.

— Сейчас мы будем разговаривать. Дальше ты сама скажешь, готова ли позволить мне приблизиться.

— Ты же не отступишь.

— Я не отступлю от брака, — ответил он. — Но мне не нужно причинять тебе боль или доказывать свои права сегодня ночью.

Глаза защипало, и я быстро моргнула, злясь на эту реакцию. Нино заметил и сделал ровно один шаг. Между нами всё ещё оставалось расстояние, но теперь мне приходилось

немного поднимать голову, чтобы смотреть ему в глаза.

— Я правда ничего не знаю, — призналась я, опустив взгляд. — Не хочу выглядеть глупо и не хочу, чтобы ты сравнивал меня с кем-то. Я боюсь, что будет больно, и что мать окажется права хотя бы в одном своём намёке.

Лицо Нино стало жёстче. Он посмотрел в сторону, сжал челюсть и только после этого снова сосредоточился на мне.

— Твоей матери здесь нет, — произнёс он. — И я не позволю её словам определять то, что происходит между нами.

— Они уже определяют. Я слышу их каждый раз, когда думаю об этой ночи.

— Тогда будем говорить до тех пор, пока ты не перестанешь её слышать, — ответил Нино.

Из меня вырвался слабый нервный смешок.

— Ты слишком уверен, что способен всё исправить.

— Я уверен, что могу хотя бы не сделать хуже, — произнёс он, и впервые его ответ не прозвучал самодовольно.

Нино медленно поднял руку, но остановил её между нами, не касаясь моего лица.

— Можно?

Я посмотрела на его ладонь и едва заметно кивнула. Нино медленно выдохнул и провёл пальцами от моей щеки к подбородку. Он не потянул к себе, только немного приподнял лицо и дождался, пока я встречу с ним взглядом. Когда его губы коснулись моих, поцелуй оказался мягче того, что был у алтаря. Я напряглась, ожидая, что он сразу станет настой-

чивее, но мужчина остановился первым и отстранился ровно настолько, чтобы видеть моё лицо.

— Останься здесь, Миллиана, — Нино задержал взгляд на моих губах, но не приблизился снова.

Его слова заставили меня вспомнить нашу первую встречу возле лифта. Тогда он схватил меня за локоть, вторгся в личное пространство и говорил так, будто моё смущение его развлекало. В ресторане было ещё хуже: Нино видел мой страх, но продолжал давить, удерживая меня рядом с собой.

— Раньше ты не спрашивал, хочу ли я оставаться рядом, — тихо сказала я, и его пальцы сразу перестали удерживать мой подбородок. — Ты просто считал, что имеешь право.

Нино медленно убрал руку от лица, позволяя отвернуться, но я продолжила смотреть на него.

— Ты говоришь о встрече в ресторане?

— Не только. В офисе отца ты сказал, что я стояла бы перед тобой на коленях и ждала разрешения. Ты видел, как мне неприятно, но тебе нравилась моя реакция.

Его челюсть напряглась, однако спорить он не стал.

— Я увидел красивую девушку с острым языком и решил, что могу позволить себе больше, чем следовало, — произнёс Нино после короткой паузы.

— Ты был не просто самоуверенным. Ты был мерзким.

— Да, — ответил он, удерживая мой взгляд. — Был.

— В ресторане ты знал, что я боюсь, и всё равно прижал меня к столу. После этого я ещё долго думала, что со мной

что-то не так, раз позволила себе так испугаться.

Нино напрягся и сделал небольшой шаг назад, увеличивая расстояние между нами.

— Я думал, что ты всё знаешь о браке и специально изображаешь наивность, — добавил он, сжав пальцы у бедра. — Но я перешёл черту.

— Не одну. Ты просто не хотел их замечать.

— Хотел, — Нино ответил сразу, а затем на несколько секунд замолчал. — Я видел твой страх. Тогда мне было всё равно.

От этой правды стало неприятно, но она хотя бы не позволяла ему переписать прошлое в свою пользу. Я обхватила себя руками и внимательно посмотрела на него.

— А сейчас тебе не всё равно только потому, что я стала твоей женой?

— Брак не оправдывает то, что я делал раньше, — Нино медленно покачал головой. — Но сейчас я знаю, что ты действительно не понимала, во что тебя втягивают. Поэтому спрашиваю, прежде чем касаться.

Он поднял руку к моей талии, но остановил её в нескольких сантиметрах от платья.

— Ты хочешь, чтобы я сказала «можно»? — спросила я, переводя взгляд с его ладони на лицо.

— Да.

— А если я запрещу?

— Уберу руку, — ответил Нино без паузы и слегка скло-

нил голову. — И буду злиться молча.

Несмотря на напряжение, из меня вырвался короткий нервный смешок.

— Ты умеешь молча?

— Плохо, но иногда приходится.

Его рука всё ещё оставалась в воздухе. Я видела напряжение в плечах и понимала, что ждать ему тяжело.

— Можно, — произнесла я наконец.

Ладонь легла на мою талию поверх плотной ткани. Нино слегка сжал пальцы, но не потянул меня к себе. Шаг сделала я сама, сокращая расстояние между нами.

— Не комментируй, — предупредила я, упираясь ладонью в его грудь.

— Тогда скажи сама, что сейчас произошло.

— Я не убежала.

Нино наклонился немного ближе, но остановился перед моими губами.

— Если захочешь прекратить, скажи «стоп». Я сразу убегу руки.

— Стоп, — произнесла я, проверяя его.

Он отпустил меня мгновенно и отступил на полшага. В его взгляде осталось раздражение от прерванной близости, но он не спорил и не попытался снова прикоснуться.

— Ты специально предложил мне проверить, — сказала я, почувствовав, как напряжение немного ослабевает.

— Да. Иначе ты бы не поверила.

Я несколько секунд смотрела на него, а затем сама нарушила расстояние.

— Можно снова.

Нино не коснулся меня сразу. Он дождался, пока я подниму на него глаза, и только после этого вернул ладонь на талию, а вторую положил на спину выше корсета. Я напряглась, но не остановила его.

— Дальше? — спросил он, удерживая меня рядом.

— Не знаю.

— Тогда будем медленно.

— Обещаешь?

— Обещаю, — ответил Нино без усмешки.

Я осторожно коснулась его плеча. Он замер, и эта реакция показала, что моего добровольного движения он ждал сильнее, чем разрешения приблизиться.

Поцелуй начался медленно, однако вскоре стал настойчивее. Он притянул меня ближе, оставляя возможность отступить, и я сама сделала последний шаг.

Сначала я не отвечала, не понимая, как двигаться, но затем осторожно повторила движение его губ. Нино сразу напрягся, пальцы сильнее сжались на моей талии, однако он первым прервал поцелуй.

— Это сделала ты, — произнёс он возле моих губ. — Я не заставлял.

Я открыла глаза, всё ещё удерживая его рубашку на плече.

— Я не знаю, правильно ли делаю.

— Сейчас нет правильного способа, — Нино коротко коснулся губами уголка моего рта и снова остановился. — Есть только то, что ты позволяешь.

— Медленно, — сказала я твёрже, превращая просьбу в условие.

Взгляд Нино стал темнее, но ладонь на моей спине не сдвинулась ниже.

— Медленно, — согласился он и дождался, пока я сама потянусь к нему.

Он снова поцеловал меня, на этот раз глубже и настойчивее. Его ладонь легла на мою спину и притянула ближе, но движение остановилось раньше, чем стало грубым. Я чувствовала, насколько сильно ему приходится себя сдерживать, и впервые замечала не только то, каким он был раньше, но и то, каким старался не стать сейчас.

— Скажи, чего ты хочешь.

— Ты прекрасно понимаешь.

— Понимать недостаточно, — жёстко ответил он, наклоняясь ближе. — Я хочу услышать это от тебя.

В его тоне снова прозвучал приказ, но теперь он требовал не подчинения, а ясного ответа. Я могла промолчать или остановить его, однако вместо этого сильнее сжала пальцы на его плече.

— Я хочу тебя, — выдохнула я почти беззвучно.

Его ладонь на моей талии сжалась резче, а взгляд стал тяжелее, выдавая желание, которое он до этого удерживал.

— Повтори, — потребовал он, приблизившись к моему лицу.

— Не издевайся надо мной.

— Я не издеваюсь, — Нино коснулся губами моей щеки и медленно прошёл к линии челюсти. — Мне нужно знать, что ты не просто перестала сопротивляться.

Я закрыла глаза, стараясь справиться со смущением.

— Я хочу тебя, Нино, — произнесла я отчётливее и сразу почувствовала, как его самоконтроль стал слабее.

Сердце колотилось в моей груди так сильно, что, казалось, оно вот-вот пробьёт ребра. Первая брачная ночь. Комната была залита мягким светом свечей, но для меня этот свет казался почти ослепляющим. Я стояла перед Нино, сжимая пальцами ткань своего белоснежного платья, и чувствовала, как по спине пробегает дрожь. Я знала, что должно произойти, но страх перед неизвестностью, перед этой неизбежной болью, о которой шептались подруги, сковывал меня.

Он поцеловал меня резко и глубоко. Его руки скользнули к моей спине, к сложной шнуровке корсета. Он пытался развязать её осторожно, но узлы оказались слишком крепкими. Я услышала резкий звук рвущейся ткани. Нино, потеряв терпение, просто разорвал шнуровку. Я вздрогнула от неожиданности, но он тут же прижал меня к себе, успокаивая.

Давление на рёбра стало слабее, прохладный воздух коснулся спины, и я невольно вдохнула глубже. Он провёл ладонью по открывшейся коже, затем стянул платье с плеч. Я

осталась в одном лишь нижнем белье, почти прозрачном и с вызывающими вырезами, которое мать и её помощницы подбирали для меня несколько часов, настаивая, что «муж должен быть впечатлён».

Я почувствовала, как краснею, пытаюсь прикрыться руками, смущенная тем, насколько откровенно я выглядела.

— Не закрывайся от меня, — он удерживал мои руки по сторонам, и его взгляд прошёл по мне, задерживаясь на уровне груди.

— Я впервые стою перед мужчиной почти без одежды.

Выражение его лица изменилось, но хватку он ослабил не сразу.

— Я помню, — Нино отпустил мои запястья и провёл ладонями по плечам, оставляя мне возможность снова прикрыться. — Но прятаться от меня всю ночь не получится.

Он рассматривал меня открыто, не пытаясь скрыть желание.

— Ты смотришь так, будто собираешься меня съесть.

— Именно это я и собираюсь сделать, — его ладони прошли по бокам и остановились на талии. — Ты всё ещё боишься, — произнёс он возле моего уха, проводя пальцами по обнажённой спине.

— Да, — я не видела смысла лгать.

Нино немного отстранился, чтобы видеть моё лицо.

— И всё ещё хочешь продолжить?

— Да.

Он наклонился и подхватил меня на руки. Я успела обхватить его за плечи, прежде чем он перенёс меня на кровать и осторожно опустил на прохладные простыни. Сам остался надо мной, опираясь руками по обе стороны от моего тела. Напряжённая челюсть и тяжёлое дыхание показывали, насколько сложно ему сохранять прежний контроль.

— Ты понимаешь, что будет дальше? — спросил Нино, не опускаясь ниже.

— В общих чертах.

— Этого недостаточно. Если захочешь прекратить, говоришь «стоп», и я отхожу. Один раз и громко.

— А если не скажу?

Нино наклонился, остановившись в нескольких сантиметрах от моих губ.

— Тогда я буду считать, что ты разрешаешь продолжать.

Поцелуй последовал сразу. Нино больше не пытался быть мягким и не скрывал настойчивости, однако каждое его движение оставалось контролируемым. Он вёл, а я сначала только следовала, не понимая, куда деть руки и как отвечать. Постепенно пальцы сами проšliсь по его плечам и спине, а дыхание стало сбиваться уже не только от страха.

Нино спустился губами к моей шее. Я напряглась, почувствовав знакомый запах бергамота и его горячее дыхание на коже, но не отстранилась. Он задержался возле ключицы, провёл ладонью по моему боку и вернулся к лицу, проверяя взглядом, не изменила ли я решения.

Я закрыла глаза, когда его губы снова коснулись кожи, однако голос Нино сразу вернул внимание.

— Посмотри на меня, Миллиана.

— Нино...

— Смотри, — повторил он твёрже, остановившись до тех пор, пока я не открыла глаза.

Его контроль тоже перестал выглядеть безупречным. Я видела желание в каждом тяжёлом вдохе и в том, как напрягались мышцы под рубашкой, но Нино не позволял этому превратиться в жестокость.

Он не отрывал взгляда от моих глаз, когда начал опускаться ниже. Его губы коснулись кожи чуть ниже ключицы, пальцы прошли по краю тонкого кружева, и его рот накрыл меня прямо через ткань, а из моего горла вырвался сбивчивый вдох.

Нино добрался до застёжки белья. Он расстегнул её и снял с меня лишнюю вещь. Я снова подняла руки, однако он остановил их одним движением и наклонился ближе.

— Не закрывайся, — произнёс он уже без прежней резкости. — Ты красивая, Миллиана.

Его слова не убрали смущение, но позволили перестать бороться с каждым собственным движением. Я оставила руки на его плечах.

Нино смотрел на мои соски с таким голодом, что стало жарко. Его язык коснулся одного из них, обводя кругом, а затем мягко захватил сосок губами, посасывая. Я вскрикну-

ла, почувствовав, как от этого прикосновения по всему низу живота прошла электрическая волна.

Я и не знала, что прикосновение к груди может вызвать такое приятное чувство.

Его язык обводил сосок, а губы ласково успокаивали. Иногда он позволял себе прикусывать его, тогда получал в ответ мои стоны.

— Ещё, — потребовал Нино, и в его голосе прозвучало открытое желание.

Когда он перешёл к другой груди, его рука опускаться ниже, поглаживая бедро, а мои на его спину. Даже сквозь белоснежную ткань рубашки я чувствовала каждый мускул и неровность, и мне нравилось это до чёртиков.

Каждый сантиметр этого мужчины возбуждал меня.

Мне хотелось думать о стыде, но я уговорила себя отложить это на завтра.

— Больно?

— Нет, — ответила я и заставила себя ослабить хватку.
— Просто ты почти полностью одет, а я уже нет.

В его взгляде появилось тёмное веселье.

— Тебя это беспокоит?

— Раздражает, — я потянулась к пуговицам его рубашки, пока не успела передумать.

Нино не помогал и не торопил. Он смотрел, как мои дрожащие пальцы расстёгивают одну пуговицу за другой. Под тканью открывались широкая грудь, пресс и несколько

небольших шрамов, которые я не ожидала увидеть.

— Ты скрываешь страх за инициативой, — заметил Нино, когда я добралась до последней пуговицы.

— А ты анализируешь каждое моё движение, — я раздвинула края рубашки. — Это невыносимо.

— Сейчас я только и делаю, что изучаю тебя, — он выпрямился, снял рубашку и отбросил её на край кровати. — И пока это самое приятное занятие за сегодняшний день.

Мой взгляд сам прошёлся по его телу, задержавшись дольше, чем позволяла гордость. Нино заметил и провёл указательным пальцем от моей ключицы к животу. Он положил руки на мои бёдра и поднял взгляд, прежде чем коснуться ткани трусиков. Я поймала его за запястье, но не оттолкнула.

— Что ты хочешь? — я вернула ему его же вопрос, сама удивляясь собственной смелости в этот момент.

Нино замер, несколько секунд изучая моё лицо, после чего наклонился к уху.

— Я хочу трахнуть тебя.

Он обвёл большим пальцем и так возбуждённый сосок, и очередное прикосновение заставило меня выдохнуть громче.

— Мне нравится твой голос, — произнёс он с явным удовлетворением. — Это может стать твоим преимуществом.

— Или оружием против тебя, — я цеплялась за остатки дерзости.

В его глазах появилось заинтересованное выражение, и он

наклонился ближе, не убирая ладони с моего тела.

— Попробуй.

Нино вернул ладонь к краю моих трусиков, и когда дыхание немного выровнялось, он медленно стянул кружево по моим ногам и отбросил его к остальной одежде. Я осталась перед ним полностью обнажённой и сначала почувствовала привычное желание прикрыться, но руки так и не поднялись.

Нино положил ладони на внутреннюю сторону моих коленей и медленно развёл их шире. От стыда я сразу закрыла глаза, однако он остановился, не двигаясь дальше.

— Миллиана, посмотри на меня, — он продолжал успокаивающе проводить большими пальцами по моей коже. Когда я упрямо не отреагировала, его голос стал жёстче: — Открой глаза. Я не стану продолжать, пока ты не подчинишься.

Я всё-таки посмотрела на него. Нино несколько секунд наблюдал за моим лицом, убеждаясь, что я понимаю происходящее, после чего наклонился и оказался между моих ног. Первое прикосновение губ заставило меня резко вдохнуть. Я не знала, чего ожидать, и совсем не была готова к тому, насколько остро тело откликнется на него.

Язык прошёл по моим складкам, собирая всю влагу, что выходила из меня, а рот буквально всасывал её. Нино действовал уверенно и без лишней осторожности, касаясь особенного места, из-за которого мне было сложно оставаться в том же положении, а не двигать тазом ему навстречу. Каждый раз, когда он языком играл с клитором, из меня выры-

вались всё более громкие стоны.

Я сжала колени возле его головы и сразу попыталась ослабить их, испугавшись собственной реакции. Но он не отстранился и только провёл ладонью по бедру, давая понять, что мне не нужно контролировать каждое движение. Пальцы сами зарылись в его волосы, и после думать о том, правильно ли я себя веду, стало невозможно.

Удовольствие нарастало слишком быстро. Я ещё пыталась сдерживать голос и цеплялась за остатки самообладания, но в какой-то момент тело напряглось целиком, а затем меня накрыло так резко, что я забыла вдохнуть. Мой крик заполнил спальню, пальцы сильнее сжали волосы Нино, а перед глазами на несколько секунд всё исчезло.

Когда я снова начала понимать, где нахожусь, Нино уже поднялся и навис надо мной. На его лице было откровенное удовлетворение, которое он даже не пытался скрыть, а большой палец медленно провёл по моим приоткрытым губам.

— Понравилось? — он наблюдал, как я пытаюсь восстановить дыхание.

— Что это было?

— Оргазм, — спокойно ответил Нино и убрал выбившуюся прядь с моего лица. — Судя по твоему удивлению, первый.

— Нино, — предупредила я, уже понимая, что он собирается сказать что-нибудь самодовольное. — Ты отвратителен.

— Но эффективен.

Он поднялся с кровати и начал расстёгивать ремень. Звук металлической пряжки сразу вернул тревогу, которую на несколько минут вытеснило удовольствие. Нино заметил, как я напряглась, но не стал останавливаться или делать вид, что не понимает причины. Он медленно снял брюки вместе с бельём и остался передо мной полностью обнажённым.

Я впервые видела мужчину так близко и открыто. Взгляд сам прошёлся по его телу, задержался на члене, а затем я быстро отвернулась, испугавшись не его, а того, насколько сильно меня заинтересовало увиденное.

Нино немного приподнял моё колено, устроил меня удобнее и достал из кармана брюк квадратную упаковку. Я несколько секунд смотрела на презерватив в его руке и не смогла промолчать.

— Ты весь день носил его с собой? — спросила я, чувствуя, как сердце снова начинает биться быстрее.

— Тебе действительно нужен ответ? — Нино разорвал упаковку зубами и бросил её на пол возле кровати. — Я женился сегодня, Миллиана. Подготовиться было разумно, — произнёс он, надевая презерватив.

Когда Нино вернулся ко мне, мои ноги сами разошлись немного шире. Он опёрся одной рукой возле моей головы, а второй провёл по щеке, заставляя смотреть на него.

— Сначала будет непривычно и, возможно, больно, — произнёс он серьёзно, без прежней насмешки. — Если захочешь остановиться, скажешь об этом вслух. Я не стану уга-

дывать. Поняла?

Я кивнула, но Нино не начал двигаться и продолжил ждать.

— Словами.

— Поняла, — произнесла я, крепче сжимая его плечи. — Я скажу.

Он устроился ближе и сначала опустил пальцы, входя ими. Это было необычно, и я не поняла почему он медлил. Нино, увидев моё замешательство, пояснил:

— Мне нужно растянуть тебя. Ты слишком узкая для члена.

Он вытащил один палец, а затем вошёл двумя. Я ахнула от небольшого дискомфорта, но свободной рукой он уже потёр клитор. Нино наблюдал за мной, сдвигая немного пальцы и находя нужный ритм.

— Мне нужно расслабить тебя. Отпусти напряжение, — он продолжал потирать бугорок, и дискомфорт внутри уменьшился.

Нино почувствовал это, вытащил пальцы и двинул бёдрами, пока не нашёл мой вход.

Он вошёл медленно. Ощущение оказалось слишком новым и неприятным, поэтому всё тело сразу напряглось. Я судорожно вдохнула и впилась ногтями в его плечи, а Нино остановился, хотя я не просила.

— Смотри на меня, — сказал он, проводя пальцами по моей скуле, а затем накрыл губы требовательным поцелуем.

Нино продолжил движение, постепенно преодолевая сопротивление тела, и я почувствовала резкую и жгучую боль, словно внутри меня что-то рвалось. Я вскрикнула, вцепившись в его плечи.

— Больно... Нино, мне больно!

Он замер, прижимаясь своим лбом к моему, тяжело дыша.

— Я знаю, маленькая. Просто дыши со мной.

С каждым сантиметром боль становилась острее, а пальцы сильнее сжимали его плечи, но он не торопился. Его губы возвращались к моим каждый раз, когда дыхание начинало сбиваться, а ладонь на бедре удерживала меня в удобном положении.

— Ещё немного, — проговорил он у самого моего рта, почувствовав, как я снова напряглась. — Не закрывайся. Держись за меня.

Я держалась, почти причиняя ему боль ногтями, но Нино не отстранялся. Когда он оказался во мне полностью, из горла вырвался приглушённый стон, и я инстинктивно закрыла глаза. Его пальцы сразу легли на подбородок, возвращая моё лицо к себе.

— Нет, Миллиана. Смотри.

Мне пришлось открыть их. Нино оставался неподвижным, позволяя телу привыкнуть, и по напряжению его челюсти было видно, чего ему стоит не двигаться. Это немного успокоило. Он мог продолжить, но ждал, пока я сама ослаблю хватку на его плечах.

Я физически почувствовала, как из меня вытекает горячая и вязкая струйка — кровь. Теперь она окрасила простыни, как доказательство закреплённого союза.

— Больно? — спросил он, проводя большим пальцем по моей щеке.

— Да, — честно ответила я и с трудом сделала глубокий вдох. — Но уже меньше.

— Сможешь продолжить?

Я прислушалась к себе и медленно кивнула, однако сразу вспомнила его требование.

— Смогу. Только не торопись.

— Не буду.

Он стал двигаться медленно и осторожно, стараясь не причинить мне лишних страданий. Каждый толчок был аккуратным и почти нежным.

Но я чувствовала, как он напряжен. Его мышцы были каменными, а вены на шее вздулись. Нино боролся с самим собой. Я видела по его глазам, что он сгорает от желания сорваться, вбиться в меня с той силой и страстью, к которой он привык, трахнуть меня так, как ему действительно нравилось.

— Ты всё ещё такая тесная.

Боль постепенно ослабевала, уступая жару, благодаря его дополнительной стимуляции клитора. Нино понял, когда моё тело начало принимать его легче. Его движения стали увереннее, а ладонь на бедре сжалась сильнее. Каждый раз,

когда я напрягалась слишком сильно, он замедлялся ровно настолько, чтобы я могла восстановить дыхание, после чего снова возвращал прежний темп.

Я уже не могла сказать, где заканчивалась боль и начиналось удовольствие. Они смешивались с тяжестью его тела, требовательными поцелуями и каждым новым движением, которое становилось быстрее. Мои руки скользнули по его спине, чувствуя, как напрягаются мышцы, а ноги сами обхватили его ближе. Нино глухо произнёс моё имя, и от того, как изменился его голос, внутри снова поднялось удовольствие.

— Не останавливайся, — попросила я, прежде чем успела испугаться собственных слов. Я хотела, чтобы он тоже получил удовольствие. Почему-то мне было приятно знать, что это из-за меня.

Он резко поднял взгляд, а движения стали сильнее.

— Повтори.

— Не издевайся, — выдохнула я, притягивая его ближе за плечи. — Я сказала, не останавливайся.

Этого оказалось достаточно. Нино больше не скрывал, насколько сильно хочет меня, но по-прежнему удерживал себя от настоящей грубости. Он целовал меня требовательно, а толчки становились сильнее. Когда напряжение снова собралось внутри, я поняла, что не смогу кончить. Боль все ещё присутствовала, и хоть удовольствие помогло расслабиться, не могло облегчить всё до конца.

Нино это понимал.

— Я обещаю, что это единственный раз, когда ты не кончила, шоколадка.

Через несколько секунд его собственный ритм стал неровным. Он сделал ещё несколько сильных движений, затем замер, тяжело выдыхая возле моего уха. Всё его тело напряглось, а ладонь на моей талии сжалась почти до боли, но сразу ослабла, как только он снова смог контролировать себя.

Некоторое время Нино оставался неподвижным. Его дыхание касалось моей шеи, а тяжесть тела прижимала к простыням, но я впервые не чувствовала потребности немедленно оттолкнуть его. Он поднял голову, провёл пальцами по моей щеке и внимательно посмотрел мне в глаза.

— Ты моя, Миллиана, — произнёс он низко. — Теперь это навсегда.

Слова вернули часть прежнего раздражения. Я хотела возразить, однако голос после всего произошедшего голос почти не слушался.

— Я не вещь, — напомнила я, всё ещё удерживая его за плечи.

— Я знаю. Именно поэтому мне недостаточно было просто получить тебя по договору.

Он поднялся, избавился от презерватива и выбросил его в ванной. Через несколько секунд я услышала как включилась вода.

Я приподнялась, рассматривая образовавшиеся пятно, параллельно ощущая липкость между ног, но смотреть туда

не хотелось. Нужно было просто быстрее добраться до души, смыть это с себя и по возможности перестать чувствовать боль и стыд.

Глава 6.

П

роснулась я от тяжести чужой руки на талии. Первые несколько секунд сознание ещё не успело догнать тело. Я чувствовала тепло за спиной, размеренное дыхание у затылка и широкую ладонь, удерживающую меня возле чужой груди, но не понимала, почему вообще позволила кому-то оказаться настолько близко. Потом память вернулась сразу, без всякой жалости.

Нино.

Свадьба.

Секс.

Я закрыла глаза, словно это могло остановить воспоминания, но стало только хуже. Перед внутренним взглядом вспыхивали отдельные моменты: мои пальцы на его спине, сбившееся дыхание, собственный голос, который я почти не узнавала, и особенно то унижительное мгновение, когда сама попросила его не останавливаться. Щёки мгновенно загорелись. Тело отзывалось непривычной тяжестью и слабой болезненностью, напоминая обо всём ещё убедительнее, чем память.

Самым простым было бы решить, что я ненавижу произо-

шедшее. Что Нино воспользовался браком, продавил меня, получил то, чего хотел, а я теперь имею полное право злиться только на него. Но именно этого удобного спасения у меня не было. Он действительно останавливался каждый раз, когда замечал моё сомнение. Не торопил, когда я напрягалась. И продолжал только после того, как я сама позволяла ему продолжить.

Хуже всего было даже не это.

Мне понравилось.

Я должна была сбросить его руку, встать и как можно быстрее увеличить расстояние между нами, но продолжала лежать неподвижно. Ещё вчера мне хотелось держать Нино минимум в нескольких шагах от себя, а теперь его грудь касалась моей спины, голая нога лежала поверх моей, и собственное тело почему-то не воспринимало это как немедленную угрозу.

Разум тут же напомнил об отце, вынужденном браке и Авроре, словно пытался вернуть всё на привычные места. Только тело помнило другую версию Нино: его ладони, движения, низкий голос у самого уха и то, как быстро страх в какой-то момент перестал быть главным.

За моей спиной он шевельнулся. Рука на талии сжалась чуть крепче, пальцы медленно скользнули по коже, и я невольно задержала дыхание.

— Дыши, — хрипло произнёс Нино, ещё не открывая глаз. Голос после сна был ниже обычного и неприятно на-

помнил вчерашнюю ночь. — Ты опять это делаешь.

— Я дышу, — возразила я слишком быстро и тут же поняла, что только подтвердила его правоту.

Нино тихо усмехнулся мне в затылок. От движения его губ по коже прошла короткая волна мурашек, и это окончательно разозлило.

— Отпусти меня.

Рука исчезла сразу.

Это было настолько просто, что я ещё секунду пролежала неподвижно, почти раздражённая отсутствием борьбы, а потом быстро села и подтянула одеяло к груди. Нино перевернулся на спину, закинул руку за голову и посмотрел на меня совершенно спокойно.

Никакой неловкости. Никакого желания сделать вид, будто ночью между нами ничего не произошло. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на крепко сжатых пальцах, и мне сразу захотелось отвернуться.

— Не рассматривай меня, — бросила я, сильнее натягивая одеяло.

— Я смотрю тебе в лицо, Миллиана, — Нино провёл ладонью по лицу, окончательно просыпаясь. — Хотя по тому, как ты краснеешь, примерно понимаю, о чём думаешь.

Мне не требовалось уточнять. Самодовольство в его голосе было минимальным, но и этого хватило.

— Ты ничего не понимаешь.

— Понимаю достаточно, — он приподнялся на локте, и

выражение лица стало серьёзное. — Ночью ты несколько раз напрягалась. Я останавливался. Ты сама решала, продолжать или нет. Поэтому сейчас можешь злиться на меня сколько угодно, но не переписывай то, что было.

Я уже приготовилась огрызнуться, но слова застряли. Именно этого я и не хотела слышать, потому что он был прав. Стыд становился особенно острым не из-за того, что Нино что-то со мной сделал, а из-за того, что в какой-то момент я перестала только терпеть его близость и начала отвечать.

Я отвернулась и машинально провела ладонью по бедру, чувствуя слабую тянущую боль между ног. Нино заметил движение.

— Больно?

Вопрос прозвучал без насмешки, и от этого стало ещё неудобнее.

— Немного. Ничего страшного, — я бросила быстрый взгляд на простыню и тут же пожалела об этом. Маленькое алое пятно вызвало новую волну жара в лице.

Нино тоже его увидел. Выражение изменилось моментально. Расслабленность исчезла, взгляд стал внимательнее.

— Если станет больнее, скажешь мне. Не тогда, когда уже невозможно терпеть, а сразу.

Я едва не закатила глаза. Даже заботиться он умудрялся приказным тоном.

— Я не обязана отчитываться о каждом ощущении только потому, что мы переспали.

— Не обязана отчитываться, — Нино сел, опираясь ладонями о матрас. — Но молчать из принципа тоже не будешь. Это разные вещи.

Мне не понравилось, насколько быстро он превратил одну ночь в право участвовать в том, что касается моего тела. Я сжала край одеяла сильнее.

— Я не стала твоей собственностью.

Нино задержал на мне взгляд, но спорить с формулировкой не стал.

— Нет. Моей женой ты стала ещё до этой кровати.

Он поднялся, и я тут же отвела глаза. Ночью темнота хотя бы позволяла забыть о некоторых подробностях, а сейчас Нино совершенно спокойно стоял рядом обнажённый и явно не видел причины смущаться. Через несколько секунд слышалось движение ткани, и я всё-таки посмотрела.

Он стоял ко мне спиной возле кресла, разбирая одежду. На левой лопатке чёрными буквами шла надпись: «Вхожу живым, выхожу мёртвым».

Я уже замечала татуировку ночью, но тогда её значение волновало меня в последнюю очередь. Сейчас слова притянули внимание именно потому, что после вчерашнего разговора о Семье случайными казаться не могли.

— Что это значит?

Нино слегка повернул голову, заметив направление моего взгляда.

— Значит, всё-таки рассматриваешь.

— Татуировку, — раздражённо уточнила я. — Постарайся хотя бы минуту не превращать любой вопрос в намёк.

Он натянул бельё и брюки, после чего снова повернулся ко мне. Усмешка ещё оставалась на губах, но быстро исчезла, когда взгляд скользнул к собственной лопатке.

— Это часть клятвы Корлионезо. Её приносит мужчина, когда входит в Семью.

Слово «клятва» сразу заставило вспомнить всё, что Нино рассказывал о своём мире. Я невольно посмотрела на надпись снова. В ней не было ничего красивого. Скорее предупреждение, которое человек добровольно носил на коже до конца жизни.

— Ты тоже её приносил? — спросила я, уже зная ответ.

Нино сел на край кровати, оставив между нами достаточно пространства, и опёрся локтями о колени.

— Задолго до того, как стал Доном. Положение ничего не отменяет. Пока я жив, я принадлежу Семье так же, как любой мужчина внутри неё.

Меня зацепило именно слово «принадлежу». Нино, который так легко распоряжался пространством, людьми и мной, сам без колебаний говорил о принадлежности чему-то большему.

— И уйти нельзя?

Он посмотрел на меня так, будто вопрос был слишком простым.

— Из Семьи не уходят.

Теперь надпись стала понятнее, и от этого только неприятнее. Я пыталась представить жизнь, в которой однажды произнесённые слова заранее определяют даже способ выхода из неё. Для меня подобное звучало как клетка. Нино же говорил об этом без трагедии и без желания оправдываться.

— Как она звучит полностью?

На несколько секунд он замолчал, словно решая не то, можно ли мне её услышать, а готов ли сам произносить эти слова вне привычного для них места. Потом выпрямился.

— «Моё имя — больше не только моё. Моя кровь — больше не только моя. Мы едины до самой смерти. Я вхожу живым — выхожу мёртвым».

Я повторила слова про себя и машинально опустила взгляд на обручальное кольцо. Вчера мне казалось, что оно просто закрепляет навязанный брак. Сейчас всё выглядело сложнее.

Я вышла замуж не только за мужчину. За ним стояла структура, в которой фамилия, кровь и верность значили больше личных желаний.

— Тебя это никогда не пугало? — спросила я. — Что вся жизнь заранее привязана к людям, которых ты не выбирал?

— Я выбираю, кому доверять внутри Семьи, — Нино взял рубашку со спинки кресла, но пока не стал надевать. — А сама Семья была моей реальностью с рождения. Не путай отсутствие обычного выбора со слабостью.

Конечно. Даже собственную клетку он называл иначе.

— Но клятва стоит и над Доном.

— Да, — он спокойно выдержал мой взгляд. — Власть не освобождает меня от правил. Наоборот. Чем выше место, тем больше людей отвечают за твои решения и тем за большее отвечаешь ты.

Я снова посмотрела на кольцо.

— А я? Клятву я не приносила.

Нино проследил за моим взглядом и, кажется, сразу понял, что именно меня беспокоит.

— Ты не становишься членом структуры так, как мои люди. Но ты жена Дона. Моё имя даёт тебе защиту Семьи и одновременно делает тебя частью её рисков. Мои люди обязаны защищать тебя. Мои враги будут использовать любую возможность добраться через тебя до меня. Для них твоего согласия никто спрашивать не станет.

Вот оно. Я снова оказалась внутри чужих правил просто потому, что два человека поставили подписи и священник произнёс несколько слов.

— Значит, всё-таки втянули без спроса.

Челюсть Нино напряглась.

— Можешь ненавидеть это сколько хочешь, но отрицать бессмысленно. Ты знала, кто я, до того как сказала «да».

— Я узнала, кто ты, за несколько часов до свадьбы, — напомнила я, чувствуя, как прежняя злость возвращается. — И наличие кольца не означает, что я автоматически согласилась со всеми законами Корлионезо.

Нино приблизился не сразу. Сначала застегнул манжету, затем положил рубашку рядом и только после этого повернулся ко мне всем корпусом.

— Согласие не остановит человека, который решит похитить жену Дона. Поэтому правила безопасности ты будешь соблюдать. Не потому, что стала моей вещью, а потому, что теперь твоей жизнью можно ударить по мне, Дину и всей Семье.

Это объяснение злило меньше приказа, но соглашаться я всё равно не собиралась.

— А твои личные правила я тоже должна начать изучать сегодня?

— Некоторые ты уже изучила ночью.

Я мгновенно поняла, куда он ведёт, и почувствовала, как снова вспыхнули щёки. Нино заметил, конечно. Его взгляд стал тяжелее, но он не улыбнулся.

— Не начинай.

— Ты сама пытаешься вернуть между нами дистанцию, которой уже нет, — произнёс он тихо. — Вчера я трахал тебя, и ты сама просила продолжать. Я не собираюсь использовать это против тебя, но и делать вид, что ничего не изменилось, тоже не буду.

Прямота ударила горячим потоком. В памяти тут же вспыхнул мой собственный голос, и я сжала пальцы на одеяле.

— Одна ночь не даёт тебе права разговаривать со мной

как угодно.

— Согласен, — неожиданно ответил Нино и провёл большим пальцем по нижней губе, когда я слишком поздно заметила, что он снова оказался близко. — Но краснеешь ты всё равно красиво.

Я перехватила его запястье.

— Убери руку.

Он убрал сразу. И мне срочно понадобилось расстояние.

— Я хочу в ванную. Отвернись.

Нино бросил взгляд на одеяло, которым я всё ещё закрывалась, затем на меня. По выражению лица было видно, что он прекрасно понимает абсурдность моей внезапной скромности после прошедшей ночи. К счастью, вслух он высказал только часть.

— Миллиана, я уже видел тебя без него.

— А сейчас я прошу отвернуться, — повторила я, стараясь не оправдываться. — Просто сделай это.

Несколько секунд он смотрел на меня, а потом действительно развернулся и занялся рубашкой.

Мне почему-то стало легче не столько от того, что он перестал смотреть, сколько от самого факта: попросила — и он сделал.

Я быстро выбралась из кровати, почувствовав неприятную слабость в ногах, и почти сразу заметила на полу его вчерашнюю рубашку. Собственную одежду искать было дольше, поэтому я подняла её и надела. Ткань закрыла меня почти до

середины бёдер и сохранила запах Нино, от чего вся попытка создать дистанцию внезапно стала довольно бессмысленной.

— Только ничего не говори, — предупредила я, направляясь к ванной.

За спиной послышался короткий выдох, подозрительно похожий на сдержанный смех.

— Я молчу.

Я уже взялась за ручку, но снова посмотрела на него. Нино застёгивал рубашку, а чёрные слова на лопатке постепенно исчезали под тканью. Клятва не выходила из головы. Его имя больше не принадлежало только ему. Кровь тоже. И каким-то образом вчера рядом с этим человеком появилась я — без клятвы, без понимания правил, но уже с его фамилией.

— Я всё равно не часть твоей Семьи в том смысле, в котором ты говоришь о себе, — произнесла я. — И точно не твоя вещь.

Нино перестал застёгивать пуговицы. Взгляд стал тёмным и серьёзным, но ко мне он больше не приблизился, сохраняя ровно то расстояние, которого я потребовала несколькими минутами раньше.

— Вещь можно потерять и заменить.

Пальцы сильнее сжали дверную ручку. Что-то в его голосе заставило смущение и злость на несколько секунд отойти в сторону.

— А жену?

Нино посмотрел прямо мне в глаза.

— Жену Корлионезо не заменяют, Миллиана.

Несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза, и я слишком ясно увидела в его взгляде вчерашнюю ночь. Не просто вспомнила, будто снова почувствовала его руки на теле, собственные пальцы на его плечах и ту минуту, когда перестала сопротивляться самой себе. Этого оказалось достаточно. Я быстро скрылась в ванной, закрыла дверь и только тогда позволила себе выдохнуть.

Рубашка Нино тут же полетела на край раковины. Я встала под горячую воду, надеясь, что она хотя бы немного приведёт мысли в порядок, но получилось наоборот. Стоило закрыть глаза, как в голове снова прозвучало его спокойное: «Жену Корлионезо не заменяют». Эта фраза неприятно цеплялась за всё, что я узнала за последние сутки. Клятва на его спине, фамилия в моих документах, кольцо на пальце, правила Семьи, которых я ещё не знала, — всё это связывало меня с Нино гораздо крепче, чем обычное свидетельство о браке.

Я провела ладонями по лицу и попыталась переключиться хотя бы на собственное тело, но и оно оказалось предателем. Вода смывала с кожи его запах, а память всё равно сохраняла каждое прикосновение. Между ног оставалась слабая болезненность, грудь казалась слишком чувствительной, и при одной мысли о том, почему именно, лицо снова начинало гореть.

Под душем я простояла дольше, чем собиралась, пока на-

конец не поняла ещё одну неприятную вещь: в ванную я вошла в одной рубашке Нино. Ни белья, ни платья, ни даже собственной футболки со мной не было.

— Прекрасно, Миллиана, — пробормотала я себе под нос, оглядываясь в поисках хоть чего-нибудь подходящего.

Спасло большое полотенце. Я обернула его вокруг тела, крепко затянула над грудью, приоткрыла дверь и выглянула в комнату.

Нино уже успел полностью одеться: чёрные брюки, рубашка, часы на запястье. Он стоял с телефоном в руке, но заметил меня моментально. Взгляд скользнул от мокрых волос к полотенцу, затем ниже, к открытым ногам, и только после этого вернулся к лицу.

Мне даже не понадобилось ждать комментария.

— Если сейчас скажешь хоть что-нибудь, я захлопну дверь и буду сидеть там до вечера, — предупредила я, сильнее прижав полотенце к груди.

Нино убрал телефон в карман. В его лице не было открытой усмешки, но глаза выдавали слишком многое.

— Тогда молчу. Хотя ты сама вышла ко мне в одном полотенце, шоколадка.

Я закатила глаза и прошла к чемодану, стараясь не менять шаг из-за его внимания. Всего несколько метров вдруг стали испытанием на выдержку. Нино не двигался следом и не пытался приблизиться, но его взгляд ощущался почти физически, особенно когда я присела и одной рукой придержала

край полотенца.

Поверх платья лежало белые кружевные трусики.

Разумеется.

Из всех вещей я первой вытащила именно ту, которая после вчерашней ночи могла вызвать у него совершенно определённые ассоциации. Я поспешно накрыла кружево платком, но было уже поздно.

Нино медленно провёл языком по внутренней стороне щеки. Этого жеста хватило, чтобы я поняла, о чём он думает, даже без единого слова.

— Даже не смей, — я прижала вещи к груди и выпрямилась. — Мне неинтересно слушать, что сейчас происходит у тебя в голове.

— Тогда не спрашивай взглядом, — спокойно ответил он, и этого оказалось достаточно, чтобы щёки снова вспыхнули.

Я вернулась в ванную прежде, чем разговор успел скатиться туда, куда Нино явно был готов его направить. Раздражало даже не его отсутствие стыда, а то, насколько легко он теперь мог выбить меня из равновесия одним взглядом. Вчера между нами существовала хотя бы привычная схема: я злилась на его прикосновения, он игнорировал часть границ, я сопротивлялась.

Сегодня всё стало сложнее.

Теперь я знала, что способна сама захотеть его близости, и это отнимало у меня прежнюю уверенность.

Бельё легло на разгорячённую кожу, а короткое белое пла-

тье, выбранное ещё до свадьбы, оказалось заметно откровеннее, чем я помнила. Оно плотно сидело по фигуре и открывало ноги намного выше колена. Первой мыслью было найти что-нибудь другое, но я почти сразу разозлилась на себя. Переодеваться только потому, что Нино может что-то подумать, означало начать подстраиваться под него уже на следующее утро после свадьбы. Этого удовольствия я ему точно не доставлю.

Я высушила волосы, оставила их свободными волнами, слегка подкрасила губы и только после этого снова вышла.

Нино поднял голову от телефона и замер на долю секунды. Достаточно коротко, чтобы кто-то другой мог не заметить, но я заметила. Его взгляд медленно прошёлся по платью, задержался на ногах и вернулся к моему лицу. Никаких пошлых комментариев не последовало, и почему-то именно молчание заставило меня сильнее ощутить собственную открытость.

Я занялась волосами перед зеркалом, лишь бы руки не оставались без дела.

— Если тебе есть что сказать, говори, — произнесла я, встретившись с ним глазами через отражение. — Такое молчание у тебя обычно хуже слов.

— Мне нравится, как ты выглядишь, — просто ответил Нино и убрал телефон. Его взгляд ещё раз задержался на мне, уже без попытки скрыть интерес. — Но платье останется под пиджаком.

Я медленно повернулась.

— Что значит «останется»?

Ответ вместо слов появился через несколько секунд. Нино взял свой пиджак со спинки кресла, подошёл и накинул мне на плечи прежде, чем я успела отступить. Тяжёлая ткань почти полностью скрыла верх платья, рукава оказались длиннее моих рук, а знакомый запах мгновенно окружил меня.

После душа я так старательно избавлялась от него на коже, и теперь снова стояла завернутая в его вещь.

— Я уже одета, — напомнила я, придерживая лацканы и глядя на него снизу вверх.

— Я заметил, — Нино поправил ткань на моих плечах и задержал ладонь на воротнике. — Именно поэтому и дал пиджак.

Внутри сразу поднялось привычное сопротивление. Я терпеть не могла, когда он принимал решение и сообщал о нём уже после того, как всё сделал.

— Тебя не спрашивали, что мне надевать.

Нино встретил мой взгляд совершенно спокойно.

— А я и не запрещаю платье. Мне не нравится, когда посторонние мужчины разглядывают мою жену, и скрывать это я не собираюсь.

Вот так просто. Без попытки представить ревность заботой или выдумать уважительную причину. Чистое, неприкрытое чувство собственника, которое почему-то раздража-

ло меньше, чем могло бы, если бы он начал оправдываться.

Я уже взялась за пиджак, собираясь демонстративно снять его, но остановилась. Ткань была тёплой, тяжёлой и неожиданно давала ощущение защищённости, которого мне сейчас не хватало. Через несколько минут придётся выйти из номера, встретить людей Нино уже не как невеста, а как жена Дона, а потом уехать с ним в совершенно другую жизнь. Под его пиджаком мне почему-то было чуть проще представить этот первый шаг.

Хуже всего — Нино сразу заметил колебание.

— Не придумывай себе ничего, — предупредила я, продевая руки в слишком длинные рукава. — Я оставляю его только потому, что мне так удобнее.

Он не усмехнулся открыто, но взгляд стал слишком довольным.

— Разумеется.

— У тебя отвратительно выразительное лицо, когда ты молчишь.

— А ты слишком быстро учишься меня читать, — Нино отошёл к двери и взялся за ручку.

Я хотела привычно возразить, но неожиданно поймала себя на том, что всё ещё держу пальцами его лацканы. Кольцо на моей руке особенно выделялось на тёмной ткани.

Жена Дона в его одежде.

Картина раздражала своей очевидностью.

У двери Нино остановился и посмотрел на меня внима-

тельное.

— Готова?

Я машинально перевела взгляд на выход. За этой дверью заканчивалось пространство, где мы были только вдвоём и могли хотя бы притворяться обычными молодожёнами после странной первой ночи. Дальше снова начиналась Семья, его люди, правила и чужие взгляды. Вчера я ещё могла мысленно называть происходящее свадьбой. Сегодня началась жизнь после неё.

— Нет, — призналась я, потому что не видела смысла лгать. — И сомневаюсь, что через пять минут ответ изменится.

Нино не стал шутить. Рука осталась на дверной ручке, а взгляд стал серьёзнее.

— Тогда просто не пытайся понять всё сразу. Но соберись настолько, чтобы замечать, что происходит вокруг тебя. С этого момента незнание больше не защищает тебя.

Мне сразу захотелось возразить против приказного тона, однако смысл слов был слишком похож на то, о чём я сама думала несколько минут назад.

— Ты вообще умеешь поддерживать человека без того, чтобы это звучало как распоряжение?

— Умею, — Нино чуть склонил голову. — Но с тобой распоряжение работает быстрее.

Я фыркнула и первой вышла из номера, чувствуя, как раздражение действительно возвращает уверенность быст-

рее любых успокаивающих слов. За моей спиной Нино закрыл дверь и почти сразу поравнялся со мной.

Возле лифта ждали двое мужчин в тёмных костюмах. При нашем появлении оба коротко склонили головы. Раньше я могла бы решить, что они просто охрана. Теперь видела в жесте другое: уважение было адресовано прежде всего Нино, а затем уже мне как женщине рядом с ним.

Когда двери лифта закрылись, его ладонь нашла мою. Он переплёл наши пальцы совершенно естественно, будто мы делали это годами. Я машинально дёрнула руку, но он удержал.

— Опять обязательно? — спросила я, опустив взгляд на наши соединённые пальцы. Его большой медленно прошёл по моему кольцу, и этот жест почему-то оказался слишком личным.

— За пределами номера ты будешь рядом со мной, — ответил Нино. — Люди должны привыкнуть видеть тебя со мной и понимать твоё положение.

Вот оно снова. Положение. Семья. Фамилия.

— То есть понимать, кому я принадлежу.

Нино повернул голову ко мне. Его пальцы всё ещё удерживали мои, но хватка не стала сильнее.

— Понимать, чья ты жена. Не путай эти вещи специально, Миллиана.

Я хотела сказать, что для меня разница пока почти незаметна, но промолчала. Утром он отвернулся, когда я попро-

сила. Убрал руку, когда я потребовала. Не спорил с тем, что я не вещь, хотя каждое второе его действие всё равно напоминало о привычке контролировать пространство вокруг себя.

Наверное, именно поэтому всё становилось сложнее.

Я больше не вырывала ладонь и пошла рядом, всё ещё утопая в его пиджаке и чувствуя кольцо под большим пальцем Нино. Это не означало согласия с его правилами. Пока только то, что я начинала замечать разницу между тем, что он действительно навязывал мне, и тем, чему я сопротивлялась просто потому, что это исходило от него.

В ресторане было немного людей. Нас проводили к столу в отдельной зоне, и только когда мы сели, Нино отпустил мою руку. До этого момента он держал её почти непрерывно

Нино отодвинул для меня стул, дождался, пока я сяду, и только потом занял место напротив. После того как официант принял заказ и отошёл, он положил телефон рядом с чашкой, поправил часы на запястье и посмотрел на меня тем самым спокойным взглядом, который я уже начинала воспринимать как предвестник очередного решения, принятого без моего участия.

— Через час выезжаем в аэропорт, — сообщил он. — Багаж заберут из номера без нас. Остальные вещи перевезут отдельно, так что о них можешь не беспокоиться.

Я взяла стакан с водой, пытаюсь не показать, насколько странно было слышать о Нью-Йорке как о месте, куда я действительно сегодня уеду. До свадьбы переезд существовал

где-то в конце длинного списка неприятностей. Теперь он внезапно оказался следующим пунктом.

— Надеюсь, хотя бы комнату мне позволят выбрать самой,
— произнесла я, поставив стакан обратно. — Или в доме Корлионезо даже это определяется положением жены Дона?

Нино взял чашку, но пить не стал.

— Гардеробную переделаешь как захочешь. Нужен будет кабинет — выберешь любую свободную комнату.

Он слишком аккуратно обошёл единственную, которая меня действительно интересовала.

— А спальня?

— Одна, — спокойно ответил он и наконец сделал глоток кофе.

Я откинулась на спинку стула. Конечно. После всего, что случилось ночью, наивно было ждать другого ответа, но часть меня всё равно надеялась хотя бы на возможность отступить и осмыслить произошедшее без его тела рядом каждую ночь.

— То есть одной ночи оказалось достаточно, чтобы решить, что теперь мы постоянно спим в одной постели?

Нино поставил чашку на блюдце и задержал на мне взгляд.

— Я решил это до первой ночи.

Внутри сразу поднялось раздражение. Я отвернулась, но почти сразу услышала:

— Посмотри на меня, Миллиана.

От приказа захотелось сделать ровно обратное, однако я

всё же повернула голову. Лучше смотреть ему в глаза, чем позволять думать, что я избегаю разговора.

— Вчера ничего не изменило в том смысле, который ты сейчас пытаешься придумать, — сказала я, чувствуя, как под его пиджаком становится жарко. — То, что я согласилась на секс, не даёт тебе права решить всё остальное за нас обоих.

Нино подался немного вперёд. Насмешки в его лице не было.

— Я не собираюсь делать вид, будто вчера ты лежала рядом со мной против своей воли. И тебе тоже не советую. Каждый раз, когда ты хотела остановиться, я останавливался. Всё остальное происходило потому, что мы оба этого хотели.

Салфетка под моими пальцами смялась. Он говорил именно то, от чего я пыталась спрятаться с момента пробуждения. Проще было бы злиться на его самоуверенность, чем признать, что часть сегодняшнего смущения вообще не имела к нему отношения. Я стыдилась собственной реакции. Собственного желания. Того, насколько быстро ненависть перестала быть единственным чувством, которое Нино умел во мне вызывать.

Официант принёс завтрак, и разговор пришлось прервать. Я была почти благодарна ему за эти несколько секунд. Когда тарелки оказались на столе и мы снова остались одни, я взяла вилку и сосредоточилась на омлете так старательно, словно от аккуратно отрезанного кусочка зависела моя жизнь.

Нино какое-то время наблюдал молча.

— Тебе не нужно стыдиться того, что тебе понравилось,
— произнёс он наконец уже тише.

Вилка замерла в руке.

— Я не стыжусь.

Слишком быстро. Даже мне самой стало очевидно, насколько неубедительно это прозвучало.

Нино опустил взгляд на мои пальцы, крепко державшие прибор, но комментировать ложь не стал. Вместо этого положил ладонь на стол ближе к моей.

— Тогда просто привыкни говорить прямо. Если тебе больно — скажи. Если не хочешь — тоже. Если хочешь — не жди, пока я буду угадывать по тому, как ты цепляешься за меня.

Щёки вспыхнули мгновенно.

— Нормальные люди не обсуждают такие подробности за завтраком.

— Нормальные взрослые люди обсуждают секс там, где им удобно, — Нино сказал это совершенно буднично и вернулся к кофе. — Особенно если собираются продолжать им заниматься.

Я едва не подавилась водой.

Ему хватило одного взгляда, чтобы понять мою реакцию, и на этот раз он всё-таки едва заметно усмехнулся.

— Ты опять говоришь так, будто уже всё решил.

— Я решил только то, что мы не будем притворяться чу-

жими после того, как поженились и переспали, — его взгляд стал серьёзнее. — Хочешь ты меня в конкретный момент или нет — решать тебе. Вчера ты этот выбор сделала сама.

Я замолчала. Формально он оставлял мне право отказаться, но одновременно говорил о сексе как о естественной части нашего брака, будто сомневался только во времени, а не в самом факте. И самое неприятное — при мысли о том, что он снова прикоснётся ко мне, внутри возникало не одно возмущение.

Я провела пальцем по краю стакана.

— Если я скажу «нет», ты действительно остановишься?

Вопрос прозвучал тише, чем хотелось. Нино не ответил сразу, и я подняла глаза.

— Да, — произнёс он без колебаний. — Но ты тоже перестанешь молчать и ждать, пока я сам пойму, что у тебя в голове. Мне не нужна жена, которая терпит из принципа, а потом ненавидит меня за то, о чём не сказала.

В его словах было слишком много здравого смысла, чтобы я могла правильно возразить. Это раздражало почти оскорбительно.

Я снова взялась за вилку.

— Твоя самоуверенность когда-нибудь станет причиной твоей смерти.

Нино чуть приподнял бровь.

— Я каждый день достаточно близко к смерти, Миллиана. Самоуверенность там далеко не главная причина.

Фраза зацепилась в голове. Я медленно разрезала омлет, хотя аппетит окончательно пропал. С момента вчерашнего разговора один вопрос возвращался снова и снова. Я знала, кто он. Знала, чем занимается Семья. Но между знанием в общих чертах и конкретным человеком напротив оставалась огромная пропасть.

— Ты убивал? — спросила я, не поднимая глаз от тарелки. Тишина между нами стала другой.

— Да, — ответил Нино после короткой паузы. — Больше людей, чем тебе сейчас стоит пытаться представить.

Я всё-таки посмотрела на него. Никакой гордости. Никакой попытки напугать. Он сообщил это так же прямо, как утром рассказывал о клятве.

И вот здесь мне стало по-настоящему не по себе.

Я ещё сутки назад считала его просто опасным мужчиной с оружием, а теперь сидела напротив человека, который спокойно признавался в убийствах и через час собирался забрать меня в свой дом. При этом странным образом сама новость не разрушила картину мира, а только завершила её. Оружие, охрана, закрытые разговоры, власть, клятва — всё наконец соединялось между собой.

К концу завтрака я уже понимала несколько вещей, которых вчера утром не знала вообще. Сегодня я улечу в Нью-Йорк. Буду жить в доме Нино. Рядом останутся люди, обязанные защищать меня, но вместе с этой защитой придут правила. Мы будем делить спальню. И прошедшая ночь, ско-

рее всего, действительно не станет единственной.

Последняя мысль должна была злить сильнее остальных.

Но не злила.

По крайней мере, не только.

Когда с завтраком было покончено, я отложила салфетку и поднялась.

— Я в уборную, — сказала я, поправляя пиджак на плечах. — И нет, сопровождение мне не требуется.

Нино проводил взглядом движение моих рук по лацканам, затем поднял глаза к лицу.

— Иди. Только не исчезай через вентиляцию.

Я фыркнула и ушла прежде, чем он придумал продолжение. Несколько минут без его взгляда сейчас казались необходимостью.

В уборной я подошла к зеркалу и остановилась перед отражением. Следов свадьбы почти не осталось. Волосы распущены, белое платье под чужим пиджаком, кольцо на пальце. Только взгляд выдавал, что за последние сутки моя жизнь успела перевернуться несколько раз.

Дверь открылась.

Аврора вошла быстро, но сразу же замедлилась, увидев меня. Она проверила кабинки, дождалась, пока убедится, что мы одни, и только после этого подошла.

Она искала доказательство, что со мной всё в порядке.

Аврора взяла меня за руку и внимательно осмотрела лицо, будто следы вчерашней ночи обязательно должны были быть

видны.

— Милли, скажи честно, — начала она, и пальцы на моей ладони сжались сильнее. — Он тебя не заставил?

Я почти сразу поняла, что именно она спрашивает. Ответа глаза всё равно пришлось.

— Нет, Рори. Нино меня не принуждал.

На лице сестры тревога сменилась растерянностью.

— Значит, вы...

— Да, — оборвала я её раньше, чем фраза прозвучала полностью. Щёки опять предательски потеплели. — И прежде чем начнёшь допрашивать: да, я сама согласилась.

Аврора смотрела на меня несколько секунд, а потом её взгляд стал мягче.

— Тогда почему ты выглядишь так, будто тебе хочется одновременно убить его и спрятаться под раковиной?

От точности формулировки мне даже стало смешно.

— Потому что я всё ещё злюсь на него, — призналась я. — После всего было бы проще, если бы я его только ненавидела. А теперь выяснилось, что моё тело вообще не интересуется тем, можем ли мы хотеть этого человека.

Аврора тихо выдохнула и обняла меня. Я сразу прижала её к себе, и только тогда напряжение последних часов немного ослабло.

— Милли, желание не отменяет того, что он делал раньше, — сказала она, не отпуская меня. — Ты можешь злиться, не доверять ему и всё равно хотеть. Одно не обязано уни-

что жать другое.

Я прикрыла глаза. Именно это я знала сама, но почему-то услышать от неё оказалось легче.

Когда Аврора отстранилась, взгляд опустил на пиджак Нино.

— А вот это уже подозрительно.

Я машинально запахла ткань плотнее.

— Мне холодно.

Сестра посмотрела на меня таким выражением, что стало понятно: не поверила ни единому слову.

Я не стала оправдываться.

Мы вышли вместе и пошли медленно, не торопясь возвращаться каждая к своему завтраку. Недалеко от нас стоял Виктор. Он разговаривал по телефону и заметил нас почти сразу. Закончив звонок, направился навстречу.

Аврора первой отпустила мою руку и почти налетела на него.

— Ты живой, — выдохнула она, вцепившись в его руку.

— Вчера мы вообще не понимали, что с тобой произошло.

Виктор положил ладонь ей на плечо и коротко сжал. Для постороннего жест выглядел почти формальным, но я слишком хорошо его знала. Так он всегда проверял, что мы действительно рядом и целы.

— Со мной всё в порядке, — спокойно ответил он. — В отличие от вашего плана.

Аврора недовольно нахмурилась, но я уже смотрела на

Виктора. Вчерашняя парковка не выходила из головы. Его странное предупреждение перед машиной.

— Ты увидел Дина ещё до того, как мы подошли к машине, — сказала я.

Виктор не стал притворяться, что не понимает.

— Да. Я заметил его за рулём. Стёкла были затемнены, но я узнал его достаточно быстро.

Аврора резко отпустила его руку.

— И всё равно позволил нам сесть?

Виктор перевёл на неё взгляд. Ни оправдывающейся улыбки, ни попытки смягчить ответ.

— Потому что к тому моменту побег уже закончился. Если бы я крикнул вам остановиться, Миллиана развернулась бы и попыталась искать другой выход. Я не знал, сколько людей Корлионезо находилось у служебных дверей и на парковке. Зато знал, что Дин сидел в машине не для того, чтобы причинить вам вред.

Мне не понравилось, насколько уверенно он это говорил.

— А если бы ты ошибся?

Лицо Виктора стало жёстче.

— Я не рискую вами на основании надежды. Я знал, кто такой Дин и что ему приказано. Его задачей было вернуть вас внутрь. Не стрелять, не тащить силой и не делать ничего, что вынудило бы меня вмешаться.

Я вспомнила, как Виктор смотрел на машину перед уходом. Тогда его слова казались бессмысленными. Теперь ста-

новилося ясно: он не пытался успокоить меня. Он пытался остановить от глупости, не выдавая того, что уже понял.

— Поэтому ты сказал, что Нино не такой, каким мне кажется.

— Поэтому, — подтвердил Виктор. — Ты уже была готова бежать куда угодно, лишь бы подальше от него. Если бы я сказал, что вас ждут, ты восприняла бы это как ещё одну причину сопротивляться.

Попал точно. Я бы именно так и сделала.

Аврора снова взяла Виктора под руку, но теперь уже спокойнее.

— Дин действительно ничего мне не сделал, — призналась она. — Даже не касался, пока я сама не вышла. Только предупредил, что если начну кричать, прибежит охрана и Милли станет хуже.

Я поморщилась.

— Как предусмотрительно.

— Милли, он хотя бы не врал, — Аврора слегка пожала плечом.

Я вернулась взглядом к Виктору.

— Почему ты ушёл и не остался рядом?

— Потому что звонил Дмитрий, — ответил он. — Если бы я исчез одновременно с вами, он понял бы всё за минуту. Мне нужно было сохранить возможность остаться рядом после того, как вас остановят. Драка на парковке закончилась бы тем, что я потерял бы доступ к вам обоим. Это было бы

хуже.

В его логике не было ни одной красивой детали. Только расчёт. Именно таким Виктора я и знала.

— Нино рассказал отцу, что ты помогал?

На этот раз Виктор чуть дольше задержал на мне взгляд.

— Нет. После церемонии мы поговорили. Валентино дал понять, что понимает, почему я это сделал. И предупредил: второй раз вывезти тебя без его ведома он не позволит.

— То есть угрожал, — сразу вмешалась Аврора.

Виктор посмотрел на неё строго, но без раздражения.

— Предупредил. В его мире это разные вещи. И да, тебе эта разница не понравится.

Я обняла себя за плечи поверх пиджака.

— Мне вообще мало что нравится в его мире. Особенно то, что ты знал о нём всё это время.

Авроре я рассказала всю правду ещё при первой возможности во время свадьбы, поэтому говорить при ней уклончиво не было необходимости.

Виктор мог промолчать о плане Нино, потому что оценивал угрозу. Но он знал о Соборе, о Доне, о Корлионезо, о том, кем был мой отец. Знал годами и всё это время смотрел, как мы с Авророй живём внутри огромной лжи.

Виктор несколько секунд молчал.

— Я не имел права рассказывать вам о делах Дмитрия, — произнёс он наконец. — Это не значит, что мне нравилось держать вас в неведении. Я надеялся, что вам не придётся

узнать правду так.

— Плохое оправдание.

— Согласен.

Я подошла и обняла его. Не потому, что простила всё за одну секунду. Просто слишком хорошо понимала, что через час уеду, а он останется здесь.

Виктор замер только на мгновение, затем положил ладонь мне на спину. Аврора сразу оказалась рядом, прижавшись с другой стороны, и несколько секунд мы снова стояли втроём, как раньше, когда никакого Собора, Корлионезо и Нью-Йорка в моей жизни будто не существовало.

— Я лечу с тобой, — произнёс Виктор.

Я сначала решила, что ослышалась, и отстранилась.

— Что?

— В Нью-Йорк, — повторил он спокойно. — В качестве твоего личного охранника. Документы уже готовы. Валентино согласился, что рядом с тобой должен остаться человек, которому ты доверяешь.

Несколько секунд я просто смотрела на него.

Облегчение пришло настолько резко, что стало трудно дышать. Всё утро я пыталась представить дом Нино, его людей, неизвестные правила, город, в котором у меня не будет Авроры. И только теперь впервые появилось что-то знакомое, что я могла взять с собой.

Я снова сжала руку Виктора.

Аврора улыбнулась, но в глазах почти сразу появилась

грусть.

— Значит, она хотя бы не будет там одна, — тихо сказала она.

Я посмотрела на сестру и почувствовала, как радость от слов Виктора мгновенно смешалась с другим пониманием.

Не одна.

Но без неё.

— Я слышу, — раздался за моей спиной низкий голос.

Мы с Авророй обернулись почти одновременно. Нино шёл по коридору без спешки, но одного взгляда на его лицо хватило, чтобы понять, что моё отсутствие затянулось дольше, чем ему понравилось. Он сначала посмотрел на Виктора, затем на его руку у меня на плече и только после этого перевёл внимание на меня.

Виктор первым убрал ладонь и выпрямился, возвращаясь к той профессиональной сдержанности, с которой я привыкла видеть его рядом с посторонними.

— Миллиана уже знает, что я лечу с вами.

— Я вижу, что новость она восприняла хорошо, — Нино остановился рядом и положил ладонь мне на поясницу. — Ты задержалась.

Я повернула к нему голову.

— У меня состоялось несколько разговоров, которые сложно уместить в срок, придуманный тобой у себя в голове. Или поход в уборную теперь тоже требует согласования?

Пальцы Нино чуть сдвинулись по ткани пиджака, поправ-

ляя его на моём плече.

— Нет. Но если исчезаешь из моего поля зрения дольше, чем собиралась, предупреди. Особенно после вчерашнего утра.

Возразить было чем, но спорить об охране перед Виктором казалось бессмысленным. К тому же я уже начинала понимать неприятную особенность нового мира. Некоторые ограничения действительно существовали не потому, что Нино нравилось мной командовать. От этого они не становились приятнее, зато спорить приходилось точнее.

Аврора, похоже, решила воспользоваться редким моментом, когда мы оба молчали.

— Это ты согласился, чтобы Виктор поехал с Милли? — спросила она, глядя на Нино уже без прежнего испуга. После вчерашнего дня страх в ней не исчез, но любопытство и желание защищать меня явно начали его теснить.

Нино перевёл взгляд на неё.

— Да. Виктор знает её лучше большинства моих людей, а она ему доверяет. В первые недели это полезнее, чем приставить к ней ещё десять незнакомых мужчин, от которых она будет пытаться сбежать из принципа.

Я медленно посмотрела на него.

— Как приятно узнать, что моё присутствие в Нью-Йорке уже оформлено как отдельная категория риска.

— Так и есть, — ответил Нино без тени смущения. — Я предпочитаю учитывать проблему до того, как она разобьёт

окно и полезет по пожарной лестнице.

Аврора прыснула, а я одарила мужа взглядом, который должен был ясно сообщить, что идея с пожарной лестницей теперь, возможно, внесена в список.

С противоположной стороны коридора появился Дин. Он выглядел неприлично бодрым и уже издалека заметил Аврору. Улыбка на его лице стала заметнее, а мне этого хватило, чтобы внутренне насторожиться.

— Доброе утро, — он остановился рядом с братом и быстро оглядел нас всех. — Рад видеть, что сегодня никто не маскируется под персонал отеля. Хотя, признаюсь, форма тебе шла.

Последнюю фразу он адресовал Авроре.

Она скрестила руки на груди, но уголки губ всё равно дрогнули.

— А мне казалось, ты вчера был слишком занят похищением нашей машины, чтобы оценивать форму.

— Я умею совмещать обязанности, — невозмутимо ответил Дин. — Очень полезный навык.

Я наблюдала за ним внимательнее, чем хотела бы. Вчера он держался с Авророй корректно, сегодня не приближался без необходимости, но его интерес уже невозможно было списать на обычную общительность. Он смотрел на сестру дольше, чем на остальных, ловил каждую её реакцию и явно получал удовольствие, когда она отвечала ему тем же тоном.

— Дин, — вмешалась я прежде, чем он успел продолжить.

— Давай сразу договоримся: не смотри на неё так.

Он перевёл глаза на меня, и в них мгновенно появилось знакомое веселье.

— Боюсь спросить, как именно я смотрю.

— Как мужчина, которому в голову пришла идея, способная мне не понравиться.

— Очень точное описание половины моих идей, — признал он, однако к Авроре ближе не подошёл. — Но если тебя успокоит, я прекрасно знаю, кто она.

— Вот именно это меня и не успокаивает.

Рука Нино на моей пояснице чуть сжалась. Не останавливая меня, скорее напоминая, что он слышит и, если понадобится, вмешается.

Аврора дёрнула меня за рукав пиджака.

— Милли, я стою рядом. Ты можешь перестать обсуждать меня так, будто мне двенадцать?

Я сразу повернулась к ней. Возражение уже было готово, но пришлось проглотить. После всего, что отец сделал со мной под предлогом знания того, что для меня лучше, меньше всего хотелось самой повторять ту же ошибку с сестрой.

— Хорошо, — уступила я нехотя. — Но если он начнёт предлагать тебе подозрительные экскурсии, сначала вспомни-най парковку.

— Я как раз собирался предложить Нью-Йорк, — Дин опёрся плечом о стену и посмотрел на Аврору. Насмешка в голосе осталась, но взгляд стал серьёзнее. — Если когда-ни-

будь приедешь, покажу город. Обещаю начать с чего-нибудь менее криминального.

Аврора усмехнулась.

— После знакомства с вашей семьёй планка действительно очень низкая.

Дин коротко рассмеялся. На секунду его лицо изменилось — не стало мягким или мечтательным, просто исчезла привычная издёвка. Он смотрел на неё с открытым интересом, и именно это мне не понравилось сильнее всего. Шутку можно было отбить. Настоящий интерес — уже нет.

Нино тоже заметил перемену. Я увидела это по короткому взгляду, которым он обменялся с братом, но вмешиваться он не стал.

— Мне она нравится, — произнёс Дин будто невзначай, но уже без усмешки.

Я сразу сделала полшага к Авроре.

— Даже не начинай.

Нино удержал меня ладонью на талии прежде, чем я окончательно закрыла сестру собой.

— Миллиана, — сказал он тихо возле моего виска. — Она взрослая. А Дин достаточно хорошо знает, что случится, если забудет о границах.

В голосе не было угрозы, но Дин поднял бровь.

— Спасибо за доверие, брат.

— Это не доверие, — Нино посмотрел на него. — Это напоминание.

Вот теперь мне стало немного легче.

Аврора, конечно, услышала совсем другое и закатила глаза.

— Вы все можете перестать решать, что мне разрешено? Дин вчера ничего мне не сделал. Он отвёл меня обратно и держался нормально. Это не значит, что я простила ему парковку, но и изображать из него чудовище только потому, что он Корлионезо, я не собираюсь.

Я посмотрела на сестру внимательнее. Лёгкий румянец на щеках она скрыть не смогла, особенно когда Дин снова поймал её взгляд.

— Буду заслуживать прощение, — произнёс он, и на этот раз в его голосе почти не осталось игры.

Мне это понравилось ещё меньше.

Нино взглянул на часы, прекращая разговор раньше, чем я успела придумать очередное предупреждение.

— Через пятнадцать минут выезжаем. Если хочешь нормально попрощаться с семьёй, лучше сделать это сейчас.

Пятнадцать минут. Через пятнадцать минут я сяду в машину, потом в самолёт, а Аврора останется здесь.

Сестра тоже перестала улыбаться. Её пальцы сразу нашли мою руку.

— Всего пятнадцать? — спросила она, и в голосе впервые за всё утро появилась настоящая растерянность.

Нино посмотрел на неё, затем на меня. Ладонь с моей талии исчезла.

— Да. Идите. Мы подойдём позже.

Я почти удивилась тому, что он не стал сопровождать меня сам. Наверное, понял: последние минуты с Авророй я ему не отдам даже без драки.

Сестра потянула меня в сторону ресторана. Я успела сделать несколько шагов, прежде чем всё-таки обернулась. Дин уже что-то говорил Нино, но взгляд его почти сразу перескочил через плечо брата к Авроре. Она тоже повернула голову, буквально на секунду, и, встретившись с ним глазами, быстро отвернулась.

Я молча взяла её под руку крепче.

Разговор о Дине у нас действительно ещё будет. Но не сейчас. Сейчас меня куда сильнее пугало то, насколько быстро заканчивалось время.

Мы шли медленнее, чем требовалось. Аврора не отпускала мою руку, а я не торопила её, хотя прекрасно знала, что Нино следит за часами.

Рядом шла Аврора. Моя привычная реальность. Человек, ради которого я вообще согласилась на этот брак.

Я посмотрела на её профиль и вдруг остро поняла, что сегодня вечером не смогу просто открыть соседнюю дверь, залезть к ней на кровать и рассказать всё, что не сумела сказать Нино. Не услышу её язвительный комментарий через стену. Не смогу проверить собственными глазами, что она дома и с ней всё хорошо. Виктор полетит со мной, и это действительно облегчало страх перед Нью-Йорком, но заменить сестру

не мог никто.

Наверное, Аврора думала о том же, потому что вдруг переплела наши пальцы.

Я ничего не сказала и только сжала её руку в ответ.

Отец ждал нас возле окна. Мать сидела за столом с чашкой кофе и даже не попыталась изобразить радость от моего появления. Когда мы подошли, отец сначала посмотрел на кольцо на моей руке, затем на слишком большой пиджак Нино на плечах и только после этого поднял глаза к моему лицу.

По его взгляду я поняла: он заметил всё. В этот момент к нам присоединились братья.

— Нам нужно поговорить до твоего отъезда, — произнёс отец, не предлагая сесть. — Это займёт несколько минут.

Аврора крепче сжала мою руку, но я осторожно освободила пальцы и встала напротив отца. Нино остановился рядом, положив ладонь мне на поясницу, однако вмешиваться не спешил.

— Говори, — ответила я.

Отец заметил мой тон, но на этот раз не стал делать замечание.

— Я не собираюсь просить прощения за этот брак, — начал он, сложив руки за спиной. — Он был необходим, и даже при других обстоятельствах я принял бы то же решение.

Я ожидала от него холодности, но прямота всё равно причинила боль.

— Даже зная, как Нино вёл себя со мной при первой встрече? — спросила я, удерживая его взгляд. — Даже зная, что я не хотела этой свадьбы?

— Твои желания не могли быть важнее безопасности семьи, — отец ответил без колебаний. — Ты была единственным разумным способом закрепить союз. Я использовал его.

Аврора резко вдохнула рядом со мной, а пальцы Нино на моей спине немного сжались. Он не остановил отца, но я почувствовала, что внимательно следит за каждым его словом.

— Как удобно называть дочь способом, — сказала я, чувствуя, как внутри снова поднимается знакомая злость.

— Можешь называть это как хочешь, Миллиана. Теперь ты жена Корлионезо, и от того, как ты будешь вести себя в Нью-Йорке, зависит не только твоя жизнь. Не устраивай публичных сцен, не пытайся снова сбежать и не вмешивайся в дела, которых пока не понимаешь.

Я медленно покачала головой. Даже сейчас, когда я уезжала, отец думал не о том, как мне будет рядом с этим мужчиной, а о том, не испорчу ли я союз своим характером.

— Ты прощаешься со мной или даёшь последние распоряжения? — спросила я.

— Я предупреждаю, — жёстко ответил он. — Твоя привычка сначала действовать, а потом думать уже едва не создала проблемы. В доме Корлионезо за подобные ошибки могут заплатить другие люди.

— Не беспокойтесь, Дмитрий, — вмешался Нино, и его

спокойный голос сразу заставил отца перевести на него взгляд. — За поведение своей жены я отвечу сам.

— Именно это меня и беспокоит. Миллиана не умеет подчиняться, а ты не привык слышать возражения.

— Значит, нам обоим придётся привыкнуть к новому, — ответил Нино, не убирая руки. — Но обсуждать её так, будто она здесь не стоит, больше не нужно.

Отец сжал челюсть. Несколько секунд мужчины смотрели друг на друга, пока мама не поставила чашку на блюдце и не нарушила молчание.

— Валентино быстро научит её правильному поведению, — произнесла она с лёгкой улыбкой. — У Миллианы всегда было слишком много гордости для женщины, которая ничего не знает о настоящей жизни.

Я уже собиралась ответить, но Нино опередил меня. Его ладонь переместилась с моей поясницы на талию, притягивая ближе.

— Её гордость вас больше не касается, — сказал он, глядя на мать. — Как и то, каким способом я строю отношения со своей женой.

Мама приподняла брови.

— Я всего лишь дала совет.

— Его никто не просил, — Нино произнёс это без раздражения, но достаточно жёстко, чтобы она замолчала. — И впредь не обсуждайте с Миллианой её место рядом со мной. Она знает его лучше вас.

Слова снова прозвучали собственнически, но сейчас я не стала спорить. Впервые мать не нашла подходящего ответа и только отвернулась к окну.

Отец посмотрел на меня ещё раз.

— Аврора останется под моей защитой, как я обещал. Ты выполнила свою часть соглашения, я выполню свою.

— Она не часть соглашения, — резко ответила я. — И если ты когда-нибудь снова попытаешься использовать её так же, как меня, я вернусь.

— Не угрожай мне перед отъездом, Миллиана, — отец чуть подался вперёд. — Ты пока не понимаешь, насколько мало власти у тебя есть.

— А ты не проверяй, сколько я смогу получить, — произнесла я, не опуская взгляда.

На его лице не появилось ни гордости, ни тепла. Только короткая оценка, будто он впервые решил, что я могу стать для него настоящей проблемой.

— Тогда учись быстрее, — сказал он. — В этом мире слабых не жалеют, даже если они носят именные кольца.

Этимися словами отец закончил разговор. Он не подошёл ко мне, не обнял и не пожелал счастливого пути. Только кивнул Нино, словно передавал ему ответственность, которую больше не хотел нести. От матери тоже не последовало прощания, и это оказалось проще, чем выслушивать очередную колкость. Аврора стояла в нескольких шагах от нас, сжав руки перед собой.

— Рори, — позвала я, подходя к ней.

Она обняла меня так быстро, что я едва удержалась на ногах. Её руки крепко сомкнулись вокруг моей талии, а лицо уткнулось мне в плечо.

— Я не хочу, чтобы ты уезжала, — прошептала Аврора, и голос сразу дрогнул.

— Я знаю, — ответила я, поглаживая её по волосам. — Но Виктор будет со мной, а я буду звонить тебе каждый день.

— Это не то же самое, — она отстранилась и посмотрела мне в глаза. — Там будет Нино, его дом, его люди. А ты даже не знаешь, как всё устроено.

— Узнаю, — сказала я, стараясь говорить увереннее, чем чувствовала себя на самом деле. — И ты тоже не должна оставаться одна со всем этим. Если отец начнёт давить на тебя, или мама скажет или сделает что-то, что тебя напугает, сразу звони мне.

Аврора кивнула, вытирая щёку ладонью.

— А если ты не ответишь?

— Тогда Виктору или Дино. Нино, в крайнем случае, — добавила я после короткой паузы. — Только не пытайся справиться со всем сама и не молчи ради спокойствия родителей.

— Я не доверяю Нино, — тихо призналась она, бросив взгляд на мужчину.

— Я тоже не доверяю ему полностью, — ответила я честно. — Но если вопрос будет касаться твоей безопасности, он

поможет. Хотя бы потому, что знает, что я не прощу обратного.

Нино услышал, но не вмешался. Он стоял рядом с Дином и Виктором, позволяя нам договорить без напоминаний о времени.

Аврора снова обняла меня ещё крепче.

— Ты всё равно моя Милли, — прошептала она. — Не позволяй им сделать тебя другой.

— Не позволю, — пообещала я, целуя её в висок. — А ты не устраивай побеги без меня.

Она тихо рассмеялась сквозь слёзы.

— Тогда возвращайся быстрее.

— Обязательно.

Мы ещё несколько секунд держались друг за друга, но я сама отступила первой, иначе не смогла бы уйти вообще. Аврора продолжала сжимать мои пальцы до тех пор, пока расстояние между нами не заставило их разомкнуться.

Глава 7.

С

алон личного джета Семьи Корлионезо встретил меня светлой кожей кресел, тёмным деревом и мягким ковром. Всё выглядело слишком безупречно и спокойно для момента, когда моя жизнь окончательно делилась на «до» и «после».

Нино вошёл первым, коротко поприветствовал пилота и

мужчину у входа, будто для него этот перелёт ничем не отличался от десятков предыдущих. Я задержалась на верхней ступени и посмотрела через плечо на аэродром. Где-то там оставалась Аврора, и только сейчас, когда дверь самолёта почти закрывалась за мной, расстояние между нами стало ощущаться по-настоящему.

— Не стой так долго, — Дин остановился позади и придержал дверь над моей головой. В голосе ещё звучала привычная насмешка, но подгонять он не стал. — Нино решит, что ты выбираешь момент для прыжка.

— А если выбираю? — я всё же вошла внутрь и намеренно прошла мимо Нино, заняв кресло у противоположного иллюминатора. Пусть хотя бы это решение останется моим.

Дин устроился напротив, вытянул ноги и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

— Тогда предупреди. Мне любопытно, успеет ли брат тебя поймать или впервые в жизни будет выглядеть растерянным.

— Тебе стоило оставить его на земле. Тогда задача упростилась бы.

Усмешка Дина стала шире, и я сама не удержалась от короткой улыбки. Нино тут же поднял глаза от телефона. Взгляд скользнул по моему лицу, задержался на Дине и вернулся к экрану, но теперь уже было очевидно, что ни одного слова он не пропускает.

Дин тоже это заметил.

— Видишь? — произнёс он тише и чуть наклонился вперёд. — Даже когда делает вид, что занят, контролирует всё вокруг. Очень утомительная черта характера. Я уже двадцать два года страдаю.

— Ты жив только потому, что я терпеливый, — спокойно отозвался Нино, не отрываясь от телефона. Голос оставался ровным, но челюсть слегка напряглась.

— Нет, я жив потому, что слишком обаятельный, чтобы меня убивать, — Дин откинулся обратно и бросил на брата довольный взгляд. — Хотя признаю, после свадьбы твой запас терпения стал подозрительно меньше.

Мне не требовалось уточнять, что именно он имеет в виду. Нино наконец поднял глаза. Несколько секунд братья смотрели друг на друга, и я впервые отчётливо увидела разницу между ними. Дин намеренно тянул границу, пока не почувствует, где она заканчивается, Нино же вообще не нуждался в повышенном голосе, чтобы обозначить её.

Дин первым поднял ладони.

— Всё, молчу. Салон слишком дорогой, чтобы проверять, насколько семейная любовь устойчива к насилию.

Самолёт начал движение, и я повернулась к иллюминатору. Полоса медленно поплыла назад, потом скорость резко увеличилась, прижимая тело к креслу. Летать я не боялась, но пальцы всё равно сжались на подлокотнике.

В этот раз дело было не в высоте. С каждым метром от земли между мной и Авророй становилось всё больше рас-

стояния, и впервые за всю жизнь я не знала, когда снова смогу просто войти к ней в комнату без предупреждения.

Утром мысль о Нью-Йорке казалась абстрактной. Дом Нино, его люди, новые правила — всё это можно было отложить до момента приземления. А вот оставить сестру пришлось сейчас.

Дин посмотрел на мою руку, сжавшую подлокотник, но шутить не стал. Это я тоже заметила.

— Перелёт пройдёт быстро, — сказал он уже без обычной театральности. — А если в доме станет совсем невыносимо, приходи ко мне. У меня есть компромат на Нино с детства. Фотографии, которые могут разрушить его грозную ауру.

Я повернула голову, заинтересовавшись против воли.

— Насколько разрушить?

— Достаточно, чтобы ты впервые посмотрела на него и подумала каким милым он может быть.

— Дин, — голос Нино прозвучал ниже.

Телефон уже лежал у него на колене. Он смотрел на брата так, что любой другой, вероятно, предпочёл бы сменить тему сразу. Дин только едва заметно усмехнулся.

Я перевела взгляд на Нино и неожиданно поняла, что знаю причину его раздражения.

— Он не фотографий боится, — произнесла я, всё ещё наблюдая за ним. — Просто не любит, когда кто-то другой решает, какую его версию мне показывать.

Несколько секунд никто не говорил.

Выражение Нино изменилось совсем немного, но мне этого хватило. Взгляд стал внимательнее, будто я случайно нажала на что-то, что он предпочитал держать закрытым. Странно было понимать, что ещё вчера я почти ничего о нём не знала, а сегодня уже начинала замечать такие мелочи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.